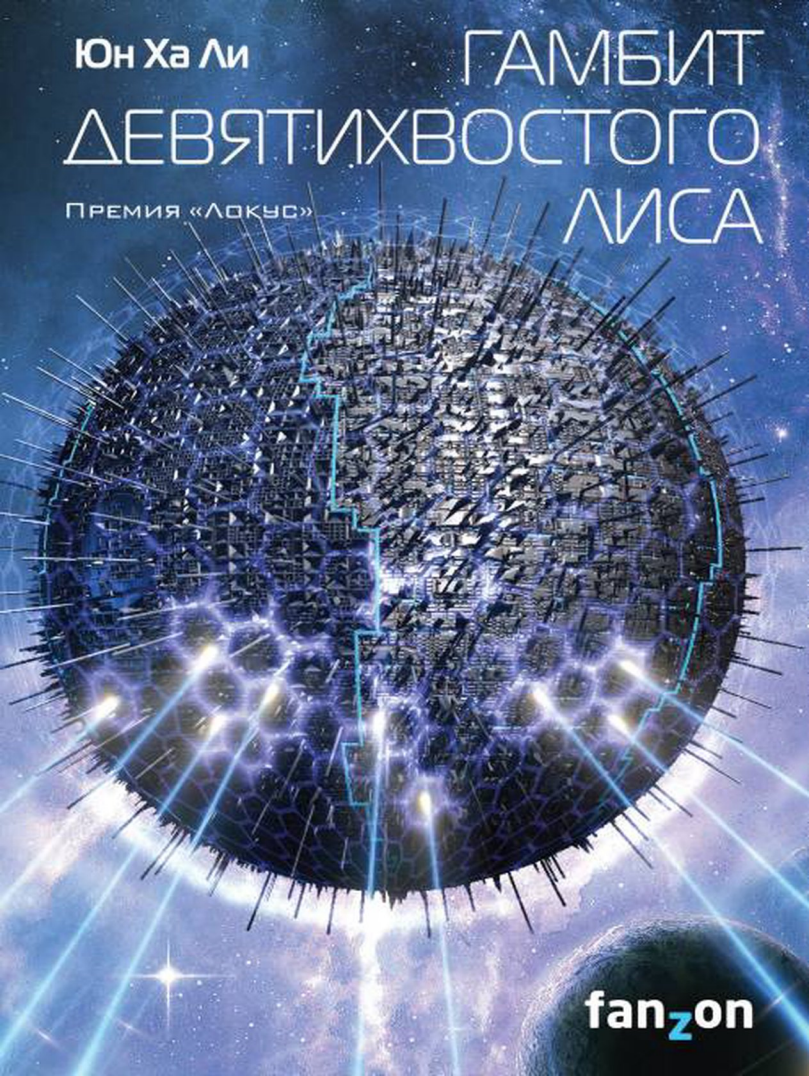
Юн Ха Ли

ГАМБИТ ДЕВЯТИХВОСТОГО ЛИСА

Премия «Локус»



fanzon

Гамбит девятихвостого лиса

Юн Ха Ли

Аннотация
Юн Ха Ли. Гамбит девятихвостого лиса
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Благодарности

Аннотация

Капитан гекзархата Кел Черис опозорила себя нестандартной боевой тактикой. Командование дарит ей последний шанс вернуть честь, отбив захваченную еретиками Крепость Рассыпанных Игл. На карту поставлена не только карьера Черис. Если космическая крепость останется в руках мятежников, гекзархат падет следом.

Единственная надежда Черис – это союз с немертвым генералом Джедао, визионером, Архипредателем и безумцем. Он выигрывал битвы, которые невозможно выиграть, и только его военному гению по силам захватить крепость. В своей первой жизни он обезумел и полностью истребил обе армии, одной из которых командовал сам, но теперь он лишь призрак в «черной колыбели».

Чем ближе конец осады, тем у Черис возникает больше вопросов к генералу. Так ли он безумен? Что он планирует? Не станет ли она его следующей жертвой?

Юн Ха Ли
Гамбит девятихвостого лиса

© Н. Осояну, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

В Академии Кел инструктор как-то раз объяснила классу Черис, что пороговый отделитель — это оружие на крайний случай, и не только потому, что он печально знаменит. Упомянутому инструктору случилось как-то раз узреть отделитель в действии. Одна деталь засела у Черис в памяти, и она была связана не с тем, что каждая дверь в осажденном городе излучала радиацию, которая испепелила жителей. И не с основополагающими уравнениями оружия, и даже не с тем, что левый глаз инструктора, поврежденный во время того самого штурма, лучился мерцающим призрачным светом.

Черис лучше всего запомнилась фраза, сказанная инструктором невзначай: увидев трупы, которые были просто трупами, а не искореженными источниками радиации на фоне выжженных дочерна стен и стеклянного мусора, с лопнувшими глазными яблоками, она испытала один из лучших моментов в своей жизни.

Пять лет, пять месяцев и шестнадцать дней спустя, окруженная разбитыми танками и дымя-

щимися ямами на планете под названием Драга, форпосте Угрей-еретиков, капитан Кел Черис[1], командующая ротой Цапли, 109–229-го батальона, пришла к выводу, что инструктор несла полную ерунду. У мертвецов, у обнаженных костей, с которых испарилась плоть, утешения не получишь. Ничего не получишь, кроме голых цифр.

На инструктаже им сообщили, что Угри обзавелись генератором направляющих бурь. Бури приводили векторы в беспорядок. Эффект был локальным, но проблематичным, если параллельные колонны оказывались на противоположных концах дороги в сотне километров друг от друга, и фатальным, если движение по поверхности планеты уводило их под землю. Окажешься слишком близко — и бури могут полностью расщепить твои атомы на составные части. Черис и других капитанов заверили, что пожиратели погоды сдержат бури и что пехоте Кел надо всего лишь пойти и захватить генератор.

Это было восемнадцать часов назад. Крах плана никого не удивил. А вот бойня — другое дело.

Рота Цапли покинула прикрытие юго-западных

[1] Примечания: 1

Названия фракций гекзархата (Кел, Шуос, Видона, Рахал и Андан), присоединенные к именам персонажей, не склоняются (по аналогии с китайскими, японскими и корейскими фамилиями). — *Прим. перевод.*

лесов всего лишь восемьдесят три минуты назад. Они намеревались продвигаться по нудной извилистой траектории на восток, а потом — на север, вокруг высоты 117, потому что разведка указала, что передовые отряды Угрей предположительно обосновались в гористой местности вблизи лесов, оставляя путь через холмы открытым. Когда рота Черис выбралась из зарослей, они увидели, что произошло с подразделениями Кел, которые их опередили.

Первые впечатления от того, что стало с батальоном, оказались такими ошеломительными, что Черис не удалось сразу взять себя в руки. Она увидела чьи-то вывернутые наизнанку ступни рядом с ботинками, на которых не было ни пятнышка. Черные с золотом униформы Кел, вплетенные в потрескавшиеся ребра. Искореженные черепа с разинутыми челюстями и глазницами на висках, с застрявшими в зубах кусочками сухожилий. Богохульная книга, написанная всеми оттенками красного, какие человеческое тело порождало без особой на то причины, — книга, чьи страницы раскидало по всему полю боя от горизонта до горизонта.

Ее рота выжила благодаря дурацкому стечению обстоятельств. Ошибка полевой сети помеша-

ла им прибыть вовремя, так что главный удар противника они пропустили. Она не знала, выжили ли какие-то другие роты или батальоны. Невозможность связаться с полковым штабом не удивляла. Ничего нового — просто опять вырубилась связь. Однако приказ есть приказ, и лучше двигаться вперед. Как только они подойдут достаточно близко, главные силы Угрей больше не смогут запускать против них бури без риска самим оказаться в зоне действия.

Пульсирующее тепло в левой руке сообщило, что кто-то вышел на связь. Сервитор Воробей-3 передал координаты батальона Угрей, который должен был прибыть примерно через два часа. Передача оборвалась вспышкой боли: сервитора засекли. Было опрометчиво надеяться, что Угри не узнают в нем сервитора Кел, и тот факт, что они позволили ему узнать, что он раскрыт, и лишь потом уничтожили, вызывал беспокойство. Но оплакивать Воробья-3, который любил музыку Кел, не было времени; этим придется заняться потом.

— От других сервиторов что-нибудь есть? — спросила Черис у своего офицера по связи, лейтенант-инженера Диненга, по субвокальной

трансляции[2].

Пауза.

— Ничего, сэр, — ответил Диненг. — Воробей-8 изучает бурю впереди.

Черис нахмурилась, просматривая периодически мелькающие в поле зрения донесения. Вообще-то визуальный оверлей мешал как следует видеть местность, но она к такому привыкла.

Сравнивая старые карты и новые разведданные, она вполуха слушала болтовню по субвокальной сети. В трескучем звуковом потоке снова и снова выделялись некоторые слова и фразы: *Угри. Спать. Бури, фрактальный коэффициент, ну почему эти пожиратели погоды не поторопятся*. И, помилуйте, неужто Кел Иноэ опять рассказывает про свою интимную жизнь?

Со своей стороны, Черис не возражала бы свернуться клубочком в тени какой-нибудь скалы и проспать неделю. Неделя была одной из немногих единиц измерения времени, которые гекзархат не регулировал. В ее старом доме, в городе Пирующих Воронов, пользовались восьмидневной неделей. Уставая, она легко путала военную де-

---

[2] Примечания: 2

Субвокализация — мысленная речь, при которой фактические движения языка и голосовых связок могут фиксироваться специальными датчиками.

сятидневную неделю с восьмидневной. Согласно традициям, которым втайне следовал народ ее матери, сегодня был День Падали, напоминающий о важности тех, кто поглощает мертвечину. Согласиться с этим было трудно.

— Сэр. — Старший лейтенант Кел Вераб вынудил ее стряхнуть задумчивость. — Мне не нравятся эти силуэты на высоте 119. — Та располагалась к юго-западу от 117-й. Черис вывела нужное изображение на свой дисплей и нахмурилась при виде замысловатых очертаний. — Вероятно, это какая-то установка, и, держу пари, у нее есть глаза. Рискну предположить, что Угри пустят в ход артиллерию в ту же секунду, когда подумают, что могут накрыть нас всех сразу. Может, стоит продолжать двигаться на восток.

— Мы не сможем вечно избегать еретиков, — возразила Черис. — Будем надеяться, что формационная защита выдержит, когда они начнут кидаться снарядами. — Она обратилась к роте. — Формация «Веер Пир». — На самом деле она называлась длиннее, но на поле боя ни у кого не было времени на полные имена.

«Веер Пир» относился к простейшим формациям. Как и предполагало название, она напоминала клин. Она была самой легкой для

Черис: капитан сама заняла главную опорную точку в авангарде, а остальные построились относительно нее.

Формационный бой был специальностью Кел. Комбинация формационной геометрии и келовской дисциплины позволяла овладевать экзотическими эффектами, от тепловых копий до силовых щитов. К несчастью, как и вся экзотика, эта способность зависела от приверженности местных жителей к высокому календарю гекзархата. А высокий календарь был не просто системой хронометрии. Он включал праздники, поминальные дни с ритуальными пытками еретиков и весь шаткий общественный порядок.

Черис поняла, что формационный эффект подействовал, когда мир сдвинулся в синий спектр, а всё черное сделалось серым. «Веер Пир» предоставлял защиту от погоды. Обычно предпочитали полагаться на пожирателей погоды, но Черис утратила всякую веру в то, что в этой миссии от них будет какой-нибудь прок. К несчастью, формация не защитит ее подразделение от прямого попадания. Капитан надеялась подойти поближе к генератору до того, как это станет проблемой.

На случай изменения в ситуации были и другие формации. Пехотная библиотека Кел включала

тысячи, хотя лишь сотня или около того входили в обязательный для студентов Первичный лексикон. Также надо было сделать поправку на переходный период модулирования, в особенности при переключении на какую-нибудь малознакомую формацию. Черис могла передать солдатам всю необходимую информацию через сеть, но это бы не заменило строевые учения.

Когда они повернули на север, ритм марша успокоил Черис. Под ногами солдат хрустели кряжистые суккуленты, слишком низенькие, чтобы предоставить надежное укрытие. Растения источали едкий запах, который рассеивался и наполнял воздух липкой сладостью. Во время региональной разведки местности их не пометили как токсичные. Черис не знала, представляют ли растения какую-то важность для Угрей. Наверное, она покинет Драгу — если вообще покинет, — так и не узнав.

Лейтенант Вераб посредством тепловой пульсации предупредил ее о замеченных врагах. По внутренней связи Черис услышала, как младший сержант ругает какого-то новобранца-растяпу за то, что тот уронил винтовку.

Полевые укрепления Угрей, занимающие один из холмов повыше, выглядели суровым утесом

посреди пыльного моря, и их патрули вели себя с некоторой небрежностью. Но в какой-то момент далекие силуэты людей оживленно засуетились: Черис готова была держать пари, что до сих пор они считали, что находятся в безопасности.

Она уделила толику внимания знамени Угрей, на котором изображались зеленое пламя и мрачная тень из повторяющихся завитушек. Угри называли себя «Обществом расцвета», хотя гекзархат этим названием не пользовался. Отнимая имена, они лишали людей силы — Черис усвоила этот урок и старалась о нем не думать.

— Развернуть знамя Кел, — рявкнула она. — В атаку, огонь. Пусть умрет всё, что хоть дернется.

Знаменосцы запустили генератор, и в небе вспыхнуло ослепительное пламя. Посреди золотого огня возник пепельный ястреб Кел — черная птица, горящая в пламени собственной славы, а под ястребом — личная эмблема их генерала, Цепь шипов. Несмотря на веселое удивление Черис по поводу того, как чувствительны были Кел к дизайну — конечно, эмблемой был напыщенный пепельный ястреб, конечно, не обошлось без огня, — при виде знамени она испытала приступ жгучей боли в тайных глубинах души.

Несколько новобранцев из взвода Вераба стре-

ляли в защитников, слишком быстро и не очень хорошо. Сержант, отвлекшись на что-то другое, не спешил направить их усилия с большей пользой, но Вераб уже взялся за дело сам. И всё-таки лучше стрелять, чем не стрелять.

Вокруг них поднялась буря, с устрашающей точностью огибающая укрепления Угрей. Мир погрузился в хаос, посреди которого мелькали чьи-то силуэты. Запах земли был острым, солено-сладким; на губах скрипел песок. Где-то на задворках разума Черис осознала, что источник сладости — цветущие суккуленты.

Придется пробраться через лагерь, прежде чем они разыщут какое-нибудь укрытие от погоды. Черис точно не знала, готовы ли Угри пожертвовать товарищами, чтобы обрушить на Кел по-настоящему мощную бурю.

— Лейтенант, взвод у вас под контролем? — спросила Черис Вераба.

Для формационного боя имело значение умонастроение каждого солдата, ведь в противном случае экзотические эффекты ослабевали. В этом микрокосме отчетливо выражалась важность Доктрины для общества гекзархата. Формационный инстинкт, который каждому Кел внедряли в Академии, должен был обеспечить нужную

сплоченность. На практике с кем-то получалось лучше, с кем-то — хуже.

— Они будут служить, сэр, — отрывисто ответил Вераб.

— Позаботьтесь об этом, — сказала Черис.

Дисплей показывал, что остальные взводы держатся стойко. Пули лупили по защитному полю формации и рикошетили под абсурдными углами. Шел проливной дождь, но ни одна капля не упала на Черис или солдат, которые стояли рядом с нею.

Дождь странным образом превратился в снег, а снег — в кристаллы. Она приказала Воробью-14 поймать один и принести. Тот серебристо блестел и преломлял свет, порождая миниатюрные радуги — холодные и печальные, в сине-фиолетовых тонах. Она не коснулась кристалла, пусть и была в перчатках Кел. Воробья уже пожирала коррозия, и она выразила ему свое сожаление. Он безропотно чирикнул в ответ.

«Веер Пир» должен был защитить их от бури без дополнительных преобразующих эффектов. Черис нахмурилась. За пять лет учебы в Академии она немало времени уделила математическим аспектам формационной механики. Выбирая формацию, она точно знала, какие у той слабые

стороны.

Проблема заключалась в том, что ее анализ зависел от консенсусной механики высокого календаря. Теперь появились свидетельства того, что генератор направляющих бурь работал именно так, потому что полагался на радикально еретический календарь с сопутствующей еретической механикой, и это мешало формации действовать как полагается. Она разозлилась на себя из-за того, что не предусмотрела такое. Чаще всего еретики использовали технологии, совместимые с высоким календарем, но развитие чисто еретической технологии всегда оставалось вероятным.

Вышестоящим следовало об этом знать, но она и не ожидала, что генералы станут беседовать с офицером более низкого ранга на темы, связанные с ересью. И всё же другие роты Кел не должны были погибнуть вот так, размазанными по полю боя. Как и Черис, их капитаны положились на пожирателей погоды или формации, на экзотические эффекты, от которых цивилизация сделалась зависимой после их открытия. Черис мало к чему относилась с презрением, но бессмысленные траты были как раз по этой части.

Отклонение от высокого календаря можно

было измерить, и подразделение Черис предоставило ей инструмент для подобных измерений. Она перевела дух, прислушиваясь к субвокальной болтовне. *Буря* и *смерть, цвет неба* и *волдыри. Враг враг враг* и *грёбаные кристаллы. Просто царапина, нет… Криф мертва*. То есть Криферафа, которую вечно дразнили из-за непроизносимого имени.

Пули и огонь Угрей обрушились на них, сливаясь с бурей. Черис невольно дернулась, когда мимо с шипением пронеслось огненное щупальце, отклоненное формацией.

Солдатам не понравится то, что она задумала, но какая разница — главное, чтобы они выжили.

— Переключаю на себя управление формацией, — сообщила Черис в эфире. Ее дыхание застывало в воздухе серебристо-белыми облачками. Она почти не чувствовала холода — дурной знак. — Отряды с третьего по шестой, упорядочить формацию. — Она написала уравнения одной рукой на другой руке, позволяя кинетическим сенсорам их фиксировать.

Сперва небольшая проверка. Потом, в зависимости от результатов, дополнительные проверки, чтобы понять, в чем заключаются отклонения и можно ли извлечь из них что-то полезное. В

работе с еретической механикой таилась некоторая доля ереси, но ей приказали использовать все имеющиеся ресурсы — и Черис собиралась сделать именно это.

Формация дрогнула. Черис не видела этого со своей позиции, но иконка формации сделалась яркой и колючей, предупреждая, что ее целостность под угрозой. Скрежещущий звук в ушах капитана подталкивал дать сигнал к отступлению или приказать солдатам сменить формацию на другую — любую, какую угодно, но в рамках Доктрины. По краям поля зрения появилась краснота.

— Так задумано, — раздраженно сказала Черис и стерла все тревожные предупреждения.

Настоящая проблема заключалась в другом. Настоящей проблемой была нерешительность ее солдат. Отряды Три, Пять и Шесть следовали приказам, хотя Шестому было нелегко перестроиться — они потеряли слишком много людей. Черис смягчилась и попросила у сержанта снимок местности. Направляющая буря рассекла отряд, оставив после себя грязные пятна и части трупов, которые расплывались в розоватые лужи. Черис внесла уточнения в формацию, но с остальным сержанту предстояло разобраться

самостоятельно.

Четвертый отряд сопротивлялся приказам. «Веер Пир» они знали и понимали. А присланные ею изменения — нет. Сержант выдал шаблонный протест, чуть ли не процитировал кодекс поведения Кел. Формация не входила ни в один из лексиконов Кел. Нетрадиционное мышление угрожало испытанной иерархической системе. Ее приказы мешают продвижению интересов гекзархата. И так далее.

Буря атаковала: завесы пульсирующего света падали одна за другой, со змеиным проворством, принося с собой едкий запах. Черис и Диненг послали им навстречу еще одного Воробья — убедиться, что свет несет смертельную опасность. Воробей слишком поздно увернулся от световой ленты, и его с пронзительным взвизгом рассекло на металлические ленточки. Куски посыпались на землю, где свет начал их снова и снова преобразовывать, пока не получилось что-то вроде скопления усеченных кубов. Черис поморщилась, но уже ничего нельзя было сделать.

Черис вышла в эфир и с безграничным терпением сказала непокорному сержанту:

— Подумайте еще раз.

Лучше всего заручиться его поддержкой. Иначе

ей придется снова пересмотреть формацию, и кто знает, что из этого выйдет.

Она годами сидела с ним за офицерским столом, слушала его анекдоты о службе в Затонувшей марке[3], у Оперённого моста между двумя великими континентами мира под названием Макту. Она знала, что он любит дважды глотнуть из собственной чаши, после того, как общинная чаша проходит по кругу, а потом переложить пикули или шпинат с кунжутом поверх риса. Она знала, что он предпочитает раскладывать вещи по местам. Это было понятное побуждение. И оно вело его к смерти.

Она начала переписывать уравнения, зная, каким будет ответ.

Сержант повторил протест, чуть не обвинив ее саму в ереси. Формационный инстинкт должен был вынудить его подчиниться, но тот факт, что он считал ее действия глубоко не-келскими, подпитывал желание сопротивляться.

Черис оборвала связь и разослала сведения о новой формации. В подтверждении от лейтенанта Вераба послышались мрачные нотки. Черис пометила четвертый отряд как изгнанников —

---

[3] Примечания: 3

Марка — здесь означает, как в средневековой Европе, приграничную провинцию.

они перестали быть Кел. Они ей не подчинились, и дело с концом.

Новая формация неуклюже собралась и двинулась вперед. Теперь они принимали на себя более тяжелый огонь. Два дерева взорвались от прикосновения Угриного огня, когда мимо них прошел Пятый отряд. Разлетевшимися щепками капрала пришпилило к склону холма. Солдат в трех шагах от Черис вывалился из формации и исчез, превратившись в облако кровавых ошметков. Кел Никара, который так красиво пел…

Четвертый отряд уже растворялся, но ей было некогда на них смотреть.

Черис вела наступление от точки до точки. Она снова перестроила формацию, разослав приказы отдельным солдатам, прорабатывая в уме промежуточные формы, целью которых было удержать геометрию в пределах допустимых ошибок. Буря рассеивалась: они были слишком близко к Угрям. Следующий вопрос заключался в том, сможет ли она теперь, когда влияние бури сходило на нет, разработать формацию, которая предоставит им лучшую защиту против инвариантных орудий Угрей, работающих в любом календаре.

Их превосходили числом в соотношении пять к одному, но формации были Угрям недоступны,

так что у Кел имелся шанс. Черис спешила, и ей удобнее всего было воспользоваться незатейливым множителем силы. Новые изменения. Оставшиеся солдаты ей доверяли. По внутренней связи донеслось: *Угри, вонь трупов, тяжелый огонь от того трупа, барабанный бой.* Они снова обращали внимание на важное.

К облегчению Черис, множитель силы, изъятый из формации под названием «Один шип отравляет тысячу рук» и модифицированный, удалось линеаризировать для использования в формации ее собственного сочинения. Она и ее солдаты были вооружены календарными мечами, которые обычно использовались для дуэлей. Она не очень-то любила это оружие, но они находились возле генератора бурь, который следовало взять в целости и сохранности — на этот счет приказы генерала были яснее ясного. Мечи не повреждали неживые объекты, что и стало главным доводом в их пользу.

— Мечи к бою, — скомандовала Черис.

Кел обнажили мечи — полосы света разных оттенков. Меч Черис переходил от синего у рукояти к красному у острия. По мере того, как они сближались с врагом, вдоль «лезвий» вспыхивали цифры: «День и час твоей смерти», так это

называли Кел.

Только вот дата и время на мече Черис были неправильные. Она оказалась не единственной, кого это потрясло. *В ремонт его, лучше бы винтовку взял,* ужасная *календарная гниль.* Цифры не просто были аномальными, они трепетали и искрились, то расплывались, то делались снова четкими. Быстрый обзор всей роты показал, что та же самая неприятность постигла каждый меч. Это само по себе было плохо, но мечи даже не были синхронизированы.

— Сэр, может быть, другое оружие… — начал лейтенант Вераб.

— Продолжаем наступление, — сказала Черис. — Никаких пистолетов. — Если мечи окажутся неэффективными, придется попробовать что-то другое, но пока что они не отключились совсем. Это давало Черис надежду — если ее можно было так назвать.

Сперва всё шло хорошо. От каждого удара мечом падали десятки Угрей, силовые линии косили их ряды. Сама Черис работала мечом методично, по-деловому, так же, как и на дуэлях. Один ее выпад сразил восемь солдат в рядах Угрей. С углами атаки у нее всегда был порядок.

Формация Кел держалась, пока они проруба-

лись сквозь Угрей. Остаточный туман на холме окрасился в рыжеватый цвет. Черис нарочно вглядывалась в лица Угрей. Они не очень-то отличались от ее собственных солдат: моложе и старше, с темной кожей или бледной, глаза чаще всего карие, но иной раз серые. Один из них мог бы оказаться братом Диненга, не считая светлых глаз. Но календарный свет превращал их в чужаков, окутывая смутными тенями, которые медленно рассеивались.

Они столкнулись с неожиданной помехой, когда генератор бурь оказался в поле зрения. Приземистая установка взгромоздилась на вершине невысокого холма, окруженная прозрачным частоколом. Генератор сильно напоминал маленький и деформированный танк. Черис запросила и получила оценку его приблизительной массы от одного из Воробьев. Ответ заставил ее прикусить губу. Что ж, для этого им и нужны «поплавки».

Еще страннее было то, что генератор охраняли всего лишь четверо сервиторов, принадлежащих Угрям. Они были вооружены лазерами, но пока что их огонь не проникал сквозь защиту Кел.

Черис поняла, что текущая формация становится неэффективной, когда воздух сделался холодным и серым. Ей стало трудно дышать, и,

хотя у нее была аварийная система подачи воздуха — как и у всех, — она заподозрила, что это лишь начало. И действительно, вскоре им к тому же стало всё труднее и труднее двигаться.

Ее первые попытки восстановить формацию привели лишь к тому, что ветер сделался более холодным, а мир — более серым. Стиснув зубы — *зима, энтропия,* пора *выбираться*, но они ведь *так близко,* — она попробовала новую конфигурацию. Было трудно думать, трудно заставлять себя дышать. Ей показалось, что она слышит песню снега.

— Мне нужны ваши вычислительные квоты, — сказала Черис своим лейтенантам. Они так близко к генератору погоды, и Угри отступали, разбитые. Надо просто захватить проклятую штуковину и продержаться, пока их не эвакуируют. Но чтобы выстоять, нужна работающая формация. Капитану этого хватило, чтобы затосковать по временам банальных пуль и бомб.

Сама мысль о том, чтобы лишить солдат вычислительных мощностей, нравилась ей не больше, чем им, — то есть совсем не нравилась. Но они не были в лагере, где могли бы создать более мощную сеть. У них не было доступа к большой и действенной сети дружественного пустомота

или военной базы. Ей пришлось использовать полевую сеть, поскольку это было всё, чем они обладали.

Черис дала своей роте секунду на осознание того, что должно было случиться, а потом переключила выделенные им вычислительные мощности на себя. Она проигнорировала возражения, большей частью рефлекторные, но не всегда: *не вижу, потерял координаты*, здесь *так холодно*, череда ругательств. Вераб что-то говорил другим лейтенантам, но не пометил разговор как достойный ее внимания, так что она решила, что он сам разберется.

Она сформулировала вопрос так, чтобы в разумное время посредством вычислительной атаки найти ответ. Сеть роты не обладала разумом подобно военным сервиторам, но могла четко реагировать, если с ней правильно беседовали. Когда мир погрузился во тьму, сеть проинформировала Черис, что та должна действовать на основе определенной серии приблизительных моделей. Черис разрешила произвести вычисления и добавила несколько ограничений, чтобы поскорее найти подходящее решение.

Она понимала, в чем проблема: генератор бурь не просто полагался на еретическую механику

— что также объясняло трудности, с которыми столкнулись пожиратели погоды, — он еще и сам по себе являлся нарушением высокого календаря. Мысль о том, что придется докладывать об этом начальству, не обрадовала Черис.

Их омыло зелено-черным огнем — это был один из последних всплесков сопротивления Угрей. Черис молча умоляла формацию продержаться достаточно долго, чтобы полевая сеть разобралась с вычислениями. «Быстрее», — подумала она, чувствуя такой холод, что казалось, будто ее зубы превратились в льдинки, а пальцы — в оцепенелые артритные коряги.

— Генератор наш, сэр! — прокричал Вераб, когда его взвод уничтожил последний тлеющий очаг вражеской силы. Они получили передышку.

— Хорошая работа, — искренне поблагодарила Черис. — Теперь надо продержаться.

Вычисления стоили дорого. По внутренней связи Черис обнаружила, что Кел Зро из Третьего отряда выгрузила больше функций ситуационной осведомленности, чем устанавливали строгие правила, и теперь ей пришлось за это расплачиваться. Солдат справа от Зро предупреждающе вскрикнул, и она едва успела скорректировать свою позицию, чтобы не угодить под всплеск вра-

жеского огня. Зро была не единственной, у кого начались проблемы. Даже те, кто использовал релейную связь с обычными предосторожностями, столкнулись с нарушениями синхронизации.

Черис попросила у сети оценку предварительных результатов и просмотрела их. Не то, не то, не то… ага. Она ввела свои предложения и продолжила ждать, пока небо становилось всё тусклее.

— Сэр, — сказал лейтенант Анкат из Третьего взвода. — Чутье подсказывает мне, что кто-то вынуждает Угрей сплотиться и напасть на нас. Это, знаете ли, умный ход с их стороны.

— Я не могу ускорить вычисления, — сказала Черис. — Мы Кел. Они нет. Если придется грызть их зубами, чтобы стряхнуть с собственных пяток, так и поступим.

Наконец сеть выдала рабочую модель ситуации, в которой они оказались. Черис сдержала невольный вздох облегчения и произнесла приказы, с трудом ворочая языком, подобным куску угля, в котором погасла последняя искра.

В ответ рота пришла в движение, словно машина, разобранная на скрипучие компоненты. Черис подстроилась под образ действий Первого и Второго взводов и приказала тыловым взводам развернуться и заняться остатками Угрей.

Постепенно — по мере того как они занимали нужную позицию — остатки энтропийного холода растаяли. Какое же облегчение, снова дышать полной грудью.

Черис уделила секунду размышлениям о трупах Угрей поблизости. Некоторые усохли и превратились в статуи из мутного льда. Другие растворялись в лужах загадочных цветов, не похожих на подлинные оттенки плоти, глаз, волос. Она оценила количество жертв и записала сведения, чтобы позже сравнить с данными Воробьев. Важно признавать цифры, в особенности если речь идет о тех, кто погиб по твоей вине.

Черис и лейтенанты реорганизовали роту, чтобы лучше защищать генератор бурь, используя формацию, тревожно напоминающую «Погребальный костер, прогорающий изнутри» из запрещенного списка. Потом она послала импульсную передачу, которая уведомляла орбитальное командование о том, что им удалось занять непрочный плацдарм на территории Угрей. Если повезет, передача достигнет цели.

Когда пришел ответный вызов, она не сразу узнала подпись командующего, потому что не ждала ответа — уж точно не так скоро после отправки пакета данных.

Раздался голос, язвительный и потрясающе четкий после невнятного жужжания внутренней связи:

— Вызываю капитана Кел Черис, рота Цапли, 109–229-й батальон.

Она узнала говорившего: бригадный генерал Кел Фарош, ответственная за экспедицию.

Продолжая наблюдать за ситуацией, Черис ответила по тому же каналу, используя соответствующий ключ.

— Это капитан Черис, генерал. Мы захватили цель.

— Не имеет значения, — сказала Фарош; Черис ждала не такого ответа. — Подготовьтесь к эвакуации через двадцать шесть минут. Оставьте генератор. Мы на время вырубили ПВО Угрей в этой зоне.

Черис бросила взгляд через плечо на генератор, сомневаясь, что правильно расслышала. Машину окружал искрящийся сгусток сине-фиолетового света. От одного взгляда она вспомнила о холоде, и кости заныли.

— Генератор, сэр?

— Вы проделали хорошую работу — сказала Фарош, — но теперь это чужая проблема. Оставьте его там, где нашли. — И она отключилась.

Черис передала известие остальным.

— Да вы шутите, сэр, — пришел ответ Вераба. — Мы же здесь сейчас, так давайте закончим дело.

— Мы всегда можем остаться добровольно, — сухо заметил Анкат. — Все знают, как сильно Командование Кел любит добровольцев.

— Мне ясно дали понять, что нам следует убираться отсюда, — сказала Черис. Но она разделяла их досаду. Они рассчитывали выгнать Угрей из их убежищ, чтобы силовики гекзархата смогли перепрограммировать выживших и вновь сделать их частью цивилизации. Странно, что экспедицию вот так прервали. Зачем посылать их за генератором бурь, если брать его с собой нет нужды?

Самый младший из солдат — Кел Дезкен, только что из академии — выскользнул из строя, пытаясь поделиться с товарищем дурацкой шуткой, и погиб от последней пули Угрей. Черис отметила это мимоходом. Крайне неудачный момент, но Кел часто сопровождали неудачи.

Когда прибыли хопперы и команды медиков, чтобы доставить их на орбиту, в сопровождении сервиторов модели «сторожевой ястреб» и — хоть их польза была сомнительна — пожирателей погоды, Черис испытывала разочарование по

поводу того, что приходилось покинуть поле боя. В каком-то смысле каждая битва была домом: ужасным домом, где за маленькие ошибки наказывали, а великую добродетель не замечали, и всё-таки… Она не знала, что говорит о ней как о человеке такая приверженность долгу, но до той поры, пока это ее долг, размышления по этому поводу не имели значения.

«Сторожевые ястребы», угловатые птицеформы, обеспечили огневое прикрытие, чтобы рота смогла спокойно погрузиться в транспорт. Они как будто испытывали от своей работы некую безмятежную радость, летая вверх-вниз, туда-сюда. Никаких формаций; сервиторы Кел были формационно-нейтральными.

Солнце Драги ярко сияло в небе. Его свет отражался на оружии, которое выпало из сломанных рук, на крови и пятнах желтой жидкости на треснувших ребрах, на игольчатых осколках буревых кристаллов. Черис поднялась на борт последней. Она зафиксировала поле боя в памяти, как будто выцарапывая его на стенках собственного черепа.

Переполненный хоппер пропитался по́том и изнеможением. Черис села чуть дальше от остальных солдат. Она смотрела в иллюминатор,

когда они взмыли в небо, так что увидела, как дожидавшийся знамемот Кел сбросил две бомбы, аккуратно и точно, на то самое место, которое они только что покинули. Целый день тяжелой битвы, и ее цель как таковая обращена в ничто бризантными снарядами. Она продолжала смотреть, пока яркие цветы взрывов не превратились в искорки, которые едва можно было увидеть невооруженным глазом.

Глава вторая

Гекзарх Шуос Микодез сам не знал, что хуже: мерцающие показания, оповещающие его о кризисе в Крепости Рассыпанных Игл, или тот факт, что серебряная иконка вызова с пустомота гекзарха Нирай Куджена безостановочно подмигивала ему вот уже четыре часа и двенадцать минут. Для начала, Куджен был болтливым ублюдком, — впрочем, не Микодезу его за это критиковать, — а самое худшее заключалось в том, что у него имелась серьезная причина связаться с Микодезом по поводу опасности, грозящей гекзархату.

Штаб-квартира фракции Шуос располагалась в Цитадели Глаз, звездной крепости в марке Стеклянных ножей. Казалось бы, простой астрографический факт, только вот он означал, что Цитадель находилась неприятно близко к Крепости Рассыпанных Игл в прилегающей Запутанной марке, где недавно и начались неприятности. Календарные течения иной раз простирались на удивление далеко, даже с поправкой на межзвездные расстояния, и от этого Микодез с особенным вниманием воспринял

проблему, которая маячила на горизонте. Увы, от маленькой ереси большие неприятности. Но он был уверен, что их лучший кандидат для решения этой задачки был одновременно и лучшим кандидатом на получение разрешения использовать кое-какое оружие Шуосов — самое старое оружие Шуосов, в особенности с учетом того, что оно находилось в Арсенале Кел. Гептарх Шуос Хиаз, которая и передала его под контроль Кел 398 лет назад в припадке безграничной злости, была ответственна за многое.

Так или иначе, Микодез не любил медлить, но требовалось время, чтобы его математики закончили последнюю проверку избранной им кандидатки из числа Кел с учетом того, что она только что учудила на Драге. В Цитадели Глаз у него было множество кабинетов, и сегодня он устроился в том, который использовал для завершения начатых дел, а не для того, чтобы пугать впечатлительных собеседников. Во всяком случае, ничто из того, что он держал в этом офисе, не испугает Куджена — ни картины с изображением девятихвостых лис с их глазастыми хвостами, ни отсутствие видимого оружия, ни узорчатая доска для игры в камни с незаконченной партией, ни случайная подборка натюрмортов. Микодез счи-

тал важным окружать себя вещами, которые не имели ничего общего с его работой. (В основном. Он не хуже других Шуосов придумывал способы убивать людей с помощью предметов, которые для этого как будто не годились.)

Сегодняшнюю картину он выбрал нарочно, чтобы вывести Куджена из равновесия: впечатляющее архитектурное сооружение с безумными изгибами и мозаичными гранями, существовавшее в далеком детстве Куджена. Куджена ничуть не волновали люди, в особенности те, которые не могли угнаться за ним в области вроде теории чисел — а таких в гекзархате было исчезающе малое количество, и текущий кандидат входила в их число, — но архитектуру он любил, а также двигатели и механизмы империи.

Микодез снова посмотрел на портрет кандидатки и нахмурился. Он хорошо изучил ее психологический профиль. Один из его агентов отметил ее выдающиеся математические способности еще когда она была лейтенантом, и они за ней следили, надеясь, что она не даст себя застрелить во время какой-нибудь дурацкой миссии, охраняя груз капусты. (К капусте Кел испытывали идиосинкразию. А вот маринованные пикули любили всей душой.) С точки зрения внешности

в ней не было ничего особенного: черноволосая и кареглазая, как большинство жителей гекзархата, с кожей цвета слоновой кости, намного светлее, чем у него. Наделена некоей мрачной привлекательностью, но не такой, чтобы все взгляды устремлялись на нее, когда она входит в комнату, и этот рот… интересно, она вообще улыбается? Наверное, очень редко — только среди друзей или когда надо подбодрить какого-нибудь новобранца. Психопрофиль выделял сильное чувство долга; а вот это Микодезу пригодится.

Сколько еще он сможет морочить голову Куджену? Микодез поразмыслил, не вызвать ли математиков, но, если на их панели связи появится мигающая иконка в виде янтарного глаза, они лишь начнут ворчать, а ему нужно, чтобы они были в хорошем настроении, потому что эту задачку он не в силах решить сам. Кадетом он неплохо справлялся с математикой, но с тех пор прошли десятилетия. И он не стал математиком, не говоря уже о специализации по календарным техникам и об умении осуществлять подобную оценку.

В строгом смысле слова, гекзарх Шуос Микодез был выше Куджена по статусу, поскольку возглавлял более важную фракцию. Но Куджен не просто

являлся самым старым гекзархом 864 лет от роду — он еще и, как это ни печально, нес ответственность за доминирование гекзархата. Он изобрел первую модификацию мот-двигателя, благодаря чему и стало возможным быстрое распространение влияния изначального гептархата, а также стал первооткрывателем целой математической области, породившей современную календарную механику. Микодез остро осознавал, что он, откровенно говоря, тривиальный бюрократ, возглавляющий кучку сварливых шпионов, аналитиков и наемных убийц, пусть даже ему удалось кое-чего добиться за последние четыре десятилетия, учитывая тот факт, что обычно срок жизни, отмеренный гекзарху фракции Шуос, измерялся однозначным числом. А вот Куджен, напротив, был незаменим — по крайней мере до тех пор, пока Микодез не подыщет лучший вариант.

Бессмертие Куджена было секретом, который Микодез пока что не мог раскрыть. Дело заключалось не только в возрасте как таковом, хотя никто другой не смог найти разумный метод, позволяющий прожить дольше 140–150 лет. Четыре других гекзарха были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы разгадать секрет Куджена.

Первый человек, на котором опробовали существующее устройство бессмертия, сошел с ума. Третий пустился той же дорогой. Куджен, номер два, ничуть не пострадал. Он любил намекать, что знает способ не сойти с ума, но отказывался поделиться. Как типично.

Если бы Микодезу кто-нибудь задал соответствующий вопрос, он бы ответил, что бессмертие похоже на секс: оно превращает разумных людей в идиотов. Но другие гекзархи ни разу его об этом не спросили. Наверное, думали, что он так же отчаянно нуждается в бессмертии, как и они сами.

Показатели Крепости опять мигнули. Серые щупальца гнили — цвет смерти, пыли и холодного дождя. Микодез нахмурился, а потом напечатал запрос. Кое-какой анализ он может провести и сам. Тотчас же появились цифры. Самые проблематичные элементы матриц мигали. Их было очень много.

Рахал, которые обычно следили за тем, чтобы календарь функционировал как положено, приняли собственные контрмеры; однако их не хватило, чтобы справиться с ересью такого масштаба. Придется пустить в ход военную мощь, пусть даже все (кроме Кел) желали иного.

Микодез опять посмотрел на пустомот и послал

запрос помощнику. Может, что-нибудь изменилось за последние шестнадцать минут. Если нет, он всё равно поговорит с Кудженом и проверит, получится ли заморочить ему голову с помощью обычных уловок и трюков, протянув еще хоть несколько драгоценных минут. Скорее всего, не получится — ведь Куджен его отлично знает, — но попробовать всё равно стоит.

От помощника, Шуос Зехуна, пришел необычно прямолинейный ответ: «Хватит колебаться, Микодез. Она в здравом уме и подходит нам». К сообщению прилагались оценки математиков. Они пришли к единодушному мнению, что кандидатка и впрямь весьма хороша — по крайней мере, в этой конкретной области.

Что ж, ладно.

— Линия 1–1, — сказал Микодез. — Включайте мне Куджена.

Видео разместилось справа от набора параметров, которые позволяли Микодезу следить за тем, насколько ухудшалось положение с календарной ересью в Запутанной марке, и сопоставлять это с данными по зоне в непосредственной близи от Крепости. Пока что совокупные цифры выглядели устойчивыми, но маловероятно, что они такими и останутся.

Появилось изображение мужчины — стройного, темноволосого и очень бледного, с великолепными порочными глазами. Пускай Нирай Куджен возглавлял техническую, а не культурную фракцию, из него мог бы получиться подлинный Андан: он всегда оставался как минимум красив. Прямо сейчас на нем был дымчатый шарф с радужными полосками, а черная с серым рубашка застегивалась на перламутровые пуговицы в форме листочков. Куджен, видимо, тратил на свой гардероб столько же, сколько на целый научный отдел. Впрочем, он добивался результатов, с этим не поспоришь. Кел должны благодарить его за бóльшую часть своего оружия.

— Рад видеть, что тебя не убили, — сухо сказал Куджен. Философия Шуос гласила, что трон гекзарха может занять кто угодно, главное — суметь на нем удержаться. Драки за этот самый трон были любимым способом времяпрепровождения у членов фракции. — Будь ты каким-нибудь другим Шуосом, я бы заявил, что вместо ответа на мой звонок ты отправился кого-то застрелить, соблазнить или шпионил за ним, но тебя, не сомневаюсь, просто завалило горой бумаг.

Микодез пожал плечами. Обычно они соглашались друг с другом относительно того, насколько

важна действенная бюрократия.

— Мне без разницы, каких кандидатов ты уже спугнул, — сказал он Куджену. — Есть кое-кто получше. — И переслал файл.

На этот раз, взглянув на фото кандидата, капитана Кел Черис, Микодез задержал взгляд на ее сигнификате, который был изображен под портретом: Пепельный ястреб, крылья в футляре. Хороший знак, предполагающий стабильность, хотя у Кел имелось в его отношении неразумное предубеждение. Куджен тоже не оценил бы такое, но социопату и не положено ценить здравомыслие.

— Знаешь, — начал Куджен, — я бы хотел, чтобы Кел разработали более надежные батареи тактической выучки. Я позволю Джедао вычислить, как… перфоратор мне в зад, это что такое? Кел с достойным уровнем математических знаний?!

— Тебя послушать, так выбор нужного Кел — такая морока, — сказал Микодез. — Вот я и решил предоставить тебе кого-то более-менее в твоем вкусе.

Черис не просто хорошо разбиралась в математике. Вероятно, она могла соперничать с самим Кудженом, хотя было трудно сказать наверняка,

учитывая тот факт, что она не посвятила себя математическим исследованиям. Что не менее важно, она была достаточно хороша, чтобы компенсировать недостатки Джедао — их оружия — в этой самой области.

— Да где же ты ее разыскал? Нет, не отвечай. Так очаровательно — где-то есть Кел, который кое-что смыслит в высшей математике. Жаль, что я не могу наорать на вербовщиков Кел за то, что они не послали ее ко мне.

— Надо отдать им должное, — заметил Микодез, — они попытались направить ее к Нирай, но она настояла, что хочет сделаться Кел. Она была достаточно привлекательна в качестве кандидата на офицерский пост, и они поддались.

Что-то мелькнуло на краю его поля зрения. Куджен нахмурился и сказал:

— Погляди-ка на комбинированные индексы показателей Крепости, Микодез. Чем бы они там ни занимались, это ударило по всем округам одновременно. Надо же, как нам повезло — столкнулись с умными еретиками вместо обычных тупиц, поэтому надо определиться с кандидатом, который с ними разберется. Это не так-то просто сделать, когда ты валяешь дурака, избегая меня.

— Я просто хотел сделать правильный выбор, —

возразил Микодез.

— Она хороша, — согласился Куджен, — но тот коммандер с красивыми руками тоже хорош. И не закатывай глаза, я говорю о его квалификации, а не о внешности. Честное слово, Микодез, разве ты не из серьезных типов? У коммандера, по крайней мере, есть опыт в космических боях, коим не обладает твой капитан пехоты.

— Я отношусь к ситуации в Крепости очень серьезно, — заверил Микодез. — Тот факт, что математика — специализация Черис, даст ей больше возможностей, чтобы разобраться с календарным оружием. — Сказав это, он одарил Куджена ленивой улыбкой, не желая слишком явно демонстрировать свою заинтересованность.

Крепость Рассыпанных Игл располагалась в узловой точке на участке пустого космоса, вблизи от системы Сломанной Ступни. Рахал уже разместили там линзомот, но до той поры, пока сама Крепость охвачена ересью, он мог лишь уменьшать ее воздействие.

Крепость делилась на шесть округов, по одному на каждую фракцию, хотя границы соблюдались не так строго, как в былые дни. Когда-то существовал седьмой округ, в котором главенствовала фракция Лиож. Когда с ересью Лиож было по-

кончено, внутренность Крепости перестроили, чтобы ценой ошеломляющих затрат избавиться от седьмого округа.

Кто бы ни заразил Крепость, гниль поразила все шесть округов одновременно. Степень координации, которая потребовалась для такого, была проблемой сама по себе, однако у Микодеза имелись основания предполагать, что конкретная форма ереси стала результатом того, что еретики воспользовались экспериментом, затеянным гекзархом Рахал Ируджей и фальшивым гекзархом Нирай Файан. Файан должна была руководить Нирай на публике, чтобы Куджен мог в свое удовольствие заниматься научными исследованиями, но Ируджа почти сразу после вступления в должность подкупила ее. Узловая крепость стала безупречным испытательным полигоном для их работы, потому что она представляла собой гекзархат в миниатюре. Чего Микодез не понимал, так это причины, по которой они не воспользовались вместо этого какой-нибудь крепостью поменьше.

А что касается того, почему Ируджа и Файан экспериментировали с календарем, то всё очевидно. Все гекзархи знали, и даже Куджен, которому никто не говорил, мог догадаться. Они нужда-

лись в лучшей форме бессмертия. Обширные исследования утверждали, что при существующем календаре превзойти результат Куджена не получится. Микодез был не прочь спросить его об этом напрямую, но ему полагалось следить за Кудженом по поручению остальных гекзархов. Ирудже не понравилось бы, раскрой он их намерения, пусть даже о них так легко догадаться.

Со своей стороны, Куджен терпел остальных гекзархов, поскольку его бессмертие опиралось на высокий календарь в нынешней форме, а высокий календарь включал не просто цифры и меры времени, но также сопутствующую общественную систему. В этом случае шесть фракций. Если бы Куджен предложил жизнеспособную альтернативу, которая устранила бы конкуренцию, он бы превратился в реальную угрозу системе. Тот факт, что он еще не расправился со всеми прочими, прозрачно намекал на маловероятность существования такой альтернативы.

В какой-то момент Рахал Ируджа попросит Микодеза устранить Куджена по-настоящему. Микодез уже обзавелся файлами, в которых перечислялись возможные способы это сделать, и обновлял их дважды в месяц (или чаще, когда скучал), хоть и не собирался так поступать без

крайней необходимости. Конечно, развлечения Куджена превращали его в досадный источник операционных издержек, но в своей работе он был хорош и представлял собой некую степень стабильности. Разумеется, у Микодеза были планы на случай неизбежного переходного периода после смерти Куджена — просто на всякий случай.

Куджен выслал Микодезу свои предположения относительно календаря еретиков.

— Я отсортировал их по степени вероятности, — сказал Куджен. — Первый вариант — самый плохой, в особенности если они выбрали в качестве центрального целого числа семерку. А я-то думал, никто уже не уделяет внимания прошлому. — Он был одним из двух людей, которые всё еще помнили, какой была жизнь при семи, а не шести фракциях.

— Слишком часто общаешься с Кел, — заметил Микодез, хотя вера в то, что Кел презирали историю, не вполне соответствовала истине. Тем не менее перспектива возрождения Лиож — а с ними и того времени, когда гекзархат был гептархатом, — его и впрямь тревожила. В гептархате Лиож отвечали за философию и этику, и кое-какие свидетельства намекали, что их уничтожили

из-за попытки избавиться от поминальных церемоний, которые так обожал Куджен. Микодезу не понравилась мысль о том, что Куджен со всеми его склонностями может проявить к этому делу личный интерес. Кроме того, пусть и сложно было утверждать наверняка в отсутствие данных, но раз уж Лиож потерпели неудачу со своей ересью в первый раз, с чего вдруг здравомыслящим еретикам выбирать их в качестве образца для подражания?

— Унизился до шуток в стиле Кел? — спросил Куджен. Уголок его рта приподнялся.

— Кто-то же должен, — ответил Микодез. Как известно, гекзарх Кел и сама ими не брезговала.

Куджен повозился с чем-то за пределами экрана.

— Как бы там ни было, все те календари совместимы с щитами Крепости. Я порекомендовал Командованию Кел просто рассказать, как вырубить щиты, поскольку тайное всё равно станет явным, но они продолжают сопротивляться.

— Никогда не делись информацией, если в этом нет острой необходимости, — сказал Микодез. Если щиты отключатся, Крепость окажется опасно уязвимой.

— Да, но речь-то о союзниках!

«Союзники» — это было слегка чересчур.

— Им не понравится, если ты такое скажешь, — предупредил Микодез, как будто Куджен в этом нуждался. Впрочем, у Куджена всё равно не было права голоса в военных вопросах, если не считать того факта, что никто другой не мог контролировать особое оружие, которое Командование Кел хотело пустить в ход.

— Я могу держать рот на замке, — раздраженно ответил Куджен. — Ты не скрывал, что наделен обычными предубеждениями Шуосов, но я полагаю, у тебя есть свои причины, чтобы санкционировать эту миссию.

Это была больная тема для предводителей фракции Шуос вот уже около четырех веков — ведь Кел забрали у них последнего генерала, пусть даже Шуосы по-прежнему должны были одобрять операции Кел, в которых тот участвовал.

— Как бы там ни было, — проговорил Микодез, выдержав паузу и убедившись, что Куджен не желает больше ничего добавить, — ты так и не сказал, считаешь ли кандидатку приемлемой.

— Тебе ведь нравятся эти крылья-в-футляре, правда? Не боишься, что она уложит Джедао баиньки?

Это было целиком и полностью в характере Куд-

жена — считать стабильную психику скучной.

— Уверен, генерал сделает ее жизнь веселее, — сказал Микодез.

— Пустую трату ресурсов, вот что она нам принесет, — сказал Куджен. — Я всё же думаю, что коммандер подходит лучше. И я могу применить крылья-в-футляре с большей пользой, если Командованию Кел она не нужна.

Иногда Микодезу приходило в голову, что Куджену пошло бы на пользу, если бы ему кто-то дал по пальцам.

— Не жадничай, — сказал он. — У тебя будет предостаточно времени обсудить с ней последние криптологические гипотезы после того, как с Крепостью разберутся. — И еще вопрос, что ей понравится больше: решать проблему с Крепостью или общаться с гекзархом-социопатом.

— Кайфолом… — проворчал Куджен. — Ты не сдашься, да?

Микодез улыбнулся в ответ.

— Тебе нужны дополнительные средства на тот последний проект с системой подавления сигналов, верно?

— Прибегаешь к открытому подкупу? На тебя это не похоже, — удивился Куджен. — Впрочем, я не жалуюсь.

— Мне скучно, — признался Микодез, — и если я не потрачу эти деньги, кто-то из моих подчиненных направит их на что-то полезное, вроде алгоритмов по установлению угрозы. — Он славился принятием непредсказуемых решений в подобных случаях.

— Ладно, ладно, я завизирую твое предложение со своей стороны, — заявил Куджен. — Если ты считаешь, что у тебя много канцелярской работы, поглядел бы на мою.

«По-твоему, я не глядел?» — подумал Микодез, но сохранил бесстрастное выражение лица. Системы безопасности Куджена вовсе не были такими современными, как он считал.

— По крайней мере, у меня появился шанс с ней поздороваться, — продолжил Куджен, — пускай даже она будет думать лишь о долге. Иногда я думаю, что мы с Висьясом перестарались, разрабатывая формационный инстинкт, но некоторыми результатами можно только любоваться.

Микодез пожалел бы Кел Черис, но пока что Куджен был не склонен навредить тому, кто мог развлечь его в вопросах, касающихся теории чисел. Кроме того, угроза была реальной. Очень жаль, что она сделалась кандидатом на ликвидацию календарной ереси, но кто-то должен это

сделать, и у нее больший шанс на выживание, чем у многих.

— Тогда я всё подготовлю, — решил Микодез. — В зависимости от того, как тесно мне придется работать с Командованием Кел, я предоставлю ее тебе через восемнадцать дней или около того.

— Великолепно, — сказал Куджен. — На будущее, постарайся не избегать меня столь явным образом. Я испытываю неловкость, когда взрослый Шуос ведет себя так банально. — И он отключился, не дожидаясь ответа.

Что ж, стоило оказаться в неловком положении, чтобы убедиться, что на борьбу с календарной ересью пошлют того, кого предпочел он. Микодез потратил несколько минут на составление инструкций Командованию Кел, а потом отослал их.

Кел Черис была в здравом уме, хотя всё указывало на то, что это не навсегда. И всё же Микодез был вынужден обменять ее благополучие на благополучие гекзархата. Может, однажды кто-то придумает лучшее правительство, где промывка мозгов и ритуальные поминальные пытки не будут тривиальной правдой жизни. До той поры он будет делать всё, что в его силах.

Черис провела в молчании всё время, пока они

летели обратно к боксмоту, который перевозил пехоту. Боксмот был совершенно обычным: стены выкрашены в мрачный черный и темно-серый, с редкими вычурными вкраплениями золота. Черис доложилась заместителю коммандера, неулыбчивому мужчине со шрамом над правым глазом. Отсалютовала ему, прижав кулак к плечу, и он отсалютовал в ответ. Она передала сетевой ключ роты, чтобы начальство смогло в свое удовольствие проанализировать данные.

— С возвращением, капитан, — сказал заместитель, и в его взгляде Черис заметила проблеск любопытства.

Это ее встревожило — среди Кел не стоило выделяться, — но, похоже, ответа не требовалось.

Мот-сеть сообщила ей текущую схему транспортного судна и указала, где можно найти кают-компанию для офицеров, ее личную каюту и казармы солдат. На самом деле, прежде чем отправиться в соответствующую кают-компанию, надо было сперва привести себя в порядок. Согласно протоколу, она узнала статус тех, кого забрали в медотсек ввиду ранений. Она подумала о непокорном отряде, который погиб на Драге перед эвакуацией.

Ее каюта располагалась рядом с казармой роты.

Ей предоставили две комнатки и ванную. Все ее мышцы ныли, но она разыскала среди личных вещей коробочку, откуда достала вороний камень удачи, подаренный матерью на двадцать третий день рождения. Силуэт ворона на полированной тускло-серой поверхности был приятным напоминанием о доме, который она навещала так редко.

Потом кто-то быстро постучался в ее дверь: три, один, четыре, один, пять ударов…

— Входите, — сказала Черис, удивленная ритуалом. Камень удачи она спрятала.

Вошел один из сервиторов боксмота — птицеформа, — неся букет цветов из анодированной проволоки. Их было двенадцать, по одному на каждого сервитора, который пал при исполнении. Никто не признавал их заслуг официально, но это не причина, чтобы их не вспоминать.

— Спасибо, — сказала Черис птицеформе. — Внизу нам пришлось туго. Жаль, что мне не удалось сделать больше.

Птицеформа выдала череду ироничных золотых и красных вспышек. Черис, которая научилась читать упрощенный универсальный машинный язык, кивнула в ответ. Сервитор прибавил, что у него проблема с одним из зажимных

устройств, и не могла бы она уделить минутку, чтобы его отрегулировать?

— Разумеется, — сказала Черис. Она не была техником, но кое-какие ремонтные работы лучше всего выполнять человеческими руками, а основы она изучила. Как выяснилось, пришлось всего лишь чуточку повозиться с плоскогубцами особой конфигурации. Птицеформа удовлетворенно звякнула, словно колокольчик.

— Теперь мне надо вернуться к своим обязанностям, — сказала Черис. — Побеседуем позже?

Птицеформа выразила согласие и удалилась, оставив цветы.

Черис не знала ее имени. Сервиторы были предназначены для удобства людей, но она не сомневалась, что у них имелись собственные имена. Она нарочно не спрашивала об этом.

Она быстро помылась, а униформа в это время очистилась сама. Последние морщины на ткани разгладились, когда Черис взяла ее.

— Средняя официальная, — велела она ткани, и это не очень отличалось от боевой, за исключением манжет и яркости золотой отделки.

У Черис оставалось четырнадцать минут до того, как ей следовало появиться в кают-компании и разделить с ротой общинную чашу, празднуя

их возвращение живыми. Незапланированное время было куда более ценным сокровищем, чем возможность искупаться. Черис в одиночестве опустилась на стул и положила руки на стол, наслаждаясь холодным и твердым стеклянным деревом. Взглянув вниз, она могла бы увидеть свое темноглазое отражение, пересеченное завитками и вихрями, похожими на странствующие галактики.

Ее сосредоточенность нарушила тепловая пульсация в руке. Ей велели явиться к защищенному терминалу для получения приказов. Формальная завершающая фраза указывала, что Черис имеет дело с кем-то из высокого начальства. В бою использовали сокращенные завершения. Она не могла и представить себе связанный с ее ротой вопрос, который мог оказаться срочным сейчас, когда сопротивление Угрей сломлено.

У Черис возникло предчувствие, что она не разделит эту трапезу со своими солдатами, но с этим ничего нельзя было поделать. Приказы превыше всего.

Терминал стоял в дальнем углу выделенной ей каюты. Он выглядел как утопленная в стене металлическая плита, матово-черная. На полу перед терминалом была выгравирована эмблема

гекзархата: колесо с шестью спицами. Каждую спицу венчала эмблема фракции, каждой высокой фракции соответствовала низшая: девятихвостый лис Шуос с колышущимися хвостами, на каждом из которых был глаз без век, и полыхающий пепельный ястреб Кел; ножевая роза Андан и электрический скат Видона; волк-предсказатель Рахал и пустомот Нирай, усеянный звездами.

Она велела униформе принять полный официальный облик. Пепельный ястреб сделался ярче и изогнул шею — «чистит перышки», шутили Кел; изысканные бирюзовые и фиолетовые переливы придали ткани глубину. Манжеты и воротник удлинились и приобрели парчовую текстуру. Перчатки остались такими же, простыми и практичными. Кел носили более замысловатые перчатки только на похоронах.

— Капитан Кел Черис по вашему приказанию прибыла, — сказала она.

На терминале появился ее сигнификат, вокруг силуэта пепельного ястреба нарисовались красно-золотистые языки пламени. В отличие от эмблемы на мундире, пепельный ястреб на сигнификате был в конфигурации крылья-в-футляре.

Черис не уделяла сигнификату слишком много внимания, хотя в ее случае он указывал на природную склонность к тщательному планированию. Впрочем, имелись исторические примеры вопиюще неверных сигнификатов. В любом случае они были приблизительными, а не пророческими оценками. Архипредатель и безумец Шуос Джедао являлся как Девятихвостый лис, коронованный очами, визионер и стратег, но на самом деле оказался Жертвенным лисом. Последний гептарх Лиож, который до самого конца был Паутиной миров, единством из единств, умер, не выдержав давления войск Шуос, Кел и Рахал.

Она уже подумывала принести извинения и попытаться выйти на связь позже, как вдруг сигнификат на терминале рассыпался и превратился в ее собственное лицо: те же темные волосы, те же темные глаза. Но улыбка была чужой, и незнакомка носила распахнутые пламенеющие крылья верховного генерала, в то время как Черис — капитанский коготь с каплей крови на конце.

— Капитан, — сказало существо ее голосом. —

Это Подкомандующий композит[4] номер два, Командование Кел. Подтвердите.

Черис вспотела. Композиты менялись от задания к заданию. Не было никакой возможности узнать, с каким верховным генералом она имеет дело или сколько из них объединили свои разумы в нечто большее. Но «номер два» указывал, что в составе композита есть как минимум один генерал самого высокого ранга. Дурной знак. Она выполнила положенный салют, не слишком быстро и не слишком медленно.

— Теперь вы понимаете, — сказал Подкомандующий номер два, как будто возвращаясь к прерванному разговору, который они начали прошлым вечером за бокалом вина, — что порученная вам миссия была ужасной. По правде говоря, это пустая трата хороших офицеров.

— Я знаю свои клятвы, сэр, — проговорила Черис, тщательно выверяя осторожность. Кел не любили осторожных — об этом инструкторы напоминали ей не один раз.

Подкомандующий номер два никак не отреагировал, что было лучшим ответом, на который она могла надеяться.

---

[4] Примечания: 4
Коллективный разум.

— Вот контекст, которого вам не дали, когда послали на Драгу. Вы вычислили, что Угри построили оружие, чья работоспособность основана на календарной ереси. Не отрицайте. Ваши действия против еретиков указывают, что вы понимали ситуацию.

Черис проговорила так ровно, как только могла:

— Я готова к обработке.

Это была не та судьба, которой желали Кел. Она происходила из семьи, где не было традиций службы Кел или какой-то другой фракции. Невзирая на противодействие родителей, она выдержала испытания и была принята в Академию Кел. Она сделала службу целью своей жизни, и было горько думать о том, что всё закончится. И всё же, подходящая судьба для Кел: яркий взлет, внезапная смерть.

Многие знали, что у пепельного ястреба есть другое имя: ястреб-самоубийца.

Подкомандующий номер два сказал:

— В самом деле большинство ваших солдат подвергнутся обработке в соответствии с Доктриной. Но поступать так же с вами было бы напрасной тратой вашего таланта к импровизации.

Черис не хуже других Кел распознавала эвфе-

мизмы. Они приготовили для нее участь похуже и собирались распустить роту. И всё-таки она испытала робкое облегчение. Они бы не тратили время на этот разговор, если бы не замыслили какое-то задание — а совершенно невыполнимых заданий не так уж много.

— Правда в том, что ситуация хуже, чем горстка Угрей на периферийных системах, — сказал Подкомандующий номер два. — Календарная ересь закрепилась не только на Драге, но и в нескольких центральных марках гекзархата. Непозволительно, чтобы она продолжала существовать.

— Сэр, — проговорила Черис, — разве это задание для Кел, а не для Шуоса?

Рахал занимались Доктриной и отправлением правосудия, но редко вмешивались в усмирение масштабных бунтов; Видона разбирались с последствиями, но никто бы не доверил им подавление ереси в зародыше. Шуосы и Кел в совокупности считались мечом гекзархата, но Кел занимались быстрым реагированием и краткосрочными целями, в то время как Шуосы посвятили себя сбору информации и долгосрочным планам. Ни один Кел не любил лисьи игры, но каждому методу — свое место и время.

На миг отражение дрогнуло, и она увидела янтарный взгляд из-под золотых крыльев: проницательные глаза девятихвостого лиса. Тогда-то Черис и поняла, что в композит входит Шуос — скорее всего, посланец самого гекзарха. Ее немедленно охватило смятение. Командование Кел не разрешило бы кому-то из Шуосов подглядывать, если не случился настоящий кризис.

— Я слушаю, сэр, — сказала Черис.

— Шесть офицеров соревнуются за право разобраться с ересью в Крепости Рассыпанных Игл и ее окрестностях, — сказал композит. — Шуосы обратились с запросом назначить их представителя — седьмую фигуру, паутинную. — Двойник Черис на миг оскалил зубы в ухмылке. — Вас.

Сперва Черис подумала, что ослышалась. Высокий календарь проецировался по всему гекзархату посредством сети узловых крепостей, и Рассыпанные Иглы была самой знаменитой из них. Как же такое могло случиться?.. И почему Шуос пожелали сделать своей паутинной фигурой ее, а не кого-то другого?

В былые дни гептархата правительственные обязанности были возложены на фракцию Лиож. В учебной игре Шуосов, созданной после падения Лиож, паутинную фигуру назвали в честь их

эмблемы — зеркальной паутины. Черис играла лишь однажды, но помнила основные правила. Игроки делились на несколько марок, и каждая вела свою игру. Некоторые действия давали значительное преимущество, но вместе с тем вынуждали стрелки еретических часов потихоньку двигаться. По мере того как менялось положение, правила игры становились другими. Паутинная фигура взаимодействовала с еретическими часами и представляла собой оружие, которое спасало — и одновременно отравляло самые принципы бытия.

— Я буду служить, сэр, — сказала Черис. Что ж, если можно стать паутинной фигурой в игре и выжить, она попробует.

Это что такое — еще один проблеск немигающего лисьего взгляда?

— Знаете, что сказал ваш главный экзаменатор, прежде чем допустить вас к службе? — поинтересовался Подкомандующий номер два.

— Насколько я припоминаю, сэр, — тихо проговорила Черис, — в том году я попала в шесть процентов лучших выпускников Академии.

— Он отметил ваш консерватизм и удивился, что могло привести вас во фракцию, где полным-полно людей, которые рискуют жизнью,

выполняя приказы. Должны ли мы интерпретировать вашу продолжающуюся службу как свидетельство того, что у вас всё же душа Кел?

— Я буду служить, сэр, — повторила Черис.

Подкомандующий номер два мог бы потребовать более внятного ответа, но не стал. Двойник Черис снова улыбнулся — на этот раз с удовлетворенной безмятежностью лисы — и исчез.

Чтобы выиграть в игре, нужно быть в курсе ситуации или знать расклад сил. Черис уже разобралась в своем положении. Предложить она могла немногое — всего-то свою единственную жизнь, — и в случае неудачи ее поджидала какая-нибудь ужасная смерть; и всё же в какой-то момент надо просто довериться собственному чутью.

Убедившись, что совещание закончено, Черис уставилась на свое отражение в терминале. Оно по-прежнему демонстрировало пепельного ястреба, крылья-в-футляре. В юности Черис надеялась, что сигнификат изменится и позволит ей узнать что-то новое о самой себе, но сегодня, как всегда, ничего нового в этом смысле не произошло.

Надо отправиться к солдатам и сообщить им новости. Вспомнив о долге, она подала очень

сжатый рапорт и заверила форму с указанием понесенных потерь, поморщившись от цифр. Она надеялась, что удастся навестить раненых в медотсеке, но теперь это было маловероятно.

— Средняя официальная, — велела она униформе, и та подчинилась. Руки Черис вспотели внутри перчаток.

Она вышла из каюты в коридор, где было тихо и почти холодно; легкий изгиб с каждым шагом делался всё более крутым. Изгиб был отчасти иллюзией, топологическим трюком, позволяющим пустомоту вместить побольше пассажиров, но она всё равно воспринимала его как нечто совершенно реальное.

За первым же витком коридора располагалась кают-компания, где пехотинцы Кел ели отдельно от обычного экипажа мота. Прямо у дверей висела картина на текстурированной бумаге: королева птиц устроила прием в лесу, занесенном снегом, и рядом с нею пряталась лиса, оскалив зубы в усмешке от уха до уха.

Когда Черис вошла в выделенную им кают-компанию, то оказалось, что та не так полна, как следовало бы. Другие кают-компании, для рот, которые не выжили, останутся пустыми. Сервиторы накрыли на стол, чтобы малочисленность

солдат не бросалась в глаза. Некоторые из них летали туда-сюда, поспешно заканчивая приготовления: пепельный ястреб, светло горящий, распростер крылья на стене; под ним отображался каллиграфический девиз «Из всякой искры — пламя», который повсюду сопровождал Кел; висели гобелены, сплетенные из волокон униформы погибших солдат, с их вышитыми именами, а также датами боев и названиями тех мест, где герои отдали свою жизнь.

Когда она вошла, все до единого встали, и зал огласился позвякиванием отложенных приборов и палочек для еды. Черис замерла в ответ и улыбнулась глазами. Лейтенант Вераб был, как всегда, мрачен, но Анкат невесело усмехнулся. Несомненно, он готов рассказать за офицерским столом какой-нибудь новый анекдот в стиле Кел. Репертуар у него был получше всех, с кем выпало встретиться Черис. Потом она направилась к своему месту в центре офицерского стола и знаком велела им садиться.

Ее ждала общинная чаша. Красная, лакированная, с выгравированными кленовыми листьями — и кто-то наполнил ее почти до краев. Вераб, сидящий справа от Черис, передал ей чашу. Он выглядел очень усталым, и она безмолвно изогнула

бровь. Он чуть пожал плечами: ничего серьезного. Черис не подала виду, что это была ложь. Она и сама ощущала усталость, зная новость, которую придется сообщить ему и остальной роте. Придав лицу спокойное выражение, она сделала глоток. Вода была сладкой и прохладной, но Черис подумала: жаль, что не горькая.

Перед нею стояла миска риса, а на общих блюдах был знакомый набор: рыба, обжаренная в рисовой муке и яйце с листьями шалфея, маринованные сливы, яйца перепелов с кунжутной солью. Для нее приберегли немного свежих фруктов. Вераб был в курсе ее любви к мандаринам, хоть они и бывали роскошью; кроме того, сам он был к ним равнодушен. Она посмотрела на еду и подумала о всех трапезах, которые разделила с этими людьми, о всех моментах, когда, измученная битвой, понимала, что скоро будет сидеть с ними за одним столом, есть одинаковую еду и слушать шутки Кел, которые ничуть не обижали, пусть даже иной раз она сама становилась их объектом, и утешится голосами тех, кто выжил. И всё это должно было закончиться.

— У меня плохие новости, — сказала Черис. — Нашу роту распускают.

Они уставились на нее, даже Вераб, которому

следовало бы догадаться.

— Доктрина, — сказал он внезапно охрипшим голосом. Вераб — Кел в пятом поколении. Его семья воспримет это тяжело.

— Кто-то из вас сможет служить снова, — сказала Черис, понимая недостаточность собственных слов, — но это зависит от оценки должностных лиц. Простите. У меня нет подробностей.

— Непруха — обычное дело для Кел, — сказал лейтенант Анкат. Он собирался обратить собственный беспримесный страх в шутку, и Черис это поняла. Она пристально посмотрела на лейтенанта, и он проглотил свои слова.

— Это долг, — сказала Черис, и слово показалось ей пустым звуком. — Я с вами не пойду. Для меня у них другие планы.

Вдоль стола прокатился шепот и быстро затих. Они тоже знали толк в эвфемизмах.

Будущее было безрадостным. Большинство из них утратят традиции Кел и формационный инстинкт. Может, не забудут девизы и формации, но первые больше не будут успокаивать, а вторые потеряют силу.

— Что ж, сэр, удачи там, куда вы направляетесь, — сказал Анкат, и Вераб что-то пробормотал в знак согласия. Он не верил, что это случилось

на самом деле. Она всё понимала по его потрясенному взгляду.

— Хочу услышать ваши имена и сроки службы, — тихо сказала она. Так всё станет реальным, и церемония поможет им взять себя в руки, пусть и не утешит. — Хочу услышать каждого. Подтвердите.

— Сэр, — ответили они хором. Анкат посмотрел на свои руки, потом снова на нее.

Это была не официальная перекличка. Не было ни барабанного боя, ни пламени, ни флейт. Она могла бы всё это добавить по желанию. Но ее услышали даже сервиторы. Они прекратили свои дела и приняли позы слушателей. Она кивнула им.

Они начали с самого младшего рядового — теперь, когда Дезкен погиб, им был Кел Ниррио, — и продолжили, поднимаясь по иерархической лестнице. Никто не ел, пока звучал перечень. Черис была голодна, но голод мог подождать. Не нужно было запоминать имена — она это сделала давным-давно, — но она хотела убедиться, что запомнит каждое сосредоточенное лицо, каждый грубый голос, и эти воспоминания будут согревать ее в грядущие дни.

Как и положено, она произнесла свое имя

последней. Кают-компания погрузилась в молчание. А потом, нарушая ритуал, Черис сказала:

— Спасибо. Я желаю вам всем удачи.

Она их покидала, в глубине души ощущая проблеск нетерпения в преддверии того, что ей предстояло, и угрызения совести из-за этого нетерпения; но демонстрировать эти чувства не стоило.

— Поешьте, сэр, — проговорил Анкат, и она принялась за еду — не слишком быстро, но и не слишком медленно, не забыв доесть два мандарина, которые отложил для нее Вераб.

Глава третья

Черис надеялась на более конкретные приказы, но ей не повезло. Спала она плохо и проснулась в середине ночи, за четыре часа и шестьдесят две минуты до обычного времени подъема. В комнате, озаренной единственной свечной лозой, было темно.

«Горящий лист» перестроился и обрел новую конфигурацию. Что еще более важно, сообщение на терминале уведомило Черис, что ее уже отделили от роты. Она хотела бы встретить это событие в состоянии бодрствования, но, конечно же, всё нарочно устроили именно так. Если кто-то обладал хоть намеком на милосердие, ее солдатам разрешат отдохнуть, прежде чем потащат на осмотр в соответствии с Доктриной, а тем, кто всё еще нуждается в медицинском уходе, позволят его получить, прежде чем их постигнет та же участь.

Замерев у стола, Черис заметила вновь прибывшего: в дверном проеме стоял сервитор. Он не постучал, и она его раньше не видела.

— Привет, — сказала Черис, вопросительно

глядя на существо.

Это была лисоформа, а не привычные для мота пауко- и птицеформы. У нее были фасеточные стеклянные глаза, светящиеся желтым. Сервитор Шуосов. Ну разумеется.

Сервитор не ответил. Сервиторы Кел никогда не говорили на человеческих языках, а сервиторы Шуос такое делали редко, хотя сервиторы Андан и Видона обычно могли, если хотели. Лисоформа протрусила в каюту, двигаясь вороватыми зигзагами. Потом поднялась в воздух и в конце концов оказалась наравне с поверхностью стола Черис.

Сервитор вытащил из бокового отделения рулон ткани. Ткань была обвязана тонкой цепочкой, которую Черис могла бы разорвать руками. Вместо этого, пробормотав благодарность, она повертела рулон, пока не нашла застежки.

Это была не просто ткань. Это была игровая «доска», расшитая квадратной сеткой из разноцветного шелка. Весь контур поблескивал от бисеринок бронзового и ярко-оранжевого цветов. Она прошлась пальцем по бусинкам, с удовольствием ощущая их неровную текстуру.

Самой примечательной вещью в тканой игровой доске было то, что она представляла собой скорее запись игры, чем поверхность для оной.

Фигуры были вышиты на пересечении линий, запечатлевая незаконченную партию. Взгляд Черис немедленно метнулся к паутинной фигуре в центре, и она криво улыбнулась.

Единственный раз, когда она участвовала в такой игре, был против миленькой девушки-техника по устройствам связи, с которой Черис встречалась. Ее звали Шуос Алайя. Черис вспомнила ироничный смех Алайи и рассказы о том, как она росла в неблагополучном шахтерском поселке. У них были одинаковые предпочтения в области драм (нелепые мелодрамы, чем больше дуэлей — тем лучше). У Алайи были светло-карие глаза, кожа на полтона темнее и руки, которые всё время двигались. Нервный тик у Шуосов обычно был признаком несчастного случая во время учебы, но Черис не задавала вопросов. Но какой-то Шуос повыше рангом наверняка внес их отношения в свой отчет.

Черис поразмыслила над расположением игровых башен и единственной оставшейся пушки. У нее была хорошая память, но не эйдетическая[5], и, находясь в увольнении, она не хранила воспоминания в своей доле ротной сети. Это могло

[5] Примечания: 5

Эйдетическая память — способность запоминать в мельчайших подробностях образ предмета или явления.

быть воспроизведение той самой партии — она на этом этапе проигрывала, после потери пушки было трудно оправиться, — но если кто-то внес некие коррективы, некое тайное послание, Черис не могла его разгадать.

Жаль, что Шуосы не могли сказать ей напрямую, чего хотели, но ни один Шуос не устоял бы перед возможностью использовать игру в качестве педагогического инструмента. (Стоило признать, в постели это было забавно, что Алайя и доказывала с радостью.)

Она взяла тканую игровую доску со стола и изучила обе стороны, гадая, что же упускает из вида. Ага, вот оно: на задней стороне пустого квадрата была закреплена гибкая и плоская фигура в виде шестеренки.

Сервитор ободряюще кивнул. Черис помедлила, потом вытащила шестеренку. Она почувствовала болезненную тепловую пульсацию в предплечье. Видимо, в шестеренке было какое-то послание. Ее перчатки на миг потеплели, потом сделались холодными.

В ее разуме развернулась карта. Ощущение было такое, словно она могла прощупать запутанные маршруты пустомотов и почувствовать жар рассеянных в глубинах космоса звезд. Карта

обозначила для нее Крепость Рассыпанных Игл — впрочем, зря. Это была самая большая узловая крепость в Запутанной марке, представляющая собой гекзархат-микрокосм.

Одна из функций Крепости заключалась в том, чтобы проецировать календарную стабильность на весь регион. Если она подверглась календарной гнили, от экзотического оружия гекзархата там будет мало толка. Гекзархат отставал в плане инвариантной технологии, которую можно было использовать при любом календарном режиме. Что всего важней, вблизи от гнили основные звездные двигатели пустомотов перестанут работать. Без пустомотов, соединяющих миры гекзархата, государство развалится.

Если еретики перевели Крепость на собственную календарную систему, проблема становилась критической. Гекзархату придется столкнуться с соперничающей силой в самом сердце одной из своих богатейших систем.

Учитывая тяжесть ситуации, Черис была удивлена тем, что Командование Кел до сих пор не направило какого-нибудь генерала, чтобы он во всём разобрался. Наверное, не хотели подвергать кого-то в генеральском чине риску заражения.

Черис сообщили очень скудные сведения о

других шестерых, желающих удостоиться чести подавить этот бунт. Никаких имен; она подозревала, что не увидит их лиц, как и они не увидят ее лица. Она была удивлена, что в таком важном вопросе вдруг возникло подобие конкурса. Разве они не должны были просто выбрать кого-то, не превращая всё в игру? Впрочем, решать не ей, и она напомнила себе о печально известной любви фракции Шуос к играм, а также о глазе Шуос, который пялился на нее из композита.

Все Кел, не считая Черис, были офицерами высокого ранга, хоть и не генералами. Может быть, они дискредитировали себя, как и она. Неудивительно, что все они имели опыт космических боев, не считая Номера Четыре и Черис.

Один был подполковником, как предположила Черис, с выдающимся послужным списком. Было трудно разобраться, поскольку все наименования вымарали, но она увидела пять медалей, включая «Красный погребальный костер», который присуждали, как говорили Кел, «за отвагу, самоубийственную даже по нашим меркам».

Номер Два, Рахал, офицер Доктрины. Идея о том, чтобы предоставить Рахал прямой контроль над миссией, встревожила Черис. Рахал были высшей фракцией, которая возглавляла

гекзархат: они устанавливали Доктрину и поддерживали высокий календарь. Гибкость была им не свойственна, однако участие Номера Два в происходящем указывало на некую минимальную готовность мириться со слабостями Кел.

Был еще один подполковник, но ничто в послужном списке — во всяком случае, ничто из того, что смогла увидеть Черис, — его никоим образом не выделяло.

Номер Четыре был полковником пехоты с впечатляющей коллекцией наград. Черис готова была держать пари, что с этим конкурентом будет трудно справиться. Логично: удачно-неудачная четверка, число смерти и любимое число Кел.

Номер Пять встревожил ее больше остальных: агент фракции Шуос. Шуосы обычно держали рот на замке относительно послужных списков. Если их человек уже в этом участвовал, чего они добивались, спасая какую-то Кел от обработки? Она не обязана хранить Шуос бóльшую верность, чем гекзархату в целом. Неужели они так хорошо ее знали, что предусмотрели развитие событий, при котором она сыграет какую-то роль без подсказок? Она знала ответ на этот вопрос…

Номер Шесть был третьим подполковником, который выглядел совершенно обыкновенным и

принимал участие в трех осадах. Черис напомнила себе, что ее могут переиграть, но они, вероятно, участвуют в этом состязании по той же причине, что и она — то есть с тем же успехом навлекли на себя неприятности с Доктриной.

— Я не думаю, — сказала Черис, — что тебе известно, какие ресурсы я имею право включить в свое предложение? — Привлекательным, но шаблонным в духе Кел поступком было предложить сбросить на Крепость все имеющиеся бомбы и поглядеть, не вырубятся ли щиты. Впрочем, разве Кел когда-нибудь избегали шаблонов?

Сервитор удивил ее, заговорив, пусть и вспышками света на барабанном коде Кел.

— Разрешается любой план, если сумеете убедить Командование Кел в необходимости его принять, — сказала лисоформа, и это была в каком-то смысле тавтология.

— Есть ли дополнительные разведданные по Запутанной марке?

Сервитор промолчал. Видимо, доступ ограничен.

Что ж, попытаться стоило.

— Время собрания уже назначено? — спросила Черис.

— Приблизительно через три часа.

— Приблизительно?! — недоверчиво переспросила она.

Сервитор пожал плечами.

— Ладно, — сказала Черис. — Что-нибудь еще?

Еще одно пожатие плечами.

Черис скатала тканевую игровую доску и застегнула цепочку, но когда она повернулась, чтобы отдать ее сервитору, тот уже исчез — дверь как раз закрывалась у него за спиной.

«Приблизительно через три часа» — это по-прежнему раньше ее обычного времени подъема. Стоило поразмыслить над ситуацией, а не спать, но Черис устала, и ей был нужен отдых.

Поскольку не было смысла возвращаться в постель, она положила игровую доску на угол стола и, нахмурив брови, уставилась на стену. «Разрешается любой план, если сумеете убедить Командование Кел в необходимости его принять». Стоит предположить, что остальным сказали то же самое. Одно дело — понимать, что военная мощь Кел теоретически доступна тебе. Другое дело — придумать план, у которого есть шанс получить одобрение. У Кел было шесть пепломотов, самых могучих военных мотов, которые также могли проецировать календарную стабильность. Она могла бы предложить послать

их всех к Крепости и попытать счастья, но так остальной гекзархат останется беззащитным, и потому никто не воспримет ее всерьез. Ее будущее зависело от того, воспримут ли ее всерьез. Даже не будь Черис озабочена собственным будущим — а всё обстояло как раз наоборот, — она была обязана предложить лучший план, ради гекзархата как такового.

Черис посмотрела на свои руки и вынудила себя расслабиться. Командование Кел должно искать самое быстрое и самое экономичное решение. Значит, речь идет об использовании оружия, которое запрещено в обычных условиях.

То есть об Арсенале Кел. Пушки катастроф, фильтры аннуляции, маленькие блестящие коробочки, внутри которых — смерть миров. Во время выпускной церемонии в Академии Кел она видела такую коробочку — обезвреженную, с вмятинами, обычную. Оратор заявил, что она уничтожила население трех планет. Небольших планет, но всё же. Просто удивительно, сколько смертоносной мощи можно запихнуть в маленькую коробку.

У Черис не было инвентарной ведомости Арсенала и она понимала, что не стоит о таком просить. Сколько блестящих коробочек ей позво-

лено потребовать? Впрочем, гекзархам не нужна зачистка, иначе они бы и сами ее уже устроили. Они желали и дальше владеть Крепостью Рассыпанных Игл.

Какие детали важнее прочих для Командования Кел? Если вопрос заключался всего лишь в том, чтобы закидать еретиков бомбами и принудить к покорности, всё упиралось в оптимизацию. Затраты, расчет боеприпасов, приемлемый уровень потерь.

Она опять посмотрела на игровую ткань. Паутинная фигура. Отравляющая принципы. Что же Шуосы пытались ей сообщить?..

— Ну конечно, — прошептала Черис. Ей сообщали: выбери свое поле боя. Она могла ожидать шаблонных предложений от некоторых Кел. Нельзя предсказать, что придумает Шуос, но Рахал с большой вероятностью посоветует что-то элегантное и резкое.

Если Крепость Рассыпанных Игл пала, понадобится способ взломать ее легендарную защиту, щиты из инвариантного льда. Щиты действовали при любом календарном режиме, то есть еретики могли использовать их против гекзархата. Черис не знала ни принципов, на которых основывалась работа щитов — засекреченная

информация, — ни того, как с ними справиться.

Однако она вспомнила о генерале, который одолел другую ужасную крепость. Если, конечно, слово «одолел» подходило. Триста девяносто девять лет назад генерал Шуос Джедао был на службе у Кел. Поскольку он обладал репутацией того, кто выигрывает битвы, которые невозможно выиграть, ему поручили расправиться с восстанием Фонарщиков.

В пяти битвах Джедао разбил бунтовщиков. В первой, у Свечной арки, враги превосходили его числом в соотношении восемь к одному. Во второй всё было иначе. Главарь бунтовщиков удрал в Крепость Адского Веретена, которую охраняли хищные массивы и облака коррозийной пыли, но гептархи ожидали, что Джедао захватит ее без особых трудностей.

Вместо этого Джедао пустил весь свой флот по спирали вокруг Крепости и включил первые пороговые отделители, с той поры известные благодаря своей смертоносности. Фонарщиков и Кел постигла одинаковая участь — они утонули в мощном потоке трупного света.

На командном моте Джедао вытащил обычный пистолет, «Паттернер-52», и перебил свой штаб. Они были отличными офицерами, но он их пре-

взошел. По крайней мере, на тот момент.

Операция по зачистке, которую пришлось предпринять после ареста Джедао, стоила гептархату состояния, на которое можно было бы купить целые системы и множество жизней.

У Адского Веретена погибло больше миллиона людей. Выжили считаные сотни.

Командование Кел предпочло сохранить Джедао на будущее. Историки говорили, он не сопротивлялся аресту: когда его нашли, он выковыривал пули из мертвецов и выкладывал узоры. Так что Командование Кел поместило Джедао в «черную колыбель», превратив его в своего бессмертного пленника.

Наилучший ход Черис — а также отчаянный маневр — был не в том, чтобы выбрать оружие или армию. Любой бы подумал об оружии или армиях. Ее наилучший ход — выбрать генерала.

Проблема заключалась в том, что любая армада, которую пошлют против Крепости, столкнется с тем фактом, что ее экзотические орудия перестанут действовать как полагается. Черис не нужна артиллерия; ей нужен тот, кто сможет решить эту задачку. И это указывало на единственного немертвого генерала в Арсенале Кел, безумца, который спал в «черной колыбели», пока технари

Нирай не разберутся, что спровоцировало его безумие и как его исцелить. Шуос Джедао, Жертвенный лис: гений, архипредатель и виновник массового убийства.

Черис понимала, что Командование Кел с большой вероятностью отклонит такое предложение. Также не исключено, что Джедао окажется бесполезным для нее. Но Командование Кел не сохранило бы его, если бы не рассчитывало воспользоваться ради собственного блага.

Кроме того, Командование Кел ценило отвагу. Несмотря на бестолковое сражение на Драге, их одобрение многое для нее значило. Обучение Кел вживляло рефлекторную преданность. Она знала об этом не хуже других.

Она наполовину ожидала увидеть в своей тени пепельного ястреба, чьи крылья наконец-то освободились от футляра. Но в тот момент ее тень оставалась всего лишь тенью. Что ж, лучше так.

Еще одно сообщение уведомило Черис о приближении собрания и велело явиться в зал стратегических обсуждений. Черис попыталась извлечь из мот-сети информацию о Крепости Рассыпанных Игл, но обнаружила всего лишь обычные незасекреченные данные. Ничего по инвариантному льду. Наверное, она привлекала

к себе излишнее внимание, посылая такие запросы, но, с учетом ситуации, это было неважно. Она заранее наметила путь к залу стратегических обсуждений.

Черис появилась на шесть минут раньше назначенного времени. В зал вели несколько дверей, на всех изображался Пепельный ястреб, светло горящий. Она передала код со своего аугмента, и одна дверь со свистом открылась.

Как она и ожидала, зал был пуст. Никто из шестерых не будет присутствовать лично. Интересно, подумала Черис, а лица ей покажут — или только сигнификаты? Если уж не сообщили их имен, нет смысла открывать лица — но, возможно, их сотрут из ее памяти, как только она покинет помещение.

Композит, Подкомандующий номер два, вспыхнул, точно погребальный костер, ровно за минуту до начала. Он пружинистым шагом пересек зал и оказался лицом к лицу с Черис. Она подавила отвращение. Двойник, который столь небрежно носил генеральские крылья, лишал присутствия духа — и, наверное, так было задумано.

— Полагаю, вам лучше сесть вон там, — сказал Подкомандующий номер два, указывая на конец длинного стола.

Пока Черис усаживалась, прибыли остальные. Они действительно были представлены сигнификатами. Соответственно, каждый из них видел Черис как силуэт, над которым нависают крылья-в-футляре.

Один и Четыре были представлены Пепельными ястребами, падающими в небеса, — знаменитый сигнификат, означающий храбрость. Третий — тот, что с непритязательным послужным списком — заставил ее вытаращить глаза: Невылупившийся Пепельный ястреб. Очень дурной знак, пусть даже рациональное объяснение не подразумевало ничего такого. У Шестого был Ястреб, светло горящий — самый распространенный сигнификат Кел, совершенно бесполезный для нее. Второй, Рахал, оказался Волком-прорицателем, одиноким охотником, и это перво-наперво объясняло, почему он служит Кел. Пятый, Шуос, был Девятихвостым лисом с наполовину опущенными веками, что намекало на опасность удара в спину. Черис не сомневалась, что каждый лисий глаз смотрит на нее.

— Ситуация такова: мы имеем дело с календарной ересью, сосредоточенной в Крепости Рассыпанных Игл, — без предисловий начал Подкомандующий номер два. Над центром стола

появилась карта. — Если это будет продолжаться, контроль гекзархата над Запутанной маркой окажется под угрозой, и, ввиду центрального расположения марки, то же самое случится с гекзархатом как таковым. Согласно последним донесениям, щиты из инвариантного льда включены и работают на полную мощность. Изначальная оперативная группа, которую послали вычищать ересь, потерпела поражение.

— Потерпела поражение или обратилась в ересь, сэр? — спросил Шуос. Голос был женский, хладнокровный и бесстрашный.

— Сперва первое, потом второе, — ответил Подкомандующий номер два. — Оперативная группа представляла собой рой из двадцати пяти кораблей, включая линзомот Рахал. Вернулся только он, потому-то нам известно, что произошло.

Третий и Четвертый, Невылупившийся и полковник, обменялись взглядами. Значит, по меньшей мере двое Кел знают друг друга. Наверное, им сейчас очень неловко.

Черис спросила себя, не знают ли они больше, чем она. Тот факт, что к Крепости направили линзомот, был дурным знаком. Рахал ревностно охраняли свои необычные моты. Просто послать его в какую-нибудь систему обычно было доста-

точно, чтобы он вернулся, невзирая на ересь, которая там произрастала. Однако линзомоты полагались на экзотические технологии и потому были бесполезны в случаях особо продвинутой календарной ереси. В каком-то смысле это мотивировало еретиков как можно быстрее перейти к радикализму.

— Рахал уступили этот вопрос Командованию Кел, — сказал Подкомандующий номер два, и все поняли: Рахал ожидают, что Командование Кел так отдубасит еретиков в Крепости, что останется лишь осудить и наказать их. — С этой точки зрения вы все — расходный материал, но успех не останется без награды. Предлагайте то, что считаете подходящим. Согласно порядковым номерам.

Первый встал и отдал честь. Черис как будто наблюдала за живой марионеткой, с суставами в нужных местах, но некоторой неправильностью в движениях. Его план подразумевал объединение сил Кел и Шуос с целью бомбардировки из-за пределов зараженной зоны. Рискованно доверять инвариантной кинетике, когда гниль могла открыть бунтовщикам доступ к неизвестным контрмерам. Другой проблемой было то, что Первый хотел очистить Крепость от населения, — значит, Кел придется положиться на

Видона, чтобы те впоследствии предоставили нужное количество лояльных граждан для восстановления должной консенсусной механики.

Вторым был Рахал, и его предложение оказалось простым: поручить рою линзомотов выжечь всё вокруг очага еретических верований. Похоже, фракция Рахал в отчаянии, раз они готовы смириться с подобным. Невзирая на свою силу, Рахал были наделены несгибаемой честностью, абстрактным образом мыслей и аскетизмом, вследствие чего являлись одной из беднейших фракций. Прагматическая проблема заключалась в том, что линзомоты действовали медленнее, чем распространялось заражение. Черис поразмыслила над картой и пришла к выводу, что план Второго годится, но с трудом вписывается во временны́е рамки, да и то — лишь в том случае, если выполнять его будут люди со склонностью к патологической точности в вопросах геометрии. Конечно, среди Рахал таких отыскать нетрудно.

Третий и Четвертый представили свой план вместе, и он включал пехотную атаку с использованием оружия из Арсенала Кел. Черис даже не знала, что такое «пушка пренебрежения».

Пятая заставила Черис слегка напрячься. Шуос хотела реквизировать оружие из Архивов Андан.

— Мы не можем требовать доступа к ресурсам Андан, — сказал Подкомандующий номер два, впервые перебив кого-то из ораторов. Андан были третьей высшей фракцией, вместе с Рахал и Шуос, и обычно они держались в стороне от военных вопросов. Они славились любовью к высокой культуре и склонностью ее контролировать, а также богатством. Они не очень-то ладили с Шуосами или Кел.

— Прошу прощения, генералы, — возразила Шуос, — но это неправда. Андан поддаются убеждению не хуже других. Я бы не упомянула о подобном, если бы средства убеждения не существовали.

— Договаривайте, — сказал Подкомандующий номер два после паузы.

— У Андан есть версия шуосского крикуна, который работает в более широком диапазоне календарных величин, — сказала Пятая. — Есть свидетельства того, что выжившие, после применения соответствующих методов Видона, могут снова сделаться полезными для общества. В целях полной открытости должна заметить, что выживаемость составляет около сорока процентов, а оставшиеся утрачивают способность к высшей мыслительной деятельности.

Черис всё еще была убеждена, что все глаза, полускрытые веками, неотрывно глядят на нее, а не на композит, который должен был выбрать одно из предложений. Но она ведь Шуос — а значит, это не паранойя.

— Вас услышали, — сказал Подкомандующий номер два после долгого молчания. — Следующий.

Шестой — точнее, Шестая начала с перечисления предыдущих предложений, от атаки с использованием пехоты до линзомотов и анданского крикуна, а потом улыбнулась. Улыбка угадывалась безошибочно, пусть даже ее силуэт не имел рта. Улыбка была слышна в том, как изменились интонации голоса.

— Пожертвуйте кем-то из Нирай, — сказала Шестая. Черис тотчас же ощутила к ней неприязнь. Одно дело — жертвовать солдатами Кел. В этом и заключалась их цель. Но Нирай существовали для того, чтобы заниматься наукой и что-то конструировать, а не умирать. — Пусть Нирай состряпают для еретиков оружие, и еретики сперва обратят это оружие друг против друга, а не против нас. Лишь после того, как они уничтожат себя сами, мы вступим в игру.

Это был не тот план, которого можно было

ожидать от Кел, но не все Кел были такими прямолинейными, как в анекдотах, иначе они не выигрывали бы сражения. Идея была прагматичной, даже вероятной. Черис припоминала исторические примеры, когда аферы Шуос привели к похожим результатам. Но всё равно ее охватила тревога.

— Номер семь, — сказал композит. — У вас есть предложения получше?

Черис не посмотрела в глаза девятихвостого лиса.

— Пятый предложил оружие, — сказала она. — У меня идея получше. Эту битву можно выиграть с одним человеком.

Все уставились на нее.

— Уточните, — велел Подкомандующий номер два. Он знал. Какой же еще гамбит разыгрывался за этим столом?

— Генерал Шуос Джедао. — Вот. Она это сказала.

— Сэр, — тотчас же заявил Четвертый. — Я отзываю свое предложение.

Это был одновременно хороший и дурной знак. Хороший — потому что ее соратник Кел, да к тому же полковник с множеством наград, признал вес ее слов. И дурной — по той же причине.

Остальные не последовали примеру Четвертого. Поза Рахала сделалась задумчивой. Черис продолжила избегать взгляда женщины-Шуос.

— Как занимательно, — проговорил Подкомандующий номер два. На этот раз его улыбка была адресована напрямую Черис. — Я должен проинформировать гекзарха Шуос Микодеза. — Разумеется, это была простая любезность, поскольку генерал Джедао находился под опекой Кел вот уже 397 лет. Не успел он договорить, как силуэты остальных начали исчезать, оставив по себе лишь короткий порыв теневого ветра. Глаза композита теперь были лисьими, желтыми — и в них плескалось злобное удовлетворение.

Черис поняла, что с помощью игровой доски ею манипулировали. Чего она всё еще не понимала, так это почему Командование Кел не приняло такое решение напрямую.

— Сэр? — вопросительно проговорила она.

— Отдан приказ о пробуждении генерала Джедао, — сказал Подкомандующий номер два. — «Горящий лист» направляется к перевалочному пункту, где вы получите выбранное оружие. Рекомендую отдохнуть.

И Подкомандующий номер два также исчез, оставив Черис одну в зале, полном вопросов без

ответов.

Глава четвертая

Некоторые кадеты вылетали из Академии Кел после первого же приказа принять участие в формации. Черис помнила, как это случилось. Рядом с нею оказался юноша, чья дрожь была заметна невооруженным глазом: дурной знак, но инструкторы настаивали, что распознать кандидатов на выбывание не так уж просто.

Их классу внедрили базовую верминофобию. Инструктор велел им изобразить Первую Формацию. Первая Формация существовала ради того, чтобы выяснить, кто из кадетов способен стать Кел, а кого невозможно ассимилировать. Черис настроилась пройти это испытание и с той же решимостью велела себе не трястись как осиновый лист.

Как только они построились — формация имела вид квадрата с выступами с каждой стороны, вроде рогов, — инструктор призвал вредителей.

На самом деле, конечно, это были не вредители. Это были миниатюрные сервиторы в облике змей, жалящих мух и пауков. И всё же для фобии сходства хватало. Даже Черис, которая дружила

с сервиторами с детства, не сумела сдержать рефлекторное отвращение.

Они покусывали складки ее кожи и тыкались в напряженные руки. В какой-то момент ее лицо покрылось тяжелым панцирем из ползающих сервиторов, и она ощутила их холодный вес. Она попыталась не моргать, когда серебряные усики всколыхнулись прямо перед глазами. У нее возникла навязчивая идея: а вдруг это существо воткнет усик в зрачок, расширит его до предела, заползет внутрь через зрительный нерв и поселится в каком-нибудь закутке мозга, отложит яйца в потайных нервных узлах, в жировой клетчатке?..

Формация требовала стойко держаться. Черис держалась. Она сперва думала, что странное оцепенение — это фобия, но потом поняла, что испытывает эффект формации. Она черпала поддержку у совокупности товарищей, а они — у нее. Даже когда паукоформа замерла в уголке ее губ, даже когда она затряслась, не позволяя себе смахнуть сервитора прочь, она была готова на что угодно, лишь бы не нарушить формацию.

Три кадета сломались. Треклятые сервиторы их не преследовали. Они донимали только тех, кто держался.

Обычно Черис хорошо чувствовала ход времени, но фобия оказалась сильней. Когда инструктор убедился, что никто больше не сломается, и отозвал сервиторов, она с удивлением поняла, что они стояли вот так всего лишь двадцать четыре минуты. Ей казалось, прошло гораздо больше.

Даже после того, как техники избавили ее от фобии, Черис снились маленькие копошащиеся твари: они жаждали по венам пробраться до сердца и поселиться там. Но она черпала утешение в том, что рядом были товарищи.

Два сервитора роты Цапли, которых люди знали как Воробей-2 и Воробей-11, болтали о ерунде. Они отдыхали, пока мот-сеть получала инструкции относительно остатков роты, и ни сеть, ни люди-Кел не отслеживали каналы связи, предназначенные исключительно для сервиторов, потому что не считали скучные технические разговоры достойными внимания. Многие мот-сервиторы вели долгие споры относительно машинной обработки привычек и подключения к сетям генераторов псевдослучайных чисел на тот случай, если люди заскучают в достаточной степени, чтобы подслушивать.

Воробей-2 твердил, что Черис надо было предупредить: она стала пешкой в игре Шуосов.

Воробей-11, которая занималась ремонтом одной из конечностей, возражала. Черис не просто включилась в игру Шуосов. Она вот-вот попадет в руки гекзарха Нирай и Жертвенного лиса. Если гекзархи узнают, до чего крепки ее связи с их народом, это подвергнет опасности и ее саму, и всех сервиторов, которые полагались на убежденность людей в том, что они всего лишь дрессированная мебель.

Сервиторы считали, им повезло, что гекзарх Нирай, который уже был взрослым, когда машины достигли разумности, с трудом признавал гуманоидов людьми, не говоря уже о машинах. Жертвенный лис был угрозой для гекзархата, но для сервиторов — не особенно, так что он вызывал меньше беспокойства. Впрочем, поскольку оба Воробья были сервиторами Кел, у них имелся обязательный набор предубеждений в его отношении.

Воробей-2 выразил дискомфорт от сложившейся ситуации. Он напомнил, как ему нравилось вести с Черис разговоры о теории чисел и об историях, которые она рассказывала про воронов из своего родного города. Ну неужели ничего нельзя сделать?

Воробей-11 подумала, что Воробей-2 еще очень

молод. Она напомнила ему, что Черис — никудышная лгунья. Единственный способ, позволяющий пережить первую встречу с «черной колыбелью», — это по-настоящему ничего не знать о том, что ее ждет. Иначе гекзарх Нирай что-то заподозрит и уничтожит ее.

Они еще некоторое время пререкались, но в конце концов Воробей-2 согласился, что точка зрения Воробья-11 верна. По крайней мере, тайная система связи сервиторов уведомит их о дальнейших событиях, если Черис сумеет выскользнуть из хватки гекзарха. И на каком бы боемоте она ни оказалась, там будут сервиторы; вопрос заключался лишь в том, захочется ли ей побеседовать с ними о чем-то другом, помимо заурядных тем. Политика сервиторов заключалась в том, чтобы никогда не навязываться, но они охотно отвечали на просьбу союзника, даже если он был в таком шатком положении, — главное, вежливо попросить.

Вскоре после собрания к Черис явился заместитель командира боксмота и сообщил, что на время путешествия ее накачают наркотиками.

— Другого выхода нет, капитан, — сказал он. — Иначе им придется извлечь вашу пространственную память и как следует ее вычистить. — Он

не упомянул о том, что они оба и так знали: после ее транспортировки весь экипаж боксмота подвергнут такой очистке. — Техники по месту назначения расскажут вам больше деталей.

Черис не понравилась мысль о том, что этот путь она преодолеет в угнетенном состоянии сознания, но, по крайней мере, он не завел речь о полной седации.

— Я могла бы лучше подготовиться, если бы вы дали мне какие-то подробности сейчас, сэр, — сказала Черис; не потому что ждала от него дополнительных разъяснений, но потому, что он должен был доложить начальству о ее возражении.

— Не сомневаюсь, капитан, — сказал заместитель, и на этом разговор закончился.

Черис явилась в медотсек и из-за ретроактивного воздействия лекарств даже не вспомнила, как дошла до двери. Намного позже она восстановила некоторые впечатления: запах, похожий на смесь ароматов мяты, дыма и цветущей осоки, сердцебиение — слишком медленное, чтобы быть ее собственным, мир, который колыхался и изгибался. Вода цвета сна или сон цвета воды.

Потом она проснулась. Аугмент сообщил, что ее перевели с борта «Горящего листа». Вообще-то

она находилась на станции, а не на моте — видимо, там же, где располагалась «черная колыбель». На краткий миг поддавшись смятению, она настроилась ощутить тепловую пульсацию в руке, но ничего не произошло. Конечно, пульсацией пользовались только пехотинцы-Кел, а не те, кто служил на мотах, — и ее, скорее всего, уже не считали частью пехоты.

Открыв глаза, Черис первым делом увидела ослепительную россыпь блестящих поверхностей и углов. Она находилась в странной шестиугольной комнате, наводящей на мысли о сердцевине зеркала. Ее кожа была холодна, а дыхание почти не оставляло туманных следов в прохладном воздухе. Но, пошевелившись, медленно и с трудом, она ощутила ток крови по венам и поняла, что не мертва.

Внутри черепа ощущалось что-то неправильное, как будто кто-то переписал все ее нервы, использовав чужой алфавит. Она с трудом формулировала связные мысли.

Кто-то обрядил ее в унылую желто-коричневую пижаму, поверх которой был обогревающий халат. Она осторожно потянулась, ощущая необъяснимую неуклюжесть, а потом позволила теплу халата смягчить ноющую боль в мышцах.

Оглядевшись, нашла один из своих мундиров и начала переодеваться. Ощущение было такое, словно все ее конечности неправильной длины.

А потом она краем глаза увидела свою тень и оцепенела.

Тень не выглядела ее собственной, даже если забыть про глаза. Но помимо неправильных пропорций, имелись еще девять глаз: немигающих, желтых как свечки, выстроенных в три треугольника. Пока Черис смотрела, глаза переместились и образовали идеальную прямую, которая рассекла тень напополам. Они как будто увеличивались в размерах; словно приближались.

Туман в голове рассеялся. В горле появился комок. Она подумала: «Не закричу». Только вот мысленный голос не был ее собственным. Он был незнакомым, мужским, и как будто пробудил эхо внутри черепа. Она не могла его заткнуть, она не могла его извлечь, она не могла вернуть собственный голос. Любую ее мысль проговаривал незнакомец, и пускай при других обстоятельствах она нашла бы его низкий и медлительный голос приятным, но…

Навыки Кел взяли верх. Она устыдилась собственной паники. Наверное, это формация — наверное, это новая формация, которой начальство

лишь теперь ее обучает, а правильный ответ на формацию состоит в том, чтобы ей поддаться. Черис вынудила себя посмотреть на тень. Теперь-то она поняла, что та принадлежит мужчине. Они изменили ее пол? Они могли, среди Шуосов и Андан такое не считалось чем-то из ряда вон выходящим, и она даже задавалась вопросом, на что это похоже, но большинство Кел считали смену пола безвкусицей, так с чего бы ее начальству…

Тут она услышала тот же мужской голос, но слова явно принадлежали кому-то другому, словно он с нею разговаривал. Но Черис не видела рядом ни души. Голос произнес:

— Видимо, вас не предупредили. Прошу прощения — никто не сообщил мне, как вас зовут?..

Тон был встревоженный, но вместе с тем властный, а она знала, как правильно отвечать вышестоящему офицеру.

— Капитан Кел Черис, сэр, — сказала она, используя самую вежливую форму.

Черис посмотрела на свои руки в перчатках, на те части своего тела, которые видела. Нет, первая мысль была правильной. Когда она говорила, а не просто думала, голос был ее собственным — но ведь и тело осталось ее собственным. Логично.

Последовала пауза.

— Я не могу читать ваши мысли, — продолжил голос. — Я слышу, как вы говорите, вслух или субвокально. Хотите, чтобы я продолжил, или предпочитаете во всём разобраться самостоятельно?

Черис сбило с толку то, что он давал ей право выбора.

— Сэр? — сказала она.

— Вы ведь Кел, не так ли? Впрочем, как всегда. — Помедлив, он продолжил: — Цвета забываются очень легко. Но стиль униформы не очень-то изменился. Не надо… того, что вы с собой делаете — это не формация, в этом нет необходимости. Лучше не пытайтесь втиснуться в меня, как в перчатку. Меня зовут Шуос Джедао, однако не стоит и дальше обращаться ко мне «сэр». Думаю, вы согласитесь, что в наших обстоятельствах это слегка нелепо.

Она огляделась, пытаясь понять, откуда исходит голос. Если ей не нужно прибегать к формационному инстинкту, то как дальше быть?

— Лучше посмотритесь в зеркало, — сказал Джедао. Черис решила, что это приказ. Она потрясенно уставилась на отражение, потом — на собственные руки и снова на отражение. Из зеркала на нее смотрел Джедао. Она попыта-

лась вспомнить его облик по фильмам, которые смотрела в академии, но воспоминания расплывались. У него были прямые черные волосы с челкой, длинноватой по нынешним стандартам Кел, и темные глаза, а лицо в целом могло бы считаться красивым, не будь оно таким неулыбчивым. Черис не рискнула улыбнуться. Он был поджарым, мускулистым, и на его шее — над самым воротником — виднелся широкий шрам.

Просто ради проверки Черис снова изучила себя — свое собственное, хорошо знакомое тело. Только отражение принадлежало Джедао. Успокоившись, она закончила переодеваться.

Потом опять посмотрела в зеркало, поскольку он этого не запретил. На отражении была униформа с генеральскими крыльями поверх распахнутого глаза Шуосов, но крылья соединяла цепь, вышитая серебром. Не стоило и спрашивать, что означает символ.

А вот перчатки ее огорчили. Поскольку она надела свои, Джедао в отражении носил черную пару, в знак уважения традиции Кел, но его перчатки были без пальцев, потому что на самом деле он не был Кел. В современном мире чужаки, подчиненные Кел, носили серые перчатки вместо черных. Перчатки без пальцев вышли из моды

после предательства Джедао, и она видела такое лишь на старых фотографиях и картинах.

Он был выше на полголовы. От невозможности смотреть отражению глаза в глаза мышцы едва не свело судорогой.

— Сэр, — проговорила она, невзирая на сомнения. Как же еще обращаться к немертвому генералу, если не согласно рангу или званию? Простое «вы» казалось неправильным.

Джедао тихонько вздохнул.

— Вопросы? Я через это уже проходил, в отличие от вас.

— Вы призрак?

— В основном. Я бесплотен, хотя в меня можно попасть из экзотического оружия, если целиться в тень. Я прикреплен к вам, и это значит, что мое благополучие зависит от вашего. Я поглощу большую часть экзотического ущерба, прежде чем что-то дойдет до вас, так что меня можно назвать этаким прославленным щитом. В этой области какие-либо неприятности грозят вам лишь после моей смерти. И прямо сейчас слышать меня можете только вы и другие ревенанты[6]. Вы убедитесь, что это одновременно помогает и ужасно

[6] Примечания: 6

Слово французского происхождения (*гл. revenir* — возвращаться), обозначающее человека, который восстал из мертвых.

мешает. Есть только один ревенант помимо меня, который будет сопровождать нас. Вы с ним скоро познакомитесь.

Зеркальная стена без предупреждения открылась, и за ней оказалась узкая комната с беговой дорожкой. Их дожидался бледный и стройный мужчина в черной с золотом униформе Кел — впрочем, перчатками он пренебрег. На униформе не было никаких отличительных знаков, но эмблема в виде серебряного пустомота указывала, что он Нирай в подчинении у Кел. Крылья пустомота также были соединены серебряной цепью. Приглядевшись к его тени, можно было увидеть, что она состоит из силуэтов порхающих мотыльков. При виде насекомых Черис сделалось не по себе, как будто они должны были вот-вот оторваться от пола и выжрать ее костный мозг.

Черис привыкла, что по стандартам Кел она маленькая, но этот незнакомец был и впрямь высок ростом.

— Простите, что заставила вас ждать, сэр, — сказала она, на всякий случай обращаясь к Нирай как к вышестоящему, хоть отсутствие эмблемы, обозначающей ранг, и сбивало с толку.

— Я следил за вашим пробуждением, — невозмутимо ответил Нирай, — и в этом вопросе ваше

здоровье превыше всего. В любом случае вы паниковали в значительно меньшей степени, чем предшественник. Примеры Келовского стоицизма меня восхищают. — Голос у него был красивый, но тон — ровный, а в том, как он произносил глаголы, сквозило презрение. Было трудно понять, что всё это значит. Многие Нирай пренебрегали формальностями.

— Разве формационный инстинкт должен был овладеть ею так сильно? — спросил Джедао. В его голосе звучала почтительность.

Нирай добродушно изогнул бровь.

— Академия Кел всё время играется с параметрами, — сказал он, — отсюда и вариации. Не думаю, что в ней есть что-то необычное, но мы не можем выпустить ее отсюда, доверив тебя, если она столь внушаема. Понимаю, тебе бы весьма этого хотелось.

— Я был паинькой четыре века, — ответил Джедао. — Вряд ли теперь изменюсь.

— Да-да, когда ты был жив, про тебя тоже так думали.

— Ты любишь неопровержимые доводы, да?

— Я люблю выигрывать. — Нирай обратил всё внимание на Черис. Ее поразила необычайная красота его глаз, дымчато-янтарных с

бархатными ресницами; а ведь обычно Черис не интересовали мужчины. — Пройдитесь по беговой дорожке, — велел он, — чтобы напомнить вашим мышцам, зачем они нужны. И еще потому, что в вас присутствует кое-что от его мышечной памяти, и будет мало толку, если вы станете спотыкаться на ровном месте.

Черис не возражала. Она нашла хороший темп: достаточно быстрый, чтобы поднять пульс, достаточно медленный, чтобы непослушные ноги ее не подвели. Тот факт, что координация движений пострадала, беспокоил ее. Она никогда не была самой проворной из товарищей, но надеялась, что эффект временный.

— Джедао, — сказал Нирай. — Полагаю, ее показатели удовлетворительные?

— Я твое орудие, — сказал Джедао.

Черис удивилась. Кел мог сказать эту церемониальную фразу вышестоящему, причем лишь в самых торжественных случаях, но ироничный тон Джедао намекал, что происходит нечто иное.

— Кроме того, — прибавил Джедао, — если с нею дела обстоят как с прочими, у нее никогда не было весомого права выбора, да и у меня его тоже не было.

Наверное, вопрос отразился на лице Черис.

Нирай сказал:

— Мы предпочитаем добровольцев. У них больше шансов пережить весь процесс.

А, ну да. Добровольцев в стиле Кел.

— Давайте я изложу остальное, — продолжил Нирай. — Похоже, вы придумали, как применить Джедао, и Командование Кел это одобрило. Вам следовало бы знать, что призраков из «черной колыбели» можно оживить, лишь прикрепив к кому-то живому — мы называем это «заякорением». Это не общеизвестные сведения. Джедао упомянул, что большинство разновидностей экзотического оружия навредят ему, прежде чем навредить вам. Есть несколько исключений. Рекомендую их изучить, когда будет возможность.

Джедао не может читать ваши мысли, о чем он уже сказал, но он умолчал, что может видеть и слышать — в частности, он видит дальше человека и во всех направлениях сразу. Бессмысленно говорить такое Кел, но следите за языком тела в его присутствии, если не хотите предоставить ему окошко к содержимому вашего мозга. Время от времени его личность будет просачиваться, его реакции подменят ваши, но сильнее всего это проявляется с мышечной памятью — и всё не так плохо. Его рефлексы спасали предыдущие якоря.

Нирай небрежно прислонился к стене, но его взгляд остался прямым и внимательным.

— Есть еще кое-что, и это причинит боль: вам предписано убить Джедао, если покажется, что он сходит с ума или собирается предать вашу миссию.

Он был прав. Это причинило ей боль. Она неуклюже свалилась с беговой дорожки и грохнулась на пол, потому что ноги внезапно отказали. Она была частью иерархии, которую поклялась поддерживать, и люди всё еще относились к Джедао сообразно его рангу. Черис поднялась с пола, дрожа. Здравый смысл подсказывал, что ей дали приказ, причем весьма логичный, но прямо сейчас она была подключена к Джедао как к лидеру формации, пусть он и был призраком. А еще — предателем.

Нирай следил за ее реакцией. Он улыбался и даже не пытался скрыть веселье.

— Это пройдет, — мягко проговорил Джедао. — И, знаете, он прав. Я помню все безобразия, которые учинил.

— У вас будут команды поддержки, — сказал Нирай, — потому что было бы глупо их не обеспечить. Но лучше, если вы справитесь самостоятельно. — Он постучал по столу, и из какого-то

невидимого отделения выдвинулся пистолет тусклого серо-зеленого цвета. Черис никогда не видела такого оружия, что было необычно для Кел — впрочем, подумала она, вполне в духе Нирай. — Это предпочтительное оружие. Оно называется хризалидный пистолет, и его цель — подготовить Джедао к возврату в «черную колыбель» до следующего раза.

Черис попыталась сформулировать вопрос. Удалось с третьей попытки.

— Как генерал может защищаться, сэр?

— Он может с вами разговаривать, — язвительно ответил Нирай. — Не смейтесь, не надо. У него это очень хорошо получается. Когда его речи покажутся здравыми, а остальной мир — нет, знайте: пришла пора нажать на спусковой крючок. Без обид, Джедао.

— Тоже мне, новость — я и так знаю, что безумен, — сказал Джедао, по-прежнему иронично.

Нирай протянул пистолет Черис.

— Он на минимальной мощности и не нанесет генералу серьезного вреда, — сказал он, показывая ей регулятор. — Черис, я хочу, чтобы вы выстрелили в Джедао.

Черис взяла пистолет. Может, Нирай ей лгал, пусть даже она не понимала, в чем цель такого

обмана.

— Куда целиться, сэр?

— В тень или в отражение. Можно еще в себя, но, согласно моим источникам, отходняк будет жестким. Я бы не советовал.

Черис направила хризалидный пистолет на свою тень. Ее руки в перчатках вспотели; капли пота текли по спине. Но ей дали приказ, пусть и в неформальном тоне, и это успокаивало. Не успев переубедить себя, она нажала на спусковой крючок.

Нахлынула волна жуткой боли, и Черис выронила пистолет. Ее учили никогда не ронять оружие.

Джедао сыпал ругательствами на незнакомом языке. По крайней мере, звучало это как ругательства.

«Джедао?» — подумала она.

Ее мысль озвучил его голос.

Но формационный инстинкт убывал. Теперь она мыслила более ясно.

— Так лучше, — сказал Джедао. Неужели в его голосе звучало подлинное облегчение? — Подберите пистолет и держите его при себе постоянно. Кобура вон там.

Она сделала, как велели.

— Что ж, тогда можно приниматься за работу, — сказал Нирай, оживляясь. — Я подготовил более комфортабельные условия. Шесть циклов, дверь откройте пинком. Я собирался заменить ее на кое-что более интересное, но отвлекся. — Прямо рядом с ним открылась дверь, и он вышел не прощаясь.

— Отвлекся? — повторила Черис, вспомнив, как он улыбнулся, когда она упала с беговой дорожки.

— У Нирай причудливые представления о развлечениях, — без выражения проговорил Джедао. — Два человека выжили после помещения в «черную колыбель». Он один из них, другой — я, и теперь вы знаете, почему гекзархат больше никого туда не засунул. В любом случае, полагаю, нам надо выиграть войну, иначе вы бы не вытащили меня из морозилки.

— Там, где вы находитесь, холодно? — Иногда склонность Кел к буквализму бывала полезной.

— Это просто фигура речи.

Черис вышла из комнаты с беговой дорожкой. Они прошли наружный цикл шесть раз, и каждая итерация не отличалась от предыдущей, за исключением одного приступа тошноты на каждый цикл. Ближе к концу коридор стал поглощать

звук шагов Черис, выдавая эхо после чересчур большой задержки. Стены были черными, пол и потолок — тоже. Если слишком долго смотреть на потолок, что Черис однажды сделала, то на нем проступали звезды — сперва едва заметные, они надвигались всё ближе и быстрей, светящиеся мазки туманностей делались четче и превращались в россыпь сияющих драгоценных камней, и даже в бархатной тьме появлялись трещины, за которыми со скрипом вращались огромные шестерни, — но она отвела взгляд. Она много раз слышала, что станции Нирай особенные, но подобное увидела впервые.

Дверь в конце коридора выглядела так, словно ее вырезали в стене лазерным ножом. Черис почти удивилась, что края не шипят и не излучают бело-красное свечение. Она решила, что надо снова применить буквальный подход Кел, и пнула дверь. Та открылась.

Комната была обставлена лаконично. Всю мебель расположили вдоль стен — даже аккуратная Черис нашла это удручающим. На узкой красно-золотой скатерти стояли четыре вазы. Красный и золотой, цвета Шуосов, лисьи цвета: в честь Джедао? Но спрашивать она не собиралась. В каждой вазе было по цветку в разных жизненных

фазах, от бутона до цветения, от опадающих лепестков до хохлатой семенной коробочки. Черис пришло в голову, что эту композицию можно уничтожить, рванув скатерть.

— Что вам рассказали? — спросила Черис.

— О предстоящей поездке? Ничего. Информация — такое же оружие, как и все прочие. Мне нельзя доверять оружие.

— Не уверена, что понимаю суть.

— Мое предательство вошло в историю. Не рискуйте, давая мне возможность повторить содеянное, но уже против вас.

Черис нахмурилась. Что-то тут не складывалось.

— Ценю вашу обеспокоенность, сэр. — Последнее словечко выскользнуло против воли: привычка.

— Вы не участвовали в осаде Адского Веретена, — сказал Джедао, и впервые его голос прозвучал совершенно без интонаций.

Ей пришлось спросить — хотя он наверняка слышал этот вопрос сотни раз:

— Почему вы это сделали?

Как любой Кел и любой Шуос, она изучала разные мнения об осаде. Никто не сомневался, что бойня была преднамеренной.

— Если вы думаете, что сможете меня исцелить, — проговорил Джедао, — то учтите, что лучшие техники Нирай за сотни лет так и не поняли, что стало спусковым крючком. Они сунули нос в мои сны — а это непросто, поскольку я никогда не сплю, — и заставили меня пройти дурацкие ассоциативные тесты, связанные с разнообразными фруктами, и еще — сыграть во все карточные игры, известные в гекзархате. Кроме того, уже слишком поздно. Надо было им шевелить мозгами до того, как умерло столько людей. — Пауза. — Ну так скажите мне, капитан, зачем я здесь.

Черис неистово соображала. Его слова звучали рационально, однако он всё же мог планировать предательство. Его кажущейся искренности тоже не стоило доверять. С другой стороны, зачем он ей нужен, если она не будет его использовать? Все историки сходились в одном: Джедао был гениальным тактиком, а тактика начиналась с понимания людей. Черис не тешила себя иллюзией, что сможет дать отпор опытному лису. У нее появилась опасная идея, которая заключалась в том, чтобы вести себя с ним честно и посмотреть, что из этого получится.

— Календарная гниль, — сказала Черис. Она

пересказала всё, что ей сообщили, одновременно призывая карты. Сеть выдала и те, к которым у нее раньше не было доступа. Гниль успела распространиться, и можно было отследить ее течение от зараженной крепости до соседних регионов.

— Мы можем победить, при наличии нужных ресурсов, — медленно проговорил Джедао. — Но я бы не сказал, что это будет легко.

Она не знала, радоваться или огорчаться от его оценки.

Один из терминалов продемонстрировал доступные им ресурсы в пределах шестидневного радиуса транспортировки. Черис дважды перечитала сообщение.

— Я не жалуюсь на нехватку пушек, — сказала она, — но пушки воздействуют на разум, а не на сердце. А календарная гниль происходит как раз из сердца.

— Зависит от того, куда стрелять, — сухо заметил Джедао. — Переключите вон тот дисплей в трехмерный вид, пожалуйста.

Черис развернула дисплей, и контуры изображения вспыхнули. Она прокрутила его вокруг вертикальной оси, чтобы они смогли получше рассмотреть регионы, сильнее всего пораженные

гнилью и окрашенные в текстурированный светло-серый, неприятный цвет.

По календарным причинам Крепость была расположена посреди пустого пространства, и ближе всего к ней располагалась система Сломанной Ступни. Примечание к карте указывало, что там уже размещен линзомот, но поскольку сама крепость поражена, он может лишь, фигурально выражаясь, останавливать кровотечение.

— Я вижу здесь две жизнеспособные альтернативы, — сказал Джедао. — В общем-то три, но, если бы гекзархат намеревался зачистить регион, мы бы не понадобились.

Она прочитала вслух соответствующую часть их приказа:

— «Экономически нецелесообразно».

Гниль уже коснулась обитаемых планет Сломанной Ступни, чьи экосистемы были слишком ценны, чтобы просто так их уничтожить.

Джедао немного помолчал.

— Ладно. Мы можем попытаться стабилизировать Сломанную Ступню и позже использовать ее в качестве плацдарма для полномасштабной атаки или направиться прямиком к Крепости с надеждой, что обратная волна от Сломанной Ступни не настигнет нас в самый неподходящий

момент. Что предпочитаете?

Черис знала про Крепость. Она знала, в общих чертах, ее самые престижные низкие языки и распределение богатств между классами. Она знала, сколько граждан Крепость посылала в академии, в том числе — конкретные цифры по каждой. И она знала о прославленных щитах на инвариантном льде, но про это знали все.

Она знала многое — и ничего. Она чувствовала, насколько малозначительны аккуратно разложенные по полочкам факты на фоне какофонии живых сообществ. Однажды она заглянула в краткое описание, которое Кел дали Городу Пирующих Воронов. Она увидела свою родину дистиллированной, превращенной в стерильный список фактов. Каждый по отдельности был правдой, но список никоим образом не передавал звук, с которым стая воронов кружилась в небе, рисуя пылью пророческие следы.

— Нам придется рано или поздно штурмовать Крепость, — сказала Черис. — Уж лучше рано. Если повезет, так погибнет меньше людей.

— Хорошо, — твердо сказал Джедао. — Рад, что нас заботит одно и то же.

Было странно слышать такие слова от виновника массовых убийств, и их истинное значение

ей предстояло понять гораздо позже.

Глава пятая

Комната, предоставленная Черис, была украшена вазами, в которых стояли «цветы» из скрепленных проволокой костей маленьких животных. Она спросила себя, чем еще занимается Нирай от скуки, но ей и так уже сообщили больше, чем хотелось.

— Начнем с начала, — сказал Джедао. — Запросите у сети «Установочные инструкции при первом заякорении».

Судя по названию, документ сочинила какая-нибудь комиссия. Как бы там ни было, Черис послала запрос сети. Сперва ее приятно удивило, насколько коротки оказались инструкции. Потом она встревожилась.

— Если есть вопросы, задавайте, — сказал Джедао. — Но должен предупредить, что есть целые секции, по поводу которых я ничего не смогу рассказать.

Черис разрывалась между желанием как можно скорее прочитать инструкции, чтобы они смогли вернуться к планированию осады, и всё как следует запомнить. Она остановилась на

промежуточном варианте. Инструкции большей частью уточняли то, что ей уже было известно, однако дойдя до секции про трупное стекло, Черис нахмурилась.

«После восстановления генерал будет изъят для последующего использования с помощью трупного пистолета, — гласили Установочные инструкции. Сноска уточняла: — В случае чрезвычайной необходимости, если генерал откажется выдать необходимую информацию, остатки трупного стекла может проглотить доброволец. Хотя процедура экспериментальная, это позволит генералу обрести тело, чтобы его можно было пытать».

— «Доброволец»? — переспросила Черис. Нирайское понимание «добровольца», несомненно, было таким же, как и у Кел.

— Не думаю, что кого-то можно насильно накормить трупом призрака, — сказал Джедао, — на моей памяти такого не случалось ни разу. В любом случае не рекомендую пробовать. Наш знакомый Нирай считает, что кусочки моего разума внутри вас сведут вас с ума — а ведь я и сам безумен.

— Я это запомню, — ответила Черис, стараясь не думать о том, что ее текущее положение ничем

не лучше. Она оторвала взгляд от Установочных инструкций. — Я готова.

— Ладно, — сказал Джедао. — Начнем. Первый дисплей: Крепость Рассыпанных Игл и все сведения о ее системах защиты. Второй дисплей: отчет о населении и происхождении ереси. Третий: данные по конкретной разновидности гнили и скорости образования метастаз. Придется попросить Нирай, чтобы одолжил нам математического аналитика…

— Я с этим справлюсь.

Всплеск интереса:

— Вас обучали Нирай?

— Математика была моей специальностью, — сказала Черис. Она привыкла это объяснять. — Вербовщики рекомендовали мне подать заявку в Академию Нирай, но я отказалась.

— И Кел всё равно вас взяли.

— Да, но сперва посоветовали обратиться в Академию Нирай.

— Я хочу убедиться, что понял правильно, — сказал Джедао. — У вас был выбор и заслуживающие внимания математические способности — и вы всё равно решили стать ястребом. Давление семьи?

— Я могу запросить для вас мое досье.

— Да, не помешает, но я бы хотел услышать и ваш ответ.

Черис вызвала свое досье — по крайней мере, ту его часть, к которой у нее был доступ, — и задалась вопросом, какие из его рубрик заслуживали пристального внимания. Может, ей стоило бы устыдиться своего пристрастия к драмам, внесенного в графу «занятия в свободное от работы время»? Или того факта, что дуэлянт из нее получился энергичный, но средненький по способностям? А чем вообще немертвые генералы занимаются, когда не заняты делом?

— Семья хотела, чтобы я осталась дома, — сказала она. — Военщина им не нравится. — Точнее, гекзархат. Черис не стала говорить о том, что ей захотелось стать частью чего-то большего, и Кел с их конформизмом казались подходящими для воплощения в жизнь такой цели.

— Ладно, — сказал Джедао после тревожного молчания. — Четвертый дисплей: обзор имеющихся ресурсов. Пятый: хочу взглянуть на техническое развитие за последние сорок лет. Может быть, современный технический уровень выше, чем был. Шестой оставьте пока что пустым.

— Вы уже всё обдумали, — сказала Черис, уста-

навливая дисплеи.

— Не люблю тратить время зря. Вся эта система основана на времени, не так ли? Приступим в обратном порядке.

Гекзархат сталкивался с низкоуровневой календарной деградацией каждый день. Вспышки полномасштабной гнили были относительно нечастыми, но всё равно все давно осознали необходимость инвариантного оружия, которое не зависело от высокого календаря.

Черис и Джедао вместе просмотрели сведения на пятом дисплее.

— Никаких прорывов, — сказал Джедао, когда они внимательно изучили сводку. — За исключением грибкового кокона, военная техника похожа на ту, что была раньше. А мы не хотим прибегать к кокону, потому что потом придется потратить целое состояние, чтобы навести порядок. Приятно видеть, что война никогда не меняется.

Черис бросила на тень резкий взгляд, но по желтым глазам ничего нельзя было прочитать.

— Еретики знают, чего от нас ожидать, — сказала она.

— Я всё равно не собирался жахнуть по ним из какого-нибудь секретного оружия. Конечно, нель-

зя исключать, что у них-то как раз есть мерзкая новая экзотика. Единственный способ разобраться — подойти достаточно близко и посмотреть, чем в нас пальнут.

Когда они повернулись к четвертому дисплею, кто-то дважды быстро и легко постучался в дверь. Техник Нирай вошел, не дожидаясь приглашения.

— Я зеркало в твоих руках, но ломаюсь от поцелуя, — сказал он с хулиганской улыбкой.

— Вода, — любезно ответил Джедао. — Эта загадка старше гекзархата. Черис, вы не могли бы переключить пятый на выделенные мощности? Спасибо.

— Загадке ни в коем случае не следует признавать собственный возраст, — сказал Нирай. Он разыскал стул, присел и начал раскладывать пасьянс из карт джен-цзай.

— Не обращайте на него внимания, — сказал Джедао Черис. — Расскажите мне про мот-двигатели класса 22–5. Если бы Бледный Разлом не был календарной мертвой зоной, они бы почти годились для начала новой волны экспансии.

— Не наглей, — сказал Нирай, не отрывая взгляда от карт. — У тебя и так достаточно проблем.

— Можно было бы надеяться на некоторое раз-

нообразие в противниках, — парировал Джедао.

Черис моргнула. Ей точно не померещилась холодность в его голосе. Но выражение лица Нирай было безмятежным, словно он ничего не услышал.

— Что касается роя, — продолжил Джедао, — должен признать, что этот новый — прошу прощения, для вас он не новый — класс пепломотов производит сильное впечатление, но, просто глядя на цифры, я не могу предугадать, как эти корабли поведут себя в бою, да и вы никогда на таком не служили.

Еще бы.

— Нет, — сказала Черис. В гекзархате было всего шесть пепломотов, и ее поразило, что им выделили два — «Искреннее приветствие» и «Неписаный закон». Черис даже не пыталась предугадать, как отреагируют на это их коммандеры. — Но у меня есть вопрос по поводу протокола.

— Задавайте.

— Как будет решен вопрос с вашим рангом? В особенности с учетом того, что никто другой вас не слышит?

— Когда мы соберем рой, вам присвоят внеочередное звание за мой счет.

Черис попыталась не выдать, насколько она

потрясена.

— Если вы чихнете не по правилам, вас сперва пристрелят, а разбираться будут позже. Командование Кел настаивает, что меня нельзя лишить звания, пока они не придумают соответствующую церемонию, но, похоже, у них так и не нашлось времени договориться по этому поводу.

Потому что они хотели и дальше им пользоваться, а убить его могли в любой момент. Но она не сказала этого вслух.

После короткой паузы Джедао добавил:

— Есть очень короткий список экзотического оружия, которое убьет нас обоих. Большая часть экзотики сперва убьет меня, не нанеся вам необратимых повреждений, но как только я уйду с дороги, вы станете такой же уязвимой, как и все прочие люди. И с инвариантным оружием вам по-прежнему придется соблюдать осторожность. Давайте-ка всё же выведем этот список экзотики на шестой дисплей. Да, именно такой поисковый запрос нам нужен.

Когда Джедао назвал список очень коротким, он не погрешил против истины. В нем было всего два вида оружия: «гениальный пистолет» и «змеиная стрела».

— Помимо этого, — сказал Джедао, — вы мо-

жете ничего не бояться при первом выстреле. Если они прибегнут к экзотике, значит, захотят получить вас живой — и, видимо, вам ничто не угрожает. Но я не думаю, что Нирай захотят провести такое испытание.

— Я всё слышал, — заметил техник. — Если пожелаешь, придумаю что-нибудь лично для тебя.

— О, славно, — сказал Джедао, в чьем голосе сильно поубавилось почтительности. — Я-то начал волноваться, не отказало ли тебе воображение. Кроме шуток, расскажи-ка мне, на что способны пепломоты. Догадываюсь, это твоя разработка?

— Большей частью, — признал Нирай. — Но почему бы тебе не задать тот же вопрос своему якорю? Заодно узнаешь, насколько хорошо она оперирует цифрами. — Он имел в виду не только размеры пепломота или количество губителей у него на борту, но и важность этих цифр, а также взаимосвязь между ними в контексте высокого календаря как системы верований.

Черис рефлекторно попыталась прочитать выражение лица, коего у Джедао не было.

Немертвый генерал это заметил.

— Я могу кое-что прикинуть, — сказал он. — Но для проверки таких данных мне были нужны вы-

числительные инструменты или знатоки, чтобы с ними проконсультироваться. Я не смогу построить пепломот, даже если мне дадут чертежи и коробку гвоздей… — Тут Нирай ухмыльнулся. — …Но я могу сделать так, что он запоет в бою. Вы будете моим знатоком, Черис. Расскажите мне всё.

В технических характеристиках пепломота были кое-какие параметры, к которым она обычно не имела доступа. Она мысленно распределила их и увидела, как цифры соотносятся друг с другом.

— А они проворные, — сказала она через некоторое время. — Я этого не ожидала.

Она указала на основополагающие уравнения и объяснила, как они связаны с кривыми мощности. Джедао затих, а потом попросил:

— Переведите это в графическую форму для меня, будьте так любезны.

Интересно. Математика — не его конек? Но такую просьбу достаточно легко удовлетворить. Заодно она графически продемонстрировала, как пепломоты проецируют вокруг себя календарную стабильность и как их огневая мощь соотносится с мощью знамемотов, уступающих в размере. Используя стандартизированный симулятор, она показала, чтó мог сделать против инвариантно-

го льда один пепломот, предполагая идеально просчитаные действия с обеих сторон, а затем — два пепломота, потом шесть. Было почти жаль, что они не могли заполучить все шесть; пепломоты оказывали друг на друга синергетический эффект. Черис заметила, что Нирай следит за ней с задумчивым видом, но если ему и было что сказать, он оставил это при себе.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Личный

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Курицы, и само по себе странно, что люди проголосовали за то, чтобы назвать этот новехонький календарь в честь фермерских животных, но – что еще за день Шелковичного червя? Пришлите мне служебную записку, если Доктрина придумает что-нибудь более захватывающее.

Дорогая Цзай, простите меня за нервозность. Чем больше говорят о том, что к новым циклам в Крепости легко привык-

нуть, тем меньше в это верится. Свет стал таким тусклым, и похолодало – как будто мы в краю снегов и безжалостных ветров. А ведь я прибыла сюда, чтобы избавиться от неприятностей, которые способна доставить планетарная погода.

Призываю вас изменить свое мнение по поводу назначения Третьей аналитической группы, ответственной за решение проблемы с этим последним юстициарием Рахал. Я, как и любая на моем месте, уцепилась бы за лакомый кусочек, но Рахал есть Рахал. По правде говоря, Кел с их ерундой про «ястребов-самоубийц» – отнюдь не те, от кого стоит и впрямь ожидать самоубийственных выходок. Кел, да восславятся их микроскопические мозги, взглянут на цифры и поймут, что нет смысла жертвовать десятью своими, чтобы убить одного из ваших. А вот Рахал – о, тот готов убиться назло, если какой-нибудь «абстрактный высший принцип» этого потребует. Тем не менее я полагаю, вы уже всё решили по этому вопросу, и не может быть никаких споров о том, что мы должны их искоренить подчистую,

так что сделаем по-вашему.

Вы всегда пропускаете вступительную белиберду и переходите к сути донесения – пора переходить к делу, верно? Я отслеживаю переговоры сторожевого роя, засевшего в ловушке, и можете не сомневаться, что в этом деле я проявляю максимум усердия. Оцените: даже принимая изумительную ванну с… впрочем, проехали, – не думаю, что вас интересуют такие мирские удовольствия. Ограничимся тем, что я теперь вижу потоки данных, даже когда засыпаю.

Кел держатся на расстоянии. Это как в дуэльном поединке, понимаете? Но вы ведь их тоже не смотрите. Маленькие стаи параноиков-разведмотов носятся туда-сюда, вот и всё, что мы видим. Они отслеживают ситуацию. Пока что полноценного военного роя не видать. Сами понимаете, в Аналитическом отделе все нервничают в ожидании того, что они нам противопоставят.

В этом-то и проблема. Забудем анекдоты про Кел – ястребам только и нужно, что пострелять, долго готовиться они не

любят. Но что же происходит? Дело в том, что их жестко сдерживают Шуосы – ведь если бы всё зависело только от гекзарха Кел, мы бы уже спать не могли из-за бомб. Они не просто явятся сюда, растопырив стволы орудий. С пушками мы бы справились. Они придут с планом, то есть с каким-нибудь заковыристым многоступенчатым планом, как принято у Шуосов. У нас нет никаких успехов во взломе их шифрования, но они точно придут, рано или поздно. Если они полностью потеряют Запутанную марку, окружающие ее марки тоже посыплются. В этом заключается красота потока календарной гнили – и для них станет сюрпризом, что наш Аналитический отдел так хорошо организован.

Пока что на полигоне мы используем мишени в виде лис с девятью хвостами. Очень хорошо снимает стресс. Как-нибудь приходите, присоединитесь ко мне. Или хотя бы полюбуйтесь, какой я меткий стрелок. Всякий раз попадаю в глаз.

Искренне ваша в календарной ереси,
Вх.

В воздухе медленно вертелось схематическое изображение Крепости Рассыпанных Игл. Она напоминала раздувшуюся луну с шестью подземными полостями — каждая вмещала от сорока до шестидесяти тысяч человек и имела особую структуру. Защитные «ребра» обеспечивали целостность Крепости.

— Инвариантный лед, — говорил Джедао. — Полагаю, никто так и не понял, где добыть побольше этого вещества.

Черис посмотрела на Нирай, но тот их игнорировал.

— О таких вещах капитаны пехоты ничего не знают, — сказала она.

Инвариантный лед генерировал в окружающем пространстве щиты. Они были непроницаемы для всего, за исключением узкого диапазона коммуникационных частот. В принципе, достаточно мощная атака могла справиться со щитами и истощить ресурс льда. Но, по последним сведениям, даже бомбы-фурии оказались бессильны, и к тому же они всё равно были экзотическими.

— Не знаю, как вы планируете превозмочь

щиты, — сказала Черис. Гекзархи оборудовали ими крепость в центральной узловой точке именно по причине неуязвимости. Календарные эффекты в узловых точках возрастали, и все были убеждены, что инвариантный лед предоставит крепости достаточную защиту.

— Сколько людей уже пытались это сделать? — спросил Джедао.

— Они умирают, не успев приблизиться, — сказала Черис. — Но ситуация всё равно плохая. — Она обратилась к одному из стандартных симуляторов и запустила очень упрощенный сценарий. Высветилась итоговая боевая статистика. — Не думаю, что гекзархов впечатлит осада длительностью двадцать девять лет.

Джедао тихонько рассмеялся.

— Это не займет так много времени. Мы не сражаемся со льдом, Черис, мы сражаемся с людьми, которые используют лед. Давайте посмотрим, какие разведданные у нас есть по Крепости.

Они разделили между собой итоговые выводы и наиболее перспективные донесения шпионов.

— Не думаю, что вас обучили еще и работе с разведданными, — сказал Джедао.

Нирай теперь переворачивал карты лицом вверх. В центре пасьянса располагался Утонув-

ший генерал. Черис поморщилась — уж слишком эта карта напоминала ее ситуацию.

— Простите, — сказала она Джедао. — Почему бы вам просто не сказать мне, что́ мы ищем?

— Очевидные вещи. Кто это устроил и как? Крепость расположена в таком месте, что произошедшее с нею не может быть случайностью. Кто-то избрал ее своей целью и преуспел. Я удивлен, что местные юстициарии Рахал не засекли проблему и не избавились от нее в своей обычной грубой манере. Это означает, что кто-то свел воедино множество параметров и в нужный момент привел в действие некий план. Для такого требуется серьезная подготовка.

— Вы намекаете на заговор.

— У меня нет доказательств, но моя интуиция кое-чего стоит.

Большинство донесений были поданы несколько недель назад. Что бы ни случилось, оно произошло внезапно. Связь отключилась почти в самом начале событий. Лишь после того, как из боевого отряда в двадцать пять кораблей вернулся единственный линзомот, гекзархи запретили всем приближаться к Крепости.

— Кстати, умный ход, — саркастично заметил Джедао. — Поскольку новости извне не посту-

пают, у местных нет другого выхода, кроме как прислушиваться к тому, что скажут еретики.

Нирай опять ухмыльнулся.

— Ну да, ну да, — сказал он. — Чего еще можно ожидать от кучки гекзархов?

— Это стандартная процедура, — напряженно проговорила Черис.

— Конечно, — ответил Нирай.

Она пыталась вникнуть во внутреннюю политику Крепости — там то и дело возникали склоки, но ведь система как таковая поощряла соперничество между фракциями, — когда Джедао заговорил опять.

— Об этом упоминается мимоходом, — сказал он, словно размышляя вслух, — но я вижу какие-то слишком уж серьезные «предварительные рыночные исследования», проведенные местными. О каком рынке идет речь? Демографические данные в файле есть, только вот…

— В чем дело? — спросила Черис.

— У меня чрезмерно живое воображение, — сказал Джедао. — Только и всего. Рекомендую взять с собой разведкоманду Шуосов для аналитической поддержки и роту их же полевых агентов. В рое в любом случае будут отряды Шуосов, но их цель — следить, не одолел ли я вас. Нам нужны

люди, которые будут изучать врага. Чем больше глаз, тем лучше.

«Чем больше глаз, тем лучше». Девиз фракции Шуос. Она не слышала эти слова уже давно, но то, что даже такой старый Шуос, как Джедао, ими руководствовался, как-то обнадеживало.

— Мне было бы спокойнее, — сказала Черис, — знай я больше о ваших планах разобраться с инвариантным льдом.

Она снова взглянула, во что играет Нирай. Он сооружал из карт замысловатую крепость. Наверное, этим и занимаются Нирай, когда им скучно. Она точно промахнулась, став одной из Кел.

— Когда я был жив, — сказал Джедао, — «штурм Крепости» был стандартным экзаменационным вопросом в Академии Кел, и обычно его задействовали в качестве одного из безнадежных упражнений в симуляторах. Это по-прежнему так?

— Я не экзаменатор, — сказала Черис, — но думаю, что мы сможем получить такие сведения. Шестой дисплей?

— Почему бы и нет.

Черис, словно зачарованная, уставилась на категоризацию ответов на этот конкретный экзаменационный вопрос. Кто мог знать, что у

экзаменаторов Кел есть чувство юмора? Двумя категориями, которые привлекли ее внимание, были «еретическое мышление» (что и следовало ожидать) и «безнадежная тупость» (тоже следовало, но не в такой прямолинейной формулировке).

— Неудивительно, что меня не взяли в инструкторы, — сказал Джедао, тоже очарованный. — Я бы не вписался.

Жертвенный Лис — инструктор? Вот уж нет.

— Какая категория вас интересует? — спросила она.

— Давайте проверим распределение в «еретическом мышлении» и «завтра же повысить».

Ее внутренности свело судорогой.

— Только цифры, Черис.

Два процента экзаменационных ответов были помечены как еретические. Черис подозревала, что эти кадеты в Академии не задержались — или их назначили на непопулярные должности с вечным клеймом в личном деле. Наверное, в ее полном досье, к которому у нее не было доступа, теперь имелась аналогичная пометка из-за того, что она предложила разбудить Джедао.

— Я прекрасно понимаю, что не стоит пытаться уговорить вас взломать эту базу и вытащить

больше сведений, — мечтательно проговорил Джедао. — Вы, Кел, в таких вещах ужасно упрямы.

— Рада, что вы о нас такого высокого мнения, — сказала Черис.

— Шуосская привычка, только и всего. Вы же понимаете, что всё оружие в вашей власти? — Голос немертвого генерала звучал так, словно он расхаживал по комнате из угла в угол.

— Она не дурочка и отлично понимает, что решение о том, куда направить это оружие, принимают Шуосы, — с недобрым видом проговорил Нирай. Построенная им крепость была огромна. И как только она не рухнула, превратившись в вихрь карт?

— Почему вы записались в армию Кел? — спросила Черис.

Джедао остановился — по крайней мере, его голос больше не двигался.

— Это мне лучше подходило, — сказал он. — Я хотел служить, а от копания в разведданных у меня портился характер.

— Не верьте ему, — посоветовал Нирай, начиная разбирать одну из башен. — Он чаще убивал, чем занимался аналитической работой.

— Что-то я такого не припоминаю, — заметил

Джедао.

Черис сменила тему, прежде чем разговор перешел в опасное русло.

— Те, кто набрал больше всего баллов, провели множество топологически сложных операций, — сказала она. — Теоретически можно спровоцировать пробой в щитах, если убедить оператора сделать что-то глупое с точки зрения математики. — Она просмотрела несколько предложенных вариантов. — Впрочем, похоже, для такого нужны машинная быстрота и точность — а я рискну предположить, что композитные соединения возле Крепости работать не будут.

— Если вы увидите топологическое решение, — сказал Джедао, — скажите мне о нем. Чтобы выполнить подобное, требуется аугмент, но мне нельзя его установить.

— Но если не это, что же тогда?

— У меня почти те же сведения, что у вас, — сами понимаете, что это значит. Даже в мое время инвариантный лед был засекречен по максимуму. Но проверьте, получится ли вывести на монитор файл по испытаниям сигнификата Крепости.

У узловой крепости был сигнификат? Черис послала запрос.

Система проинформировала ее, что такого файла не существует.

— Ох, ради лисы и пса. — Джедао на миг призадумался. — Спросите, можно ли с кем-то поговорить на эту тему.

Черис спросила — и ее огорошил всплывший бланк запроса.

— Подпишите моим именем. Может, это их расшевелит.

— Моя карьера будет очень короткой, — заметила она, но сделала, как он велел.

— Вы же ястреб-самоубийца, — не остался в долгу Джедао. — Такое для вас в порядке вещей.

Нирай закончил разбирать башню и теперь строил новую из тех же карт.

Восемь минут спустя, когда они гадали, дошел ли запрос, прибыл ответ. Он был простым: «ФАЙЛОВ НЕТ».

— Так теперь выглядит печать Командования Кел? — спросил Джедао. — Я думал, на ней ястреб с мечом. Или это какое-то подразделение?

— Это Архив, — сказал Нирай, — старый добрый Архив. — Он подыскивал в башне место для пары карт шестереночной масти. Одной из них была двойка шестерней, и Черис продрал озноб: давным-давно Джедао выбрал ее в качестве лич-

ной эмблемы.

— Не имеет значения, — сказал Джедао. — Но есть проблема, которая заключается в том, что у Командования Кел имеются от нас секреты. Нужный мне файл существует, если его не удалили — а они бы так не поступили.

Черис нахмурилась.

— Грубовато с их стороны.

— Им и не нужно с нами цацкаться. У нас нет рычагов давления. Но вывод ясен: они защищают нечто настолько важное, что его секретность превыше возможности отвоевать Крепость.

Ход его размышлений заставил Черис занервничать, но он вполне соответствовал тому, что ей было известно о Командовании Кел.

— Так или иначе, давайте я расскажу вам, что знаю. Если вы просмотрите уцелевшие записи, то увидите, что в физическом проявлении щитов имеются некоторые вариации, чаще всего связанные с цветами и узорами. Так проявляется влияние человека-оператора.

— Вы уверены, что это не какая-нибудь особенность инвариантного льда? — спросила Черис.

— Нет, — сказал Нирай. — Будь оно так, моя фракция знала бы.

— В технических вопросах он надежен, — ска-

зал Джедао, правильно истолковав колебания Черис. — Это значит, что нам не придется взламывать щиты — мы должны сломить оператора. Я вижу ваш скепсис.

— Было бы глупо с моей стороны просить вашей помощи и не применять ваш опыт, — сказала Черис. — Вы можете поточнее разъяснить, как собираетесь это сделать?

— Предпочел бы отложить это до нашего прибытия на место. Мы не знаем, как захватили крепость, пусть даже ситуация и смахивает на переворот, затеянный кем-то изнутри. Мы можем выбрать атакующую группу, но ничего не будем знать о том, кому в ней можно доверять. Гниль могла распространиться повсюду. И еще есть банальные шпионы. Люди не смогут услышать, что я вам говорю, но сумеют прочитать ваши реакции. Простите за прямолинейность, Черис, но опытной лгуньей вас не назовешь.

Черис прикусила губу. Пусть на самом деле она поклялась служить Командованию Кел, ее непосредственным начальником был Джедао. Сильное желание поверить ему на слово, порожденное формационным инстинктом, было почти непреодолимо. Она напомнила себе, что должна быть готова убить его.

— Так и поступим, — сказала она, — но когда позже мне понадобится, чтобы вы всё объяснили, — вы это сделаете.

Она предъявляет требования генералу. Стоило предугадать, что эта миссия сделает ее полной противоположностью Кел.

— Более чем справедливо, — сказал Джедао.

Он согласился так быстро, что у Черис проснулись подозрения, но отступать было некуда.

— Какие будут рекомендации по поводу структуры роя?

— В обычной ситуации я бы учла календарные соображения, — сказала Черис, удивленная тем, что он спросил ее мнения, невзирая на отсутствие у нее опыта, — но инвариантные орудия полезнее, да и у существующей экзотики есть предел функциональности.

— Как правило, да. Крепость — не календарный ноль, но мы не знаем, как будет выглядеть еретический режим, когда мы туда доберемся, и какие другие средства обороны у них обнаружатся.

— У них уже есть лучшее средство обороны.

— Было бы весьма удобно, не будь у них плана Б, — шутовским тоном сказал Джедао. — Но мы не можем на такое рассчитывать.

Черис уставилась на цифры. Сверившись с по-

казателями на четвертом дисплее, она составила рой. В обычных обстоятельствах два пепломота справились бы с любой угрозой самостоятельно, однако она добавила тринадцать знамемотов для огневой поддержки и семь боксмотов для перевозки пехоты.

— Я предположила, что вы захотите пустить туда пехотинцев, хоть мне и непонятно, каким образом вы собираетесь выжигать ересь. Нам надлежит сломить военное сопротивление, чтобы следом пришли менторы Видона?

— Мы способны на большее, — сказал Джедао. — Когда я сказал, что мы победим не оборонительные сооружения, но оператора оборонительных сооружений, то имел в виду именно то, что сказал. Это старше, чем календарная война. Сломить волю врага — вот что было главным испокон веков.

«Да, — подумала Черис. — Но кто твой враг?»

Она знала, что не стоит задавать такой вопрос, но беспокойство не покинуло ее до самого конца совещания.

Глава шестая

Когда пришло время выбирать командующего пехотой, Черис ждал сюрприз. Они с Джедао сошлись на кандидатуре полковника Кел Рагата, который вернулся в ряды Кел после того, как посвятил несколько лет историческим изысканиям. Послужной список Рагата со всеми его наградами выглядел в точности как у Четвертого из участников конкурса. Поскольку Черис не могла ничего доказать, она умолчала об этом.

С запросом о разведкоманде Шуос и роте лазутчиков было трудней. К разочарованию Черис, система позволила ей описать операцию, потом подать заявку на выделение персонала и роты — и всё. Ей не удалось ввести другие параметры по подбору людей.

— Типично, — сказал ей Джедао. — Наша любовь к мелким тайнам, не говоря уже о бумажной волоките, не изменилась за последние несколько веков. Придется поверить, что гекзархи желают нашей победы. Это должно побудить их выделить нам компетентных оперативников.

Следующим этапом было подать заявку на сбор

роя. Черис чувствовала себя нелепо, потому что рой обычно собирали для генерала, а ей еще не присвоили внеочередное звание. По правде говоря, она бы и со званием чувствовала себя нелепо. Система высветила уведомление о «нетипичных обстоятельствах» и сообщила, что время сбора составит 5,9 дня.

Черис спросила себя, что делать дальше, и с ужасом поняла: она зевает.

— Вам надо поспать, — заметил Джедао. — Без отдыха вы будете бесполезны нам обоим.

— Я беспокоюсь, что ночью придут какие-нибудь новости, — сказала она. Что уж говорить о нежелании отключаться, пока он продолжает бодрствовать… — Разве для такого не должен существовать штаб? — Она бы чувствовала себя спокойнее, зная, что вокруг другие Кел, пусть и незнакомые.

— Должен, — согласился Джедао, — но гекзархи пытаются свести к минимуму количество офицеров, зараженных вследствие близкого общения со мной, и для роя такого размера хватит стандартного штаба мота. — Всё понятно… — Так или иначе, я не могу работать с мониторами, но если вы автоматизируете какие-нибудь уведомления, я вас разбужу, если случится что-то интересное.

Кроме того, я не могу читать больше одного текста за раз, но могу следить за бóльшим количеством графики, чем обычный человек. И я не против поработать будильником. — Он рассмеялся при виде ее смятения. — Простите, я не пытался вас шокировать.

Черис не хотела спать под его присмотром, и всё же она не могла бодрствовать вечно. Знай она, как всё обернется, переосмыслила бы свое решение о пробуждении Джедао.

— А-а… где же мне спать? — спросила она ровным голосом.

— Ступайте туда, откуда мы пришли — скорее всего, для вас уже всё приготовили.

Он был прав. Комната теперь выглядела более буднично, несмотря на зеркала. Еще она оказалась намного больше всех помещений, где Черис доводилось спать.

Черис посмотрела на отражение. Джедао насмешливо улыбался ей. Она стиснула зубы и ответила ему сердитым взглядом.

— Хорошо, — сказал Джедао, не смутившись, и Черис тотчас же пожалела, что не умеет скрывать эмоции. — В грядущие дни вам это пригодится. — Она решила, что лучше не отвечать.

Ее личные вещи с «Горящего листа» лежали на

столе. Она проверила: вороний камень удачи не забыли. Потом она просмотрела остальные вещи, мундиры и гражданскую одежду, оружие. Особенно порадовал календарный меч, хотя — кто знает, удастся ли ей в будущем развлечься, участвуя в дуэлях. И еще он — Черис проверила раньше, пока Джедао хранил обезоруживающее молчание, — не давал никакой защиты от ревенантов.

Установочные инструкции заверяли, что во время сна бояться его совершенно не следует, но Черис не верила. Не говоря уже о том, что ей было неловко от постоянного присутствия командующего офицера где-то поблизости.

— Ложитесь спать, — сказал Джедао. — Посмотрим, будут ли завтра дополнительные разведданные.

Она разделась как обычно, помедлив лишь когда дело дошло до перчаток. Обычно она их снимала на ночь, но ей не нравилась мысль о том, что Джедао увидит ее руки обнаженными. Кел снимали перчатки на публике, только отправляясь в самоубийственные миссии. Но он уже видел ее руки. Ей было нелегко это осознавать.

— Меня не оскорбит, если вы их не снимете, — сказал он. — Свои я тоже почти никогда не снимал.

Если бы он промолчал, она могла бы преодолеть свои сомнения, снять перчатки и выключить свет. В ее голове мелькнул образ, ее искаженное отражение в зеркале: Джедао в мундире Кел, Джедао в перчатках с обрезанными пальцами, которые теперь означали «предательство».

— В тот день, когда случилась бойня, вы тоже были в перчатках? — едко осведомилась Черис.

— Да. Мне показали видео.

— Вы не помните? — недоверчиво спросила она.

— Не всё и не в том порядке.

— Вы никак не показали, что чувствуете угрызения совести, — сказала Черис, и каждое ее слово было подобно удару барабана. — Вы убили настоящих людей. Людей, которые доверялись вам как командиру. Я не понимаю, почему Командование Кел сохранило вас вместо того, чтобы поджарить на ближайшем солнце. Кел никогда не испытывали недостатка в хороших генералах.

— Взгляните на мой послужной список еще раз, — сказал Джедао. Тон был мрачный, а не хвастливый. — Полагаю, вы сделали это, прежде чем разморозить меня.

Черис знала наиболее яркие моменты. Они изучали некоторые из его сражений в Академии.

Он всё равно продолжил:

— С тех пор, как я стал майором, я никогда не проигрывал. Мне было тридцать два, когда меня повысили до бригадного генерала, и сорок пять, когда я умер. Честно говоря, они посылали меня умирать — снова и снова. Потому что я был достаточно хорош, чтобы оказаться полезным, но при этом оставался Шуосом, и Командованию Кел было наплевать, если я не вернусь из какой-нибудь ужасной, дурной и безнадежной миссии — ведь это бы означало, что они сберегли генерала из рядов Кел. И знаете что? Я уничтожил всех врагов, на которых мне указали.

Командование Кел спасло меня не потому, что они заботились обо мне, Черис. Часть, которую вы упускаете, потому что всё это засекречено, заключается в том, что я не проиграл ни одной из битв, в которых меня послали сражаться, даже после того, как они казнили меня. Если они когда-нибудь поймут, как извлечь то, что делает меня хорошим стратегом, отделив это от безумия, так и поступят — и вложат в кого-то другого. Вот почему они продолжают посылать меня на задания: чтобы увидеть, удалось ли им докопаться до правды. А потом, когда они всё-таки добьются своего, меня казнят по-настоящему.

— И как всё это оправдывает ваш поступок? — резко спросила Черис.

— Никак. — Джедао говорил вежливо, но не извинялся. От того, что его голос звучал почти безразлично, у нее по спине пробежали мурашки. — Я мог бы изобразить муки совести, но эти люди мертвы много веков. Это им не поможет. Единственное, что мне теперь осталось, — служить системе, ради служения которой они умерли и которой я сам поклялся служить. Это ничего не исправит, но больше у меня ничего нет.

Он был почти убедителен. Жаль, что она не знала, в чем заключается его игра. Она подошла к кровати, шлепая босыми ногами, и улеглась. Он больше ничего не сказал, но было невозможно не ощущать его присутствие, его глаза — огоньки свечей во тьме.

В конце концов пришел сон. Ей снился лес, полный лис с блестящими желтыми глазами. Каждый раз, когда она делала шаг, ближайшая лиса оказывалась вырезанной из бумаги и сгорала, не оставляя ничего, кроме ослепляющей вспышки дыма и искр. Проснувшись, Черис была почти уверена, что ее тень окажется охвачена огнем. Но та была прежней, девятиглазой и непоколебимой.

Черис проголодалась, но сеть напомнила ей, что сегодня поминальный праздник: День змеиного огня. Кто-то доставил медитационный фокус, пока она спала — зеленую свечу в форме вскрытой змеи с вытянутым правым легким, удлиненным, рассеченным крест-накрест. В поселениях гекзархата Видона обычно пытали преступников или еретиков на поминальные дни, но на пустомотах такое не практиковалось. Черис не любила поминальные дни. Большинство людей их не любили. Тем не менее консенсусная механика означала, что экзотические технологии высокого календаря могли работать только в том случае, если все будут соблюдать поминальные дни и придерживаться социального порядка, который разработала фракция Рахал.

— Я не узнаю́ этот символ, — сказал Джедао с непонятной интонацией, когда она зажгла свечу. — Что за еретики? Их сожгли?

— Они называли себя Змеевиками, — сказала она, — о чем нетрудно догадаться. У них была какая-то ересь религиозного толка, связанная с верой в реинкарнацию.

— Интересно. — Интонации Джедао по-прежнему были непостижимы. — Ладно, не буду прерывать ваш ритуал.

Он ничего не сказал о том, чтобы самому соблюсти поминальный день. Черис спросила себя, влияет ли соблюдение ритуала призраком на консенсусную механику хоть как-нибудь. Тем не менее тот факт, что немертвый генерал, похоже, не испытывал почтения к поминальным дням, вынудил ее признать, что это вызывает толику симпатии в его адрес.

Потратив на медитацию положенные тридцать девять минут, Черис приступила к утренней зарядке. Начала с разогревающих упражнений, потом перешла ко всё более сложным формам. Тело не желало ей подчиняться. Не один раз пришлось справляться с убежденностью в том, что ее ноги должны быть длиннее, а центр тяжести — выше. Черис с сожалением отказалась от упражнений с мечом.

— Говорят, вы были превосходны в рукопашном бою и с огнестрельным оружием, — наконец сказала Черис, чувствуя, что должна поговорить с Джедао, особенно после их обмена колкостями прошлой ночью. В конце концов, в строгом смысле слова она виновата, что им приходится работать вместе.

— Старался не отставать от Кел, — сказал Джедао, тоже настроенный на примирение. — Есть

шанс, что вы унаследовали кое-что из моих умений. Удастся ли это применить, зависит от вас, но я могу себе представить, как надо потрудиться, чтобы перестроить все навыки, предназначенные для тела с неправильными параметрами.

— А ваши предыдущие якоря?..

— Одному из них повезло, но он был примерно моего роста и телосложения — возможно, это помогло.

Черис пришла в голову ужасная мысль: та бойня, которую он устроил у Адского веретена, теперь вписана в ее сухожилия так, что не извлечь. Впрочем, если такие воспоминания и существовали, они были не в той форме, к которой она могла бы получить доступ напрямую.

— Кроме того, — продолжил Джедао, — вы, вероятно, знаете много способов убивать людей. Я не в курсе, чему сейчас учат в Академии Кел, но думаю, что прогресс на этом фронте не стоит на месте.

Ее кольнуло воспоминание.

— Разве вы не начали карьеру как наемный убийца Шуосов?

Не то чтобы она мало убивала, но Джедао как-то слишком уж беспечно об этом отзывался. Впрочем, многие из ее знакомцев-Кел были такими

же.

— Да, но я точно отжил свой век.

Мысль о том, что у убийц есть срок годности, почти заставила ее улыбнуться.

Вскоре после этого сервиторы принесли три подноса, один большой и два маленьких. Такую разновидность сервиторов она никогда раньше не встречала: змееформы с шестью рудиментарными крыльями.

— Нирай, — сказал Джедао, как будто это все объяснило. Вероятно, так и было.

Черис поблагодарила сервиторов вежливым кивком. Она хотела бы поболтать с ними, но у нее была работа, и у них наверняка тоже. Они что-то дружелюбно прощебетали, прежде чем уйти.

Подносы предназначались для двух людей, а не для одного, с общими блюдами на большом подносе. Миска Джедао была из кованого металла, с выгравированной Двойкой шестерней. Миска и тарелки рядом были пусты. Чашу наполнял вихрящийся туман, словно угодивший в ловушку обрывок облака.

— По крайней мере, они не тратят на меня отличный виски, — сказал Джедао, но прозвучало это так, словно он желал, чтобы потратили. — Вы задаетесь вопросом, нужно ли мне питание.

Ответ — нет, но я полагаю, они ощутили, что протокол требует чего-то такого.

— Вы ели со своими солдатами? — спросила Черис. Это был опасный вопрос, но в нем заключалась та истина, о которой она могла спросить.

Джедао сухо рассмеялся. Когда его голос зазвучал опять, он был спокойным.

— Вы спрашиваете себя, как такое возможно — убить людей, с которыми ты сидел за офицерским столом. Я и сам себя об этом спрашивал. Но ответ на ваш вопрос: да. Обычаи Кел со временем изменились, знаете ли. В те дни каждый командующий приносил собственную чашу к офицерскому столу. Всё было иначе в последний раз, когда меня будили. А теперь так делают?

— Да, — ответила Черис. В горле пересохло.

Он еще не закончил.

— Когда я был жив, я передавал по кругу чашу, снятую с вражеского солдата — хлипкую такую штуковину из дешевого олова. — Его голос дрогнул, но потом опять стал спокойным. — Я считал ее спасительным напоминанием о нашей общей человечности.

«До определенного момента…»

— Что случилось с чашей?

Он ведь ждал, что она спросит. Может, в вопро-

се таилась ловушка?

— Потерял во время одной кампании. Мы попали в засаду, положение было рискованное. Одна из моих подчиненных пошла против прямого приказа, потому что думала, будто чашка для меня важнее ее жизни. Вы не найдете этого в архивных записях. Я решил не позорить ее семью подробностями, раз уж она всё равно погибла.

Джедао мог ей лгать, всё равно она не в силах проверить историю. Но никто бы не предугадал, что маленькие детали его жизни будут иметь значение спустя века. Если они и впрямь имели значение. Она не понимала — что же он хотел доказать этой байкой? По рассказам, он представал хорошим командиром. Конечно, все считали его хорошим командиром, пока он не перестал быть хорошим человеком.

— Вы когда-то всерьез заботились о своих солдатах, — сказала она, принимая историю за чистую монету. — Что изменилось?

— Если вы в этом разберетесь, — проговорил Джедао, — дайте знать.

Опять игры. Значит, хватит притворяться. Черис посмотрела на подносы. Запах риса мучил ее.

— Ешьте, — сказал Джедао. — Вы наверняка

проголодались.

— Как вы можете помнить голод, если у вас проблемы с цветом? — резко спросила Черис.

— Голод забыть трудно, — сказал Джедао. Когда она не ответила, он пробормотал что-то на другом языке. Прозвучало как ругательство. Наверняка за несколько столетий он их узнал немало. — Извините, привычка. Мой родной язык. Ваше досье говорит, что и для вас высокий язык не родной?

— Верно, — сказала Черис. Родители позаботились о том, чтобы она выучила мвен-дал, язык матери, хотя он был низким языком меньшинства даже в самом Городе Пирующих Воронов. Черис говорила на нем, только когда гостила дома, а в обществе Кел приучила себя ограничиваться высоким языком. Гекзархат относился ко всем низким языкам с подозрением.

— Вот так-то, — сказал Джедао. — Я по-прежнему ругаюсь на языке шпарой, хотя это мертвый язык для гекзархата. Мой родной мир был потерян во время приграничной стычки с Хафн примерно триста лет назад.

Она об этом не знала.

— Мне жаль, — сказала Черис, и ей правда было жаль, хоть она и не теряла осторожности. Она попыталась вообразить, каково это — когда вся твоя

планета исчезает. Не смогла. Она впервые ощутила века, которые их разделяли, и тот факт, что они друг от друга отличались не только рангом.

— Время никого не щадит, — сказал он безразличным тоном. — Ешьте. Если вы упадете в обморок, я не смогу вас привести в чувство — хотя, наверное, кто-нибудь что-то придумает.

Она поместила его поднос напротив своего на столе, потом взяла собственную чашу. Один глоток, поскольку Джедао не мог сделать первый, а потом — палочки для еды. Рис был обыкновенный, а рыба — переложена тонкими полосками маринованного редиса, и вкус у нераспустившихся побегов папоротника под соусом оказался приятно-горьковатый.

— Вы это ели, когда были живы? — спросила она. После его казни прошло триста девяносто семь лет. Многое должно было измениться.

— Мы ели всё, что интенданты могли достать, — сказал Джедао. — Помню одну сухопутную операцию, когда мы наткнулись на запас лягушачьей икры в желе. Он даже не был большим. Она в том регионе считалась деликатесом. Вижу по вашему выражению лица, что для вас это не экзотика, но с нами всё было иначе. Но мы были голодны, поэтому съели икру, невзирая ни на что. Потом

было много дурных шуток про жабры.

После этого Черис закончила трапезу в молчании, думая о жестяных чашках, непослушании приказам и лягушачьей икре. Допивая чай, посмотрела на чашу Джедао с ее загадочным туманом.

— Я должна что-нибудь с этим делать?

— Не думаю. Сомневаюсь, что это питательно хоть в каком-нибудь смысле.

Последний глоток. Черис отложила чашу и потянулась. Повернулась влево, когда обезличенный голос сети сказал: «Входящее сообщение». Коммуникационная панель окрасилась в черный, и в центре ярким золотом вспыхнула эмблема Командования Кел в виде ястреба-с-мечом.

Черис переключила мундир на полный официальный режим.

— Я могу принять сообщение сейчас, — сказала она сети, встав перед панелью.

Это был Подкомандующий номер два, снова с ее лицом.

— Генерал Шуос Джедао, — сказал композит, как будто мог видеть его перед собой. Судя по всему, мог. — Капитан Кел Черис.

Черис уже салютовала.

— Попытайтесь не демонстрировать, что его

лицо вас так сильно беспокоит, — сказал Джедао. — Плохая привычка — позволять людям так легко читать свои эмоции.

Ей не понравилось, что он давал ей советы, особенно такого рода, во время общения с Командованием Кел. Даже если, несомненно, это будет повторяться в ближайшие дни.

— Вольно, — сказал Подкомандующий номер два, и только тогда Черис убедилась, что он не слышит Джедао. — Я думаю, вы знаете, в чем дело. Из-за неспособности генерала проявить себя физически, капитан, вам придется служить его руками и голосом. Чтобы облегчить это, Командование Кел присваивает вам генеральское звание на время кампании.

Черис думала, что что-то почувствует — дискомфорт, восторг, замешательство, — но ощутила лишь усталость.

— У меня также есть кое-какие сведения, которые могут вам пригодиться.

Черис напряглась.

— Данные свидетельствуют, что еретики привязали свой режим к семерке в качестве центрального числа. Скоро у вас будут лучшие сведения, чем у нас, но имейте это в виду.

Семь. Это намек на возрождение ереси Лиож?

Жаль, что она была недостаточно внимательна во время обязательного курса истории во время первого года в Академии. По факту она со всеми курсами справилась хорошо, но некоторые выветрились из ее головы, как только она получила оценки.

— Это всё. Желаю удачи.

И панель опустела.

— Это плохие новости, — сказала Черис.

— Мы и так об этом знали, — возразил Джедао. — Ах да — ваш мундир, Черис. Займитесь им, пока не забыли.

Это приказ Командования Кел. Нет необходимости чувствовать себя кадетом, который задумал вульгарную шутку, — но она всё равно именно так себя ощущала.

— Временный ранг, генерал, — сказала Черис. Униформа заменила капитанский коготь генеральскими крыльями.

— Хочу еще раз взглянуть на старших офицеров роя, — сказал Джедао. — Надеюсь, не я один переживаю из-за Видоны.

«Гончей голода» командовала Видона Диайя, которая славилась умением находить лазейки в приказах. Для Видона было необычно подняться до командного ранга в иерархии Кел. Как и

большинство граждан, Черис испытывала здоровое уважение к Видона, которые отвечали за распространение Доктрины и перевоспитание диссидентов, но она предпочитала уважать их с безопасного расстояния.

— У коммандера Диайи много благодарностей в личном деле, — сказала она, решив избегать ненужных проблем.

— Они были очень тщательно сформулированы, — сказал Джедао. — Полагаю, у нее связи в высших кругах.

— Это не может быть единственным объяснением, — возразила Черис. — Кроме того, если не она, то придется брать «Глаз простоты» или «Шесть крепких шпилей». — Капитан первого корабля имел в личном деле отметку «чрезмерная жестокость» — Черис даже не знала, что Командование Кел обращает внимание на такие вещи. Второй давно нуждался в ремонте.

— Да, куда ни кинь, всюду клин. Ладно, пусть будет Диайя. Придется за ней присматривать, но, может быть, я всё равно придумаю, как ее использовать. И нам понадобится содействие полковника Рагата. Я отметил пару его Нирай как потенциально проблематичных, но нам придется положиться на него, чтобы они не начали

импровизировать. — Он назвал ей имена.

— Я не знала, что пехота вас тоже заинтересует, — сказала Черис. По правде говоря, ей было приятно.

— Так надо, — сказал он жестко и резко. — Наша цель — взломать Крепость. Внутрь пойдет пехота. Нам понадобятся роты, работающие автономно в течение определенного периода времени. Придется полагаться на младших офицеров, а это значит, их надо понимать, чтобы лучше мотивировать.

— Разрешат ли нам присоединиться к войскам на территории крепости? — спросила она и тотчас же поняла, что это глупый вопрос. Надо быть сообразительнее.

— Вы думаете, как командир роты, а не старший офицер. Избавьтесь от этой привычки. Кроме того, я гарантирую, что наши надсмотрщики пристрелят нас, если мы покинем командный мот. Они не позволят мне ускользнуть из поля зрения. Придется как-то с этим смириться.

— Я запомню, — сказала Черис.

Через мгновение он продолжил:

— Вы уже знаете, что скажете рою, когда он будет собран, Черис? Лучше всего подготовиться заранее. В первый раз, когда меня поставили во

главе роя, я думал, что забуду свое собственное имя.

— Я выслушаю любой совет, какой у вас найдется, — осторожно проговорила Черис. — В прошлом у меня была возможность встретиться с ротой лично. Сейчас всё иначе.

— Я и не спорю. Половина коммандеров роя будет рваться взломать Крепость — о рвении Кел можно много что сказать — и одновременно презирать вас за чересчур быстрый карьерный рост. Не показывайте, что это вас беспокоит, если оно беспокоит. И самое главное: не позволяйте им жалеть себя за то, что вы пешка. Ничто не убивает уважение быстрее, чем жалость. — Джедао задумался на мгновение. — Кроме того, если они вытащат меня слишком рано, вам, возможно, придется продолжить в одиночку, и лучше подготовиться к этому непредвиденному обстоятельству.

— Субординация…

— Командование Кел сказало, что вас повысили на время кампании. Вы можете там застрять.

Он был прав. В экстренной ситуации может не хватить времени для запроса новых приказов Командования Кел. Может получиться так, что она останется командиром. Хотя в академии

она прошла все необходимые базовые курсы по приемам ведения космической войны, сражаться ей довелось только в пехоте, и отсутствие опыта было важным фактором.

— Поменьше слов, — любезно посоветовал Джедао. — Если вы не прирожденный оратор, так будет меньше проблем.

— Как вы справлялись?

— Мне нравится разговаривать с людьми. А это то же самое, только более обезличено. Побольше практики, и всё пойдет на лад. В этом суть.

Черис уставилась на имена и изображения офицеров из их предполагаемого роя. Они выглядели нереальными, но Черис знала, что должна отнестись к ним серьезно. Вскоре она и Джедао будут отвечать за этих людей, и она не могла позволить ему знать о них то, чего не знала сама.

Глава седьмая

Рой собирался постепенно, каждый мот занимал место в строю согласно предписаниям командного центра исследовательской станции. Черис и Джедао смотрели трансляцию на шестом дисплее. Пустомоты, даже принадлежащие к одному классу, различались по форме. Командиры могли их менять, если удавалось наскрести бюджет. Моты большей частью представляли собой узкие треугольники, напоминающие поджарую морду гончей. Два пепломота выделялись на общем фоне, и не только размерами. У обоих в верхней части были установлены пушки-стиратели, и Черис видела крепления для дополняющих их пушек-губителей.

Рой полностью собрался, отстав от графика всего на час и семьдесят три минуты. Черис уведомила всех, что обратится к ним через двадцать восемь минут. Она добавила, что хочет видеть отдельных коммандеров, а не командные композиты.

— Интересное решение, — заметил Джедао без осуждения.

— Нам нужно узнать, на что каждый из них способен как личность, — сказала Черис. Рискованно полагаться на то, что композитные соединения вблизи от Крепости окажутся работоспособными. Кроме того, сама Черис, вчерашний капитан пехоты, не имела нужного оснащения. — Лучше выясним это прямо сейчас.

В какой-то момент к ним забрел Нирай. Черис снисходительно подумала: с чего вдруг вышестоящее начальство разрешает ему бездельничать? Он был одет в обманчиво неброскую черную куртку, спереди украшенную вышитыми темной нитью мотыльками, и носил серебряные серьги, похожие на кружево.

— Вы уходите из-под моей опеки, — сказал он Черис. — Я хотел предупредить, чтобы вы не теряли бдительность.

— Сделаю всё, что в моих силах, сэр, — ответила она.

— Когда вернетесь, — продолжил он, — нам надо поговорить о теории чисел. Я разыскал одну из ваших студенческих работ, критику формационного генератора Нирай Медеры. Новаторский подход.

Черис расслабилась. Ну конечно, Нирай так легко отвлекаются на вещи, не связанные с мис-

сией. Впрочем, это же не его миссия.

— Разумеется, — сказала она.

Нирай ей улыбнулся, и взгляд его красивых глаз был почти добрым.

— Гори светло, — сказал он, прощаясь по обычаю Кел, и ушел.

Следующие пятьдесят секунд Черис потратила на попытки не дышать учащенно при мысли о предстоящем обращении к рою. Прошло не так много времени после того, как ее пытались убить Угри. Она бы лучше вернулась к ним, чем выступала перед коммандерами, которые в обычной ситуации были бы ее вышестоящим начальством.

Джедао не предложил ей расслабиться. Вместо этого он продолжал воодушевляющую болтовню, анализируя всё, что появлялось на дисплеях, включая графические символы и шрифты, использованные для демонстрации данных. Она и не думала, что генерал так хорошо разбирается в дизайне интерфейсов.

— Вы подумали о своей эмблеме? — внезапно спросил Джедао.

— О чем? — переспросила Черис и поняла, что он имел в виду. Как временный генерал она не получила собственную эмблему вместе с ран-

гом, но рой разочаруется, если у них не будет сигнификата. Двойка шестерней Джедао, хоть формально доступная, в силу очевидных причин была неудачным вариантом.

— У вас есть мысль, — сказал он.

— Им это не понравится.

— Ну и пусть. Не они тут главные. — Миг спустя он продолжил: — А-а, я понял. Годится.

— Как у вас это получается? — не удержалась Черис.

— Ну, моя догадка может быть ошибочной. Но у вас все мысли написаны на лице, Черис. Опасная привычка. У меня нет предложения лучше, так что это подойдет. Еще шесть минут. Вам лучше приготовиться. Хотите, чтобы они увидели тень?

— Да. Они должны знать, кто их ведет.

— Направление освещения рассчитали?

Рассчитать правильные углы для источников света было нетрудно. А вот речь ее беспокоила.

— Переориентировать дисплеи, — велела Черис и передала сети параметры. — Хочу видеть всех, с кем разговариваю.

Дисплеи расположились согласно рангам и, когда пришло время, включились одновременно. Два коммандера пепломотов, тринадцать коммандеров знамемотов, полковник пехоты,

капитан разведки и семь коммандеров боксмотов — целая толпа. Она поняла, почему Командование Кел предпочитало иметь дело с композитами.

Они приветствовали ее. Черис сдержала порыв извиниться за беспокойство.

— Вольно, — сказала она. — Кел Черис, временное звание генерала присвоено приказом Командования Кел на период этой кампании. Мне оказывает консультативную поддержку генерал Шуос Джедао.

Она не видела тень позади себя, но понимала, что они за нею следят. Она попыталась увидеть все лица сразу и понять, кто напряжен, а кто воспринимает происходящее благожелательно — однако задача оказалась слишком трудной.

— Наша миссия заключается в том, чтобы вырвать Крепость Рассыпанных Игл из рук еретиков, — продолжила Черис.

— Я знала! — воскликнула Кел Неревор, коммандер пепломота «Неписаный закон», стройная, смуглая женщина с белыми прядями в волосах и улыбчивым ртом. — Все об этом говорят. Для нас будет большой честью вернуть крепость гекзархату.

Коммандер другого пепломота, мрачный Кел Пайзан, покачал головой.

— Коммандер, — сказал он, — проявите уважение.

— Вы должны были приструнить ее самостоятельно, — пробормотал Джедао.

Черис испытала раздражение: он, конечно, был прав.

— Обойдемся без вступлений, — сказала она. — Я перешлю имеющиеся разведданные, но они скудны.

— Малый дисплей № 17, — сказал Джедао, но на этот раз Черис его опередила. Дисплей отображал лицо капитана-аналитика разведотряда, Шуос Ко. Ко носил бороду, и это его выделяло. Кел предпочитали чисто выбритых мужчин.

— Генерал, — сказал Ко, склонив голову. У него был мягкий, приятный голос. Черис это не обмануло. Она встречала сервиторов, у которых было больше личностных черт — впрочем, наверняка так и было задумано. — У нас имеется дополнительная информация, которую мы можем предоставить в ваше распоряжение. Думаю, вас заинтересует анализ исходящего трафика Крепости за два дня до прекращения связи с гекзархатом. Он подтверждает, что календарную гниль тщательно спланировали.

— Спасибо, я хотела бы это увидеть, — сказала

Черис.

Неревор снова вклинилась в разговор.

— На котором из мотов вы разместите свой штаб? — спросила она с огнем во взгляде.

Черис сперва рассчитывала подняться на борт «Искреннего приветствия», поскольку командер Пайзан был старше, но передумала. Она хотела наблюдать за Неревор, пусть это и шло наперекор традициям. Кроме того, она знала, что вопрос с подвохом.

— Хорошая идея, — сказал Джедао, когда она собралась заговорить, — но лучше следите за лицом. Вас по-прежнему слишком легко прочитать.

— Моим штабным кораблем будет «Неписаный закон», — сказала Черис. Любопытно: у Пайзана была причина оскорбиться, но тень хитрой улыбки на губах подсказывала, что он понимает подоплеку ее решения и не собирается возражать. Не давая Неревор снова заговорить, Черис прибавила, не отрывая взгляда от ее лица: — Мы будем использовать нулевую эмблему.

Улыбка коммандера на миг сделалась кривой от омерзения.

— Я так и знал, — сказал Джедао.

Нулевая эмблема. Безликое черное знамя. Его

использовали только генералы в опале. Даже новоиспеченным генералам разрешалось использовать базовую эмблему мечи-перо, пока им не выпадал шанс изменить ее сообразно своим достижениям.

По крайней мере, это поубавило пыл Неревор. Другим сомнительным преимуществом нулевой эмблемы было то, что еретики не смогут сразу узнать, кто к ним приближается, когда увидят ее.

— Команда Шуос и я поднимемся на борт «Неписаного закона» через два часа, — сказала Черис. — Сделайте необходимые приготовления.

— Сэр.

Несколько секунд спустя все лица мигнули и исчезли. У Черис подогнулись колени.

— Рано отдыхать, — сказал Джедао без тени юмора. — Полагаю, вы наблюдали за их реакцией. Хочу услышать вашу оценку.

К счастью, малые дисплеи были четко обозначены. Обычно она хорошо помнила имена, но от стресса все они вылетели из головы.

— Номер девять, похоже, настроена благожелательно, но она младший офицер, — сказала Черис.

— Коммандер Кел Ирио. Привыкайте запоми-

нать имена, а не цифры.

— Я знаю, — упрямо сказала Черис. — Просто позвольте мне собраться с мыслями. Я беспокоюсь о Номере четыре. То есть о Видона Диайе. Она не сводила с меня глаз, пока говорила коммандер Неревор. У коммандера Кел Агата совершенно непроницаемое лицо, это плохо. За командерами боксмотов я в какой-то момент перестала наблюдать. Однако самой большой проблемой будет коммандер Неревор.

— Это моя вина, — сказал Джедао, к ее удивлению. — Я испортил ваш язык тела — поэтому, помимо проблемы с временным рангом, формационный инстинкт мешает ей признать вас за Кел.

— Я об этом даже не подумала, — проговорила Черис. Наверное, сам Джедао при жизни с таким не сталкивался, ведь формационный инстинкт изобрели через несколько десятилетий после его казни.

— С моими якорями такое случалось. Вы не упомянули Шуоса, капитана.

Она прикусила губу и попыталась вспомнить, о ком речь.

— Я про него забыла — так не должно быть.

— Ну, он профессионально обучен растворяться

на заднем плане.

— Он же был прямо передо мной.

— А еще у него имелось преимущество в виде возможности сосредоточиться на одном человеке, а не двадцати с чем-то там.

— Двадцати четырех.

— Спасибо за уточнение.

— Я должна была заметить в нем что-то особенное? — спросила Черис. Она запустила запись и просмотрела в ускоренном режиме, но ничего не увидела.

— Ничего полезного. Он что-то скрывает, но это по долгу службы. И всё же, как говорится, за Шуосом глаз да глаз.

Другая половина этой поговорки гласила, что у Шуоса неизменно больше глаз, но Черис не стала об этом напоминать.

— Полковник Рагат выглядел любезным и скучающим, — сказала Черис, — но в этом нет ничего удивительного. Он ведь пока не знает, получится ли у нас доставить пехоту в Крепость. До той поры ему можно и вздремнуть.

— Совершенно верно. И я не думаю, что вам нужно беспокоиться о коммандерах боксмотов. Не поймите меня неправильно. Транспортировка — важное дело, но коммандеры боксмотов хотят

от вас только разумных графиков. Мы об этом позаботимся. В любом случае выбор «Неписаного закона» в качестве флагмана — правильный шаг. Пусть Неревор и рвется в бой, сперва она захочет испытать вас на прочность. Мне не терпится увидеть, что произойдет, когда вы обе окажетесь за офицерским столом.

А вот на Черис эта идея произвела отталкивающее впечатление.

Джедао заметил:

— Другая половина генеральского статуса, Черис, — политика. Печально, но факт. Так или иначе, давайте заглянем в файлы, присланные капитаном Шуос Ко, пока у нас есть минутка.

— Мне не нравится подоплека, — сказала Черис после того, как они ознакомились с результатами анализа. — Он тоже думает, что это заговор. Каким образом заговор в узловой крепости мог развиваться беспрепятственно?

Она не хотела говорить вслух то, о чем он тоже должен был подумать: заговор в Крепости Рассыпанных Игл подразумевал заговор во всем гекзархате, ведь микрокосм отражал макрокосм.

— Мне бы хотелось получить известие от Рахал, — сказал Джедао, — но если они до сих пор ничего не прислали нам, то и не пришлют.

Шуос Ко даже приложил к файлам ответы фракции Рахал на запросы, которые послал сам. Фаворитом Черис, если можно было так выразиться, был следующий ответ: «Это внутреннее дело Рахал. Дальнейшие запросы повлекут за собой встречное расследование».

— Что может быть настолько важным, чтобы вот так утаивать от нас информацию? — спросила Черис.

— В обычной ситуации я бы сказал, что для волков характерно сбиваться в стаю, — проговорил Джедао, — но похоже, Командование Кел тоже в этом участвует. Я начинаю задаваться вопросом, не замыслили ли гекзархи чего дурного.

В любом случае Черис отправила фракции Рахал запрос — они ведь ожидали, что она попытается. Не повезло.

— Вы должны встретиться с капитаном Ко, — сказал Джедао. — Он ждет, чтобы познакомиться, и лучше сделать это до того, как за вами начнет наблюдать Неревор.

— Вы распланировали каждую минуту моего времени?

— Позовите сервиторов, — сказал он, — пусть займутся вашими вещами.

Она не могла с этим спорить. Сервиторы при-

были в течение двух минут: три змееформы и более выносливая жукоформа. Она попросила их передать привет сервиторам роты Цапли и сообщила координаты. К ее удивлению, жукоформа закончила фразу с озорным писком: она уже всё знала. В прошлом Черис уже догадывалась, что сервиторы гораздо чаще обсуждали людей, чем те могли бы предположить, но из соображений безопасности она никогда не пыталась выяснить детали. Жукоформа опустилась на пол и отправилась за ее вещмешком, словно ничего особенного не произошло. Черис сообщила сервиторам, куда доставить мешок — может, лучше бы она несла его сама? — и поблагодарила их за заботу. Жаль, что не удалось как следует пообщаться; она не сомневалась, что сервиторы Нирай еще сильней увлечены математикой, по сравнению с сервиторами Кел. Они вчетвером признательно загудели, а потом двинулись прочь.

Пришло уведомление: команда Шуосов готова к перелету. Исследовательский отдел направил Черис к перевалочному пункту № 16, месту встречи. Черис изучила карту, хотя знала, что, если заблудится, дорогу покажет сервитор. Ее аугмент странным образом молчал.

— Можно отправляться прямо сейчас, — ска-

зала она.

Дорога к перевалочному пункту выглядела именно такой, какой Черис ожидала увидеть станцию Нирай: прямые и извилистые коридоры переплетались, словно кроны деревьев в лесу. По крайней мере, карта была понятная, и путь им указывали парящие серебристые огни. В бледном свете проступали эмблемы Кел и Нирай — пепельный ястреб и пустомот, отображенные в серебре и золоте на стенных панелях через одну.

Перевалочный пункт № 16 оказался просторным. Шуосы уже ждали ее, отчетливо выделяясь на общем фоне в своих красно-золотых мундирах. Черис стало интересно, как Джедао выглядел в таких цветах. Капитана Ко она узнала в основном по бороде, а остальные аналитики были ей незнакомы.

— Генерал, — сказал Ко с прежней учтивостью. — Могу я представить свою команду?

Он указал на каждого по очереди: старший аналитик Шуос Велдиадар, женоформа[7] с мрачным лицом. Аналитик Шуос Тенг, чей лоб наморщился от беспокойства. Аналитик Шуос Мрай Дхун, большой, крепкий мужчина, который не выде-

[7] Примечания: 7

Имеется в виду женщина, которая ощущает и ведет себя как мужчина.

лялся бы среди пехотинцев Кел. Аналитик Шуос Лиис, которая окинула Черис внимательным взглядом, томно улыбаясь. У нее были пышные темные кудри, личико сердечком и красивый, но недобрый рот.

— Не переживайте, — циничным тоном сказал Джедао. — Вы прошли.

— Что прошла? — спросила она беззвучно.

— Потом скажу.

— С нетерпением жду возможности с вами поработать, — сказала Черис Шуосам, потому что это нужно было сказать.

— Мы знаем об обстоятельствах, при которых вам поручили командование, — сказал Ко. — Мы сделаем все возможное, чтобы предложить поддержку, необходимую для победного завершения осады.

— Видимо, это от души, — заметил Джедао.

— Вы что-нибудь знаете об испытаниях сигнификата? — спросила Черис.

— По отношению к Крепости? — уточнил Ко. — Я слышал о существовании такого документа, но существует много файлов, к которым имеют доступ только Командование Кел или старший персонал Крепости.

Черис ожидала, что Джедао раскритикует ее за

прямой вопрос. Но он хранил молчание.

Шуос Лиис многозначительно глядела на нее. Черис не была невосприимчива к поразительной красоте этой женщины, но она отчаянно хотела узнать, какое испытание прошла и что Джедао знал о Лиис.

— Как долго вы занимаете свою должность? — спросила Черис у Ко, чувствуя, что должна хотя бы завязать знакомство с ним.

— Восемь лет, генерал, — сказал он. — Не верьте драмам. Мы бóльшую часть времени портим зрение — читаем отчеты, таращимся на карты и часы. Я удивлен, что мы не превратились в грибы из-за недостатка света.

Интересное сравнение.

— Вы родились на планете?

— Да, — подтвердил он. — В основном жил на станциях после окончания Академии Шуос, но это не то же самое.

Черис понимала, что он имеет в виду. Город Пирующих Воронов был портом на небольшом полуострове. Во время первого курса в качестве кадета она иногда просыпалась, слыша шум реки или пение птиц.

— Генерал, — сказала Лиис. Выражение ее лица было почтительным, в отличие от голоса. —

Почему Жертвенный Лис, а не какое-то другое оружие?

— Я просмотрела его послужной список, — сказала Черис и отвернулась, не желая провоцировать дальнейшие вопросы.

— Всё еще проходной балл, — сказал Джедао.

Она начала жалеть, что они не могли в таких случаях переговариваться мысленно.

Раздался гулкий голос:

— Пепломот готов вас принять. Пожалуйста, выйдите через главную дверь и пройдите по коридору. Хоппер переправит вас на «Неписаный закон».

— Давно пора, — сказал Мрай Дхун.

— После вас, генерал, — сказал Ко, напомнив Черис, что она должна идти первой.

Тень двинулась впереди нее через дверь и по коридору. Она не спотыкалась на пути, но это требовало большой сосредоточенности. В конце коридора ждал хоппер. У него не было имени, только номер, но Черис всегда любила номера. В хоппере обычно помещался взвод в полном составе. К облегчению Черис, Шуосы уселись позади нее, поодаль.

Хоппер отчалил, и тихий шум его двигателей напоминал мелодию, в которой сплетались

скрежет колючей проволоки и перезвон колокольчиков.

Время для беззвучных разговоров.

— В чем дело с этой Шуос Лиис? — резко спросила Черис, надеясь, что шум не помешает Джедао разобрать ее слова.

— Ее внешность изменили хирургически.

— И всё? — Выходит, у Джедао есть какой-то пунктик по части телесных модификаций? У Кел такое встречалось нередко, но Шуос вроде бы куда либеральнее в подобных вопросах.

— Я неточно выразился. Ей хирургическим образом придали сходство с Шуос Хиаз, которая была гептархом на протяжении почти всей моей жизни.

— В этом и заключается испытание?

— Не для вас. Для меня. Если бы связь между нами оказалась слишком тесной, вы могли бы продемонстрировать определенную реакцию. Она такую реакцию не зафиксировала, и это в вашу пользу.

Он выражался ужасно расплывчато, но Черис начала понимать.

— Вы… что у вас было с гептархом?!

— Беззвучно, пожалуйста. — Его голос был холоден, как острие ножа. — Это напоминание, вот

и всё. Я Шуос, но в настоящее время — собственность Кел, потому что гептарх Хиаз передала меня Командованию Кел после Адского Веретена. Скажите, кто сейчас гекзарх Шуос?

— Шуос Микодез, — сказала Черис. Микодез был известен тем, что убил двух своих кадетов — видимо, от скуки.

— Не удивлен, что он по-прежнему у власти. Он весьма хорош в своем деле. Большинство Шуосов меня не выносят, но Микодез… не выносит по-настоящему. Стоит мне хоть раз оступиться — если у него получится убедить Командование Кел передать меня обратно Шуосам, — Микодез устроит так, что меня убьют. Это напоминание о том, что мне следует быть паинькой.

Остаток короткого путешествия он молчал.

Коммандер Кел Неревор встретила их лично, когда они покидали хоппер. Она была при полном параде, выглядела блистательно, и в ее улыбке ощущалось что-то хищное.

— Генерал, — сказала она почти мурлычущим голосом. — Капитан Шуос. — Обращаться к офицеру, опуская его личное имя, было в некотором роде оскорблением, но спокойное выражение лица капитана Ко не изменилось.

Нулевое знамя красовалось у всех на виду. Че-

рис ощутила спазм отвращения. Она напомнила себе, что сама его выбрала и что ее истинный статус — или статус Джедао, если на то пошло, — не так уж далек от опалы.

— Велите кому-нибудь показать Шуосам их каюты, — сказала Черис.

Сервиторы уже ждали возможности эскортировать Шуосов. На «Неписаном законе», похоже, преобладали дельтаформы с многочисленными клювами-захватами. Шуосы отдали честь и удалились.

— А вы? — спросила коммандер Неревор.

— Я хочу увидеть командный центр мота, — сказала Черис. Точнее, она хотела увидеть, как Неревор там всё подготовила. — Потом я тоже отправлюсь в свою каюту. Показывайте дорогу, коммандер.

— Разумеется, — сказала Неревор.

В ярко освещенном командном центре композиты-марионетки на всех постах вели кипучую деятельность: Вооружение, Связь, Сканеры, Инженерия, Навигация и Доктрина. Нет, она ошиблась. Офицером Доктрины была женщина — капитан-магистрат, откомандированная из фракции Рахал, с эмблемой в виде волчьей головы под знаком отличия.

— Видимо, новенькая, — сказал Джедао. — Я уделил особое внимание офицерам Доктрины на пепломотах, но ее не узнаю.

Плохие новости, потому что Черис ее тоже не узнала и понадеялась, что это просто подводит память. С другой стороны, неудивительно, что Рахал послали кого-то следить за ними. Велика вероятность, что офицера Доктрины на пепломоте коммандера Пайзана тоже заменили.

— Капитан, — сказала Черис, — могу ли я узнать ваше имя?

Рахал встала и отдала честь. Бледная и худая, словно тростинка — и соломинку не переломит, подумала Черис, — но зато с сильным голосом.

— Капитан-магистрат Рахал Гара, сэр.

Черис кивнула Неревор. Коммандер не была частью композита, ее досье указывало, что она предпочитает работать отдельно. Поскольку они всё равно не могли полагаться на то, что композиты будут функционировать в еретическом календаре, это не обязательно означало что-то плохое.

Черис сказала:

— Пусть Навигация проложит наиболее прямой курс к Крепости Рассыпанных Игл… — Она дала параметры, которые позволили бы менее

мощным мотам не отставать. — Звездообразная формация. Это позволит нам добраться до пораженной зоны за 21,3 дня, а там придется переключиться на инвариантные двигатели.

— Слушаюсь, — решительно сказала Неревор. Марионетка Навигация с длинными синими волосами, заплетенными в тугие косы, взялась за дело.

— Это всё, что я хотела увидеть, — сказала Черис. — Присоединюсь к вам за офицерским столом через 3,2 часа.

— Конечно.

Черис отклонила предложение Неревор сопроводить ее в каюту. Вместо этого она последовала за трио сервиторов-птицеформ, которые вели ее по очереди и насвистывали веселые мелодии. Черис скучала по сервиторам с «Горящего листа», но, возможно, с этими ей удастся по-дружески поболтать хоть пару раз.

Ее каюта потрясала размерами и роскошью обстановки. Она могла бы устроить тут вечеринку, если бы захотела. Но времени таращиться на мебель не было. Она пристегнула себя к койке, готовясь к включению мот-двигателя.

— Буду рада приступить к работе, — сказала Черис.

— Все так говорят, — ответил Джедао. — А потом приходит время убивать.

— Лучше действовать, чем бездействовать. Мы ведь должны разобраться с осадой.

— С этим я не стану спорить.

Через две десятидневные недели они подойдут к Крепости. Черис приказала себе сохранять спокойствие. За это время многое может случиться, и, когда начнется стрельба, она наверняка будет так занята, что начнет тосковать по скучным временам. Она зажмурилась и подумала о желтых немигающих глазах — о том, что́ они могли бы увидеть в межзвездном пространстве.

Глава восьмая

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Нормальный

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Курицы, день Петуха. С чего вдруг сразу и курица, и петух? Без понятия. Спрошу во время следующего голосования.

В настоящее время, Цзай, вам стоит пересмотреть свою аскетическую диету. Эта до безобразия отличная кондитерская придумала совершенно новое слоеное тесто с чередующейся начинкой из мармелада и лимонного заварного крема, и я содрогаюсь, думая, сколько теперь стоит начинка, учитывая, сколько они берут за выпечку. Я усердно слежу за тем, чтобы позволять себе не больше одной штучки в день.

Вы хотели моего мнения по отчетам

Сканирования, так что вот оно. Сканеры дальнего действия подтверждают, что к нам приближается рой Кел. Во главе один или два пепломота, которые невозможно скрыть полностью, и не обращайте внимания на двусмысленные формулировки в отчете – держу пари, что пепломотов именно два. Полагаю, там дюжина знамемотов и, может быть, разнообразный транспорт, но они выбрали такую формацию, которая путает сканеры, и мы не сможем сосчитать моты в точности, пока они не приблизятся.

Меня больше интересует, кого назначили генералом. К счастью, мы имеем дело с Кел, поэтому большинство вариантов в нашу пользу. Я заметила, что вы теряли терпение во время давних утомительных дебатов, и никто не обвинил бы вас – Стоган не заткнется, пока есть возможность бубнить про свое драгоценное мнение, – так что предоставлю краткое изложение возможных вариантов. Самый опасный боевой генерал, могущий принять в этом участие – Кел Черкад на службе у фракции Андан. Мне никогда

не нравилась ее эмблема – клянусь, этот странный спиральный узор провоцирует мигрень, – но нельзя отрицать ее эффективность. Следующий вариант из худших – генерал-лейтенант Кел Дариcту, который еще достаточно молод, чтобы быть незашоренным в оценке политической ситуации. Однако, основываясь на последних отчетах перед отключением связи, я считаю, что Командование Кел вряд ли вытащит его с границы Ивенуа. Нам просто повезло, что самая страшная из всех генералов, Кел Инессер, находится на противоположном краю гекзархата.

Я прикрепила файл с подробными описаниями всех вариантов, но это просто чтобы убить время, пока мы не увидим, какое знамя транслирует Кел, и не узнаем, с кем имеем дело. Есть ничтожная вероятность, что они скомбинируют своего генерала с кем-то из высших офицеров Шуос, но я не могу себе представить, чтобы Кел прибегли к таким отчаянным мерам.

Теперь прошу прощения, мне надо поговорить с некоторыми людьми, от-

ветственными за поддержание новой экзотики. Они проявили халатность в предоставлении производственных отчетов, и я нахожу такое неприемлемым. Вы знаете, как меня найти, если будут какие-то новости.

Ваша в календарной ереси,
Вх.

Две десятидневные недели прошли быстрее, чем рассчитывала Черис. Ее первое появление за офицерским столом обернулось неловкостью. Люди стремились говорить с ее тенью, не глядя на лицо. Кел Неревор так не поступала, но взамен сыпала радостными замечаниями, которые обыгрывали тот факт, что коммандер обладает опытом, коего нет у самой Черис.

Черис думала, что вновь обрела способность умело орудовать палочками для еды, но от нервозности уронила их на пол. Дельтаформа принесла ей новые, и она поблагодарила сервитора, радуясь, что голос не дрогнул. Дельтаформа что-то прочирикала и качнулась в воздухе, прежде чем вернуться к своим обязанностям.

— Я заметила вашу привязанность к сервиторам, генерал, — заметила Неревор ближе к концу

трапезы.

Черис тщательно обдумала ответ.

— Предпочитаю думать о них как о союзниках, — сказала она. Ей не удалось как следует поговорить с сервиторами «Неписаного закона», большей частью потому, что генеральский чин предполагал куда больше канцелярской работы, чем она думала.

— Союзники лишними не бывают, — согласилась Неревор, но явно сочла Черис эксцентричной.

После этого она просмотрела имеющуюся информацию о Крепости Рассыпанных Игл, выделив шесть округов и соответствующие им фракции. Андан, Шуос и Рахал были представлены округами Барабанщиков, Стрекозы и Анемона; Видона, Кел и Нирай — округами Ленты, Сияния и Зонта. Ей по-прежнему не нравился тот факт, что все коммуникационные посты между округами были заняты еретиками одновременно. Затем она попыталась хоть ненадолго отвлечься от канцелярской работы.

— Вам нужен перерыв, — сказал Джедао, когда она разбирала особо бестолковый отчет о готовности медотсека. — Разве у вас нет какого-нибудь занятия для отдыха?

— Мне надо…

— Поверьте, у вас еще будет предостаточно возможностей заработаться до смерти. Повеселитесь, пока можно.

Черис сомневалась, но всё-таки пригласила сервиторов посмотреть с нею драму. Пришли дельтаформа и мотформа, и они обменялись дружелюбными приветствиями, пока начиналась драма. Мотформа загоралась взволнованными золотыми, пурпурными и оранжевыми оттенками всякий раз, когда помощник героини — предположительно Нирай — писал так называемые уравнения.

В свою очередь, Черис выспрашивала у дельтаформы ее мнение относительно Кел на пепломоте, в особенности коммандера Неревор. Может, было коварством добывать разведданные у сервитора — в особенности с учетом того, что большинство людей не обращали на них внимания, даже когда они маячили прямо перед носом, — но ей требовалась вся возможная помощь. Будучи капитаном, она могла общаться с лейтенантами и другими капитанами пехоты, чтобы узнавать сплетни. Здесь из-за большой разницы в ранге, не говоря уже о Джедао, было невозможно заводить знакомства тем же обра-

зом.

В любом случае, между саркастичными замечаниями относительно предпочтений героини в выборе механических инструментов (у многих сервиторов на эту тему имелось сложившееся мнение), дельтаформа рассказала Черис, что члены экипажа любят коммандера Неревор за яркий стиль и тот факт, что она не скупится на похвалу, когда подчиненные делают что-то хорошо, даже если они при этом оказываются умнее ее. Она любит соперничество, но поступает справедливо. Если на то пошло, у сервиторов не было к ней претензий, и дельтаформа философски заметила, что лучших манер от Кел ждать и не следует. Черис криво улыбнулась.

Джедао, похоже, вообще не обращал внимания на их беседу.

— Я понятия не имел, что вы предпочитаете развлекаться, смотря романтические комедии, — насмешливо сказал он во время одной из пауз. — А тут еще и романтическая комедия с инженером-бунтарем.

— О, они еще и сражаются друг с другом на дуэлях, — сказала Черис. — В каждой серии героиня делает новый календарный меч из скрепок и металлической рулетки. — Дуэли и были глав-

ной причиной, по которой ей нравился этот сериал. — Дуэли нелепые, но отдельные атаки и впрямь забавные. Вроде той, что была только что — с лошадьми, скачущими галопом.

Дельтаформа заявила, что, если бы кто-то призвал лошадей и направил против нее, она бы сразу сдалась.

— Учитывая разницу в весе, это было бы благоразумно, — сказала Черис. — Джедао, а вы разве не были дуэлянтом? Если вам это так ненавистно, мы можем посмотреть что-нибудь другое.

Немертвый генерал рассмеялся.

— А я-то думал, что ваш вкус в драмах получше, чем у моей матери.

Ее смутила мысль о том, что у Джедао была мать. Она ничего не знала о его семье.

— Мне сказали, кто-то убил ее, пока меня допрашивали, — проговорил он, словно отчитываясь, сколько огурцов батальон съел за месяц. — Мой отец к тому моменту был уже мертв. Мы изначально не были близки. Мой брат… — Внезапно его бесчувственный голос сорвался. — Мой брат застрелил свою сожительницу и трех их дочерей, пока они спали, ровно через год после Адского Веретена, а потом застрелился сам. А моя сестра исчезла. Наверное, сбежала из гептархата. Она

всегда была практичной.

— Мне жаль, — сказала Черис, не зная, что еще можно сказать. Сервиторы вопросительно мигнули, потом притихли. Они продолжили смотреть драму в молчании.

Ближе к концу серии Джедао сказал:

— С Неревор всё идет неплохо. Она ждет, что у вас сдадут нервы, но этого пока не случилось.

— Джедао, — сказала Черис, — за мной по пятам следует угроза куда серьезнее. Я переживаю из-за коммандера, но, по большому счету, мое положение и так хуже некуда.

— Хорошо.

— В смысле?

— Станьте более напористой. Вы склонны подчиняться Неревор. Проблема с властью такова: если обращаться с ней небрежно, кто-то обязательно ее отнимет. Надо вести себя как генерал, иначе люди не будут уважать вас должным образом.

Черис нахмурилась, но он был прав. Не в силах усидеть на месте, она начала делать упражнения. Ей по-прежнему приходилось справляться с внедренными в мышечную память движениями чужака. Чем больше она думала о том, как их компенсировать, тем чаще спотыкалась на

пустом месте.

На четвертый день за офицерским столом, когда все допивали угощение дня — пунш с корицей и имбирем, в котором плавали кедровые орешки, — Кел Неревор наклонилась к ней и сказала:

— Я не видела вас в тренировочном бою ни разу с самого прибытия, генерал.

Неревор выбрала четвертый день — четверка как символ смерти, удачно-неудачное число, которое любили ястребы-самоубийцы — для этого разговорного гамбита.

— Вы не окажете любезность сразиться со мной? — продолжила коммандер. — Мои офицеры гадают по поводу того, какой стиль вы используете.

Отказать было бы ужасным нарушением протокола — впрочем, Неревор со своей просьбой тоже обошлась с протоколом не лучшим образом.

— Я окажу вам услугу, — сказала Черис, поскольку ей нравились дуэли, — хотя не сомневаюсь, что вам доводилось сражаться с более умелыми соперниками.

Увы, но такова была истина, даже без учета текущих сложностей с нежеланием тела Черис подчиняться ей. Служители сообщили, что Неревор как дуэлянтка пользуется немалым успехом

и что стиль ее боя вычурный и агрессивный. Черис вспомнила, что сказал Джедао про власть, и прибавила:

— Через час.

Люди переговаривались и задумчиво разглядывали ее. Неуклюжесть временного генерала не прошла незамеченной. Неуклюжие Кел были редкостью.

— Это будет интересно, — сказал Джедао, когда она вернулась в свою каюту. Она так и не привыкла к тому, насколько та просторная. Черис могла не смотреть на генеральские крылья на своем мундире постоянно, а вот от комнаты скрыться было некуда. — Я надеялся, что ваша координация восстановится быстрее.

— Другие ваши якоря в этом смысле оказались успешнее?

— Да, но только не подумайте, что это как-то вас принижает. У меня есть идея, но она никак вам не поможет — если я прав, вы всё поймете сами.

— Терпеть не могу, когда вы такой загадочный.

— Я бы на вашем месте размялся…

Черис так и поступила. За двенадцать минут до назначенного времени она взялась за свой календарный меч.

Когда Черис достигла дуэльного зала, Неревор

уже была там. У календарного меча Неревор была рукоять из полированной бронзы с замысловатыми зелеными завитушками — впрочем, коммандер пепломота имеет право на излишества. Присутствовало немало офицеров Неревор, включая капитан-магистрата Рахал Гару. Большинство Кел выглядели сосредоточенными. Шуос Лиис заняла место почти в первом ряду и улыбалась без утайки. Черис избегала смотреть на нее.

— Вы очень пунктуальны, сэр, — сказала Неревор. Такое замечание было дерзостью с ее стороны, но она говорила с неподдельным удовольствием.

Черис изогнула бровь. Она не могла не оценить прямоту своей соперницы.

— Полагаю, пять раундов будет нормально, коммандер?

— Разумеется, сэр.

Четверо сервиторов отметили углы дуэльного прямоугольника — это были птице-, а не дельтаформы. Черис слегка поклонилась каждому, заняв свое место напротив Неревор. Неревор вскинула бровь, но никак это не прокомментировала. Пусть сервиторы и не разглашали своих имен людям, но служба есть служба.

Пошел обратный отсчет, а потом — нормальный, и Неревор, приняв стойку, активировала календарный меч. Он был слепящего желто-белого цвета. Как же плохо, что они не могут быть союзниками. В других обстоятельствах Черис бы с удовольствием служила под начальством человека, который с таким явным энтузиазмом следовал делу Кел.

Меч Черис был сине-красным. Инструкторы в Академии заверяли кадетов, что цвета не имеют никакого значения, но те всё равно любили разглагольствовать на эту тему.

— На счет четыре, — сказала Неревор.

Сервиторы с безупречной синхронностью щелкнули четыре раза.

Неревор была проворной. Клинок в ее руке взмыл и размашисто полоснул Черис по груди, пока она еще пыталась понять, что происходит с ее собственными ногами. Клинок не был в смертельном режиме, так что от «раны» она испытала лишь мимолетное жжение.

По крайней мере, Неревор не унизила Черис комментариями, хотя уголки ее рта разочарованно опустились. Во втором раунде она проявляла излишнюю осторожность. Черис подозревала, что коммандер пытается сделать победу более

захватывающей. Хотя Черис понимала, что не следует замедляться и обдумывать ответные удары, она делала именно это. Ее парирования были слабыми и неуверенными, и Неревор, которой надоело тянуть, проткнула ее насквозь.

«Ну, это быстро закончится», — подумала Черис. Ей претило так плохо выступать, пускай Неревор и была во всех смыслах лучше. С другой стороны, это не самая серьезная из ее проблем, так что нет смысла раздражаться. В некотором роде было облегчением знать, что ее так основательно превзошли.

Занимая позицию в начале третьего раунда, Черис улыбнулась Неревор, ощущая подлинное спокойствие. Глаза коммандера превратились в щелочки, и между бровями пролегла глубокая морщина.

Неревор снова кинулась на нее. Черис перестала обдумывать движения, парирования и шаги, а покорилась инстинктам. Вот оно, это странное чувство утраты равновесия, но Черис всё равно продолжила двигаться, попросту осознавая, что ей нельзя оставаться на месте. Неревор хотела яркой демонстрации дуэльного мастерства, однако Черис не собиралась оказывать ей такую услугу. Она аккуратно развернулась, скользнула

под блок Неревор и вонзила меч ей меж ребер под выверенным углом.

— Полагаю, этот раунд за генералом, — прохрипела Неревор. — В самом деле, сэр, зачем нужно было изображать такую некомпетентность?

Черис моргнула, пытаясь соединить произошедшее со словами Неревор. Она не могла заявить, будто притворялась — это было бы оскорбительно, — но будет не лучше, если объяснить, как она поддалась опыту мертвеца.

— Сражайтесь усерднее, — проговорила она взамен.

— Несомненно, — с улыбкой ответила Неревор.

Черис выиграла последние два раунда быстрее, чем хотела. Похоже, Джедао предпочитал действовать безжалостно и решительно. Она, к несчастью, была в курсе его дуэльной статистики. Он проиграл лишь однажды, какому-то Кел.

Неревор отсалютовала ей без тени иронии.

— Я запомню, что вас не стоит недооценивать, — сказала она. — Это был весьма полезный опыт.

— Для меня было честью сразиться с вами, — сказала Черис, не погрешив против истины.

Люди пялились на ее тень нечитаемыми взглядами, но с этим ничего не поделаешь. Лиис

выглядела неприятно довольной.

Неревор кивнула и ушла с веселым видом.

— В этом всё дело, — сказал Джедао в тот самый миг, когда они вернулись в ее каюту. — Вы продолжали думать о том, что делаете. Рассчитывать. Тело не связано с мыслью. Оно связано с рефлексами. Особенно в бою. Вы бы раньше всё поняли, если бы кто-то кинулся на вас с настоящим оружием, но я же не мог посоветовать коммандеру перевести меч в смертельный режим в дружеской дуэли.

— Могли бы меня предупредить, — упрекнула Черис, рассматривая свои руки, повернув их ладонями вниз. Это были знакомые с давних пор руки, но ей все время казалось, что они должны быть больше и длиннее. На миг она поверила, что если снимет перчатки, то увидит совершенно чужие кисти. — Это пройдет после того, как я перестану быть вашим якорем?

— У меня нет таких сведений. — Помедлив, Джедао прибавил: — Вы не в настроении.

— Да неужели?

— Я серьезно — что вас беспокоит?

— Это не был честный бой.

Краткое молчание Джедао оказалось необычайно красноречивым.

— Смысл войны в том, чтобы подтасовать карты, накачать противника наркотиками и пригрозить, что, если он не сдастся, всей его родне прострелят колени, — сказал он. — Кроме того, вы не использовали никакие ресурсы, о которых Неревор не знала бы заранее. Она знала, что я прикреплен к вам. Если она не смогла сделать из этого выводы, вы не виноваты.

— Хороший способ спасать жизни, — ледяным голосом произнесла Черис.

Теперь они уже не обсуждали дуэль.

— Чем быстрее это закончится, тем меньше людей умрет, — сказал Джедао. — Я понимаю, что задеваю ваши нежные чувства истинной Кел, но, пожалуйста, примите мой совет. Преимуществами тоже лучше не разбрасываться, иначе кто-то использует их против вас.

— Я это запомню, — напряженно ответила Черис.

Джедао вздохнул, но предпочел не настаивать.

На девятнадцатый день Черис изучала «Установочные инструкции при первом заякорении», надеясь на подсказки о том, как обращаться с Джедао, когда раздался мелодичный звон.

— Коммандер Неревор просит вашего присутствия, — сообщил голос Связи. — Сканирование

указывает на возможный контакт с охранным роем.

— Я уже в пути, — сказала Черис.

— Мы попытаемся выудить у врага кое-какие сведения, — сказал Джедао. — Вам придется убедить коммандеров роя согласиться на это. Приготовьтесь.

Пепломот ненадолго перестроился так, чтобы она смогла побыстрее добраться до командного центра, хотя экономия времени составляла считаные секунды. Черис вошла и огляделась. Неревор беспокойно расхаживала туда-сюда.

— Генерал, — сказала Неревор, приветствуя Черис быстрым салютом. — Мне это не нравится. С формационными эффектами происходит что-то странное — вероятно, дело в испорченном календаре, — и, судя по всему, мы видим полный оборонный рой, который движется на перехват.

— Позвольте мне взглянуть на формационные данные, — сказала Черис. Сканирование переслала информацию на ее терминал. Она просмотрела коэффициенты распада, а затем провела некоторые предварительные расчеты и нахмурилась. — Доктрина, что у вас по календарной гнили?

— Резюме или уравнения, сэр? — спросила

Рахал Гара.

— Уравнения, — сказала Черис, а потом продолжила беззвучно: — Джедао, вы должны рассказать, в чем заключается план, иначе мы прямо сейчас вступим в бой.

— Мы не сможем их чем-то удивить, — сказал немертвый генерал, — но можем сбить с толку. Послушайте, у них ведь должен быть какой-то план, помимо того, чтобы сидеть в осаде, сколько там, тридцать лет? Им припасов на столько не хватит. Они ждут подкрепления, которое сделает ересь жизнеспособной. Может, это заговор, но — что бы там ни подозревал капитан Ко — я не думаю, что гекзархат настолько слаб. Значит, этой ситуацией управляют извне. Если притворимся их союзниками, трюк может сойти нам с рук.

Черис уже собралась сказать: «Но ведь это государственная измена», а потом сообразила кое-что еще.

— Мы не можем изобразить чужой рой! Они знают, как выглядят моты Кел. И мы понятия не имеем, кого они ждут.

— Верно, однако мы можем быть кое-чем лишь самую малость похуже: внутренними союзниками-оппортунистами. Просто будьте готовы быть твердой со своими офицерами.

— Вот оно, — сказала Сканирование. — Видите этот странный формант в показателях, сэр? Это должен быть эффект гнили, и я убеждена, что он не дает мне как следует взглянуть на главный боемот.

Черис оторвала взгляд от лихорадочной путаницы уравнений и чисел на достаточно долгое время, чтобы спросить:

— Они транслируют какое-нибудь знамя?

— С этим не повезло, — сказала Неревор. — Должны ли мы передать свое?

У нее были причины с энтузиазмом отнестись даже к нулевому знамени: как только обмен знаменами состоялся, можно должным образом вступать в сражение.

— Пока нет, — сказал Джедао. — Они знают, что мы здесь, но знамя — это дополнительная информация. Выдадим ее, когда это сможет повлечь за собой ответ, содержащий необходимые подсказки, а они для такого слишком далеко. Сейчас самое время объяснить Неревор, что мы попробуем прибегнуть к уловке.

— Коммандер, — сказала Черис, — когда они окажутся достаточно близко для сканирования, которое даст нам более подробную информацию, попытаемся хитростью выманить кое-какие

сведения. Связь: предупредите командиров роя о том же.

— Это так похоже на Шуос, — заметила Неревор. — Но приказ есть приказ, сэр.

— Я всё слышал, — с легким раздражением сказал Джедао.

Сканирование и Доктрина посоветовались друг с другом и пришли к общему выводу, что охранный рой находится в 1,7 дня пути от эффективного диапазона щитов Крепости.

— Рой здесь не для защиты, — сказала Неревор. — Они выслеживали нас.

— Вы их уже приветствовали? — резко спросила Черис.

— Мы ждали ваших инструкций.

— Хорошо.

— Ненавижу ловушки, — продолжила Неревор, — но почему так близко к самой Крепости?

— Нам нужно подобраться еще ближе, — сказала Черис. — Взгляните… — Она отобразила на карте календарные градиенты. — Фрактальные границы в беспорядке, но мы не можем определить их более четко без активного зондирования, которое займет слишком много времени. — Она указала на ключевые уравнения. — Вот здесь, здесь и здесь. Если извлечь корни и произвести

итерацию… — Она продемонстрировала свои слова. Карта соответствующим образом обновилась.

— Я предполагаю, что они надеются встретить нас в этой желтой зоне, — сказал Джедао. — Они что-то запланировали для фазового перехода.

Черис согласилась и пересказала его оценку.

— Я не знала, что вас обучали Нирай, сэр, — проговорила Неревор, устремив на Черис внимательный взгляд.

— Математика была моей специальностью в Академии Кел, — спокойно ответила Черис. Она знала, что это всплывет.

— Прямиком в ловушку? — спросила Неревор. — Или выманим их сюда?

— Нам нужна информация, — сказал Джедао. — Нам больше нужно принять удар, чем им — его совершить.

Черис не понравилась эта идея, но она никак не могла оспорить тот факт, что им надлежало взломать Крепость — а для этого сперва надо было разобраться со сторожевым роем.

— В обычной ситуации я бы провел ответную разведку, — прибавил Джедао. — Но мы пойдем вперед всем роем. Я видел сетевые данные о том, как быстро вы проверили календарные эффекты против Угрей на Драге. Вы сможете застать их

врасплох.

— Сэр? — спросила Неревор, которой со стороны казалось, будто Черис сделалась невнимательной.

— Я консультировалась с генералом Джедао, — сказала Черис, поскольку это всё равно невозможно было держать в секрете. — Мы идем вперед полным роем, чтобы увидеть, как они отреагируют.

Неревор явно сделалось не по себе от такого решения.

— Какая формация? — только и спросила она.

Черис изобразила схему.

— Вот эта.

Рахал Гара перепроверила формацию, поскольку та не принадлежала к Первичному Лексикону.

— Сэр, — сказала она, — присутствуют уязвимости в трех стержневых точках. Я полагаю, вы на это пошли ради быстроты модулирования.

— Да, — сказала Черис, довольная тем, что Гара всё поняла. Неревор она сказала: — Приступайте.

Неревор подтвердила приказ. Черис надеялась что-то почувствовать, когда начался обмен сообщениями, но внутри нее царил мертвый штиль.

— Подготовьте послание, — сказал Джедао. —

Только текст, никакого аудио- или видео, ничего. Пока что не передавайте его Связи. Я нахожу, что Кел лучше всего реагируют — простите, Черис, — если просто лишить их права выбора. Было бы лучше, сумей я записать его сам, но что уж теперь говорить.

— Я слушаю, — сказала Черис.

— Это Гарах Джедао Шкан…

Она ни разу не задумывалась, какое имя он носил до того, как стал одним из Шуос.

— …И у меня есть счеты с гекзархатом. Вам понадобятся союзники, чтобы продержаться до прибытия подмоги, потому что я знаю, как обойти щиты. Отзовите сторожевой рой, чтобы мы смогли поговорить, или я поделюсь с кем-нибудь этим секретом.

Черис напечатала сообщение и прищурила глаза.

— Не верю, что они на это клюнут.

— Самое прелестное в послании то, что я не блефую.

Черис обомлела.

— Вы серьезно?

— Если верить людям, даже Шуос время от времени говорят правду.

Неревор разговаривала с кем-то из компози-

тов. Черис поглядела на нее, а потом спросила Джедао:

— Что вы думаете о ее стиле командования?

Люди в основном игнорировали ее.

— Очень практичный, — сказал Джедао. — Я понимаю, почему она вам нравится. Она воинственная, но участливая. Я также подозреваю, что она непредсказуема, так что используйте ее соответствующим образом.

Интересно — он не сказал, что сам ценит ее высоко.

— Вы постоянно анализируете людей, верно?

— Есть привычки и похуже.

— Они увеличили скорость и направляются к нам, сэр, — доложила Сканирование. — К зоне фазового перехода.

— Мы встретим их там, — сказала Черис.

Они не могли просканировать Крепость напрямую из-за щитов, хотя ее календарное влияние на окружающий космос было таким же отчетливым, как отпечаток пальца. Черис представила себе, как Крепость смотрит на них зимним взглядом, холодным, коварным и бесконечно терпеливым.

Рой Кел двинулся навстречу сторожевому рою, и каждый мот был ориентирован согласно логике формации. Черис ждала, что мир во-

круг изменится, отвечая на календарную гниль — стены потекут как вода, свет разложится на трепещущие цвета, звуки человеческих голосов разделятся на крики перелетных птиц, — пусть и понимала, что это противоречит здравому смыслу. В этом-то и проблема: чтобы проанализировать гниль, приходилось использовать экзотические эффекты. Если бы банальная человеческая физиология отличалась значительной чувствительностью к календарным эффектам, гекзархат бы уничтожил себя с помощью собственной технологической базы.

Минуты летели одна за другой. Черис почти ощущала, как они касаются кожи. Она мысленно поблагодарила Джедао за молчание.

— Мы в 13,4 минуты от радиуса воздействия пушки-губителя, — сказала марионетка Оружие. — На такой скорости у нас вряд ли получится открыть огонь из стирателей.

— Ладно, — напряженно сказал Джедао. — Маневрируйте, пока мы не окажемся в двадцати пяти секундах от зоны поражения на нынешней скорости, а потом передайте сообщение вместе со знаменем. Всё как есть.

Черис передала указания.

Связь развернулась и уставилась на нее.

— Сэр, вы…

— Вам отдали приказ, — сказала Черис. — Передайте рою держать формацию.

— Мы выдаем себя… за кого?! — спросила Неревор. — Сэр…

Связь также указала на запросы от командеров других мотов. Командная панель Черис вспыхнула, отображая их.

— Я не собираюсь отвечать на эти вопросы, — сказала Черис. — Приказ остается в силе. Есть ответ от сторожевого роя?

— Идет сопоставление формантов с сигнатурами предыдущего сторожевого роя, сэр, — ответила Сканирование. — Возглавляющий их знамемот — это «Образец грубости». Тот, что в следующей опорной точке, может быть «Вечностью минус один день», но форманты вокруг него всё время меняются, так что нельзя сказать наверняка.

— Я училась в Академии вместе с коммандером «Вечности», — возмущенно сказала Неревор. — Надеюсь, он сумеет объяснить, каким образом потерял свой мот.

— Я бы не делал никаких предположений относительно того, кто командует тем знамемотом, — заметил Джедао.

— Вражеский рой передал знамя, — сказала

Связь.

— Давайте взглянем на него, — сказала Черис.

Знамя представляло собой белое колесо с семью — а не шестью, как было принято в гекзархате — спицами и золотым пламенем в центре. Черис вспомнила, что сказал Подкомандующий номер два о центральном целом числе.

По командному центру прокатился шепот.

— Что ж, — сказала Неревор, — они даже не пытаются скрыть свою ересь.

— Лиож, — очень тихо проговорил Джедао. Седьмая фракция, уничтоженная за свою ересь. Черис надеялась, что ослышалась.

— Тридцать секунд до зоны воздействия губителя, — сказала Оружие.

— Сообщение и знамя переданы согласно указаниям, — вслед за ней сказала Связь.

— Они меняют формацию в ответ, — сказала Сканирование. — Может, мы сумеем разглядеть… хм, это странно. — Марионетка сдержала ругательство. — Похоже, в рое только пять мотов.

— Ну конечно, — сказала Черис, рассердившись на себя. — Только гляньте на эти стержневые точки… — Эти стержневые точки, эти коэффициенты. — Они увеличили свою отсканированную тень. Если только они не изображают малочис-

ленность, чтобы скрыть многочисленность… — Замысловато, но кто его знает. — …Это может означать, что им удалось захватить только пять мотов. — А что с остальными, неужели уничтожены?

— Они передают сообщение Крепости, — сказала Связь. — Я сбросила его криптографической команде, но это шифрование военного уровня, и у нас нет сеансовых ключей, так что розыск уязвимостей займет какое-то время.

— Давайте посмотрим, ответит ли Крепость, — сказал Джедао. — Вдруг у кого-нибудь случится нервный срыв.

Неужели еретики и впрямь поверят нелепым утверждениям, будто он способен взломать щиты?

Джедао внезапно зарычал:

— А ну подъем, это же не стандартная…

Черис заметила входящий объект в сводке сканирования.

— Это бомба! — сказала Сканирование. — Не понимаю траекторию. В радиусе ее поражения больше их мотов, чем наших.

Последствия аномалий всегда были плачевными. В особенности с учетом того, что рой из пяти мотов двигался по направлению к бомбе,

а не от нее.

Бомба взорвалась. На самом деле она не зацепила никого из роя Кел. Но зато охватила все пять мотов вражеского роя — они оказались внутри чего-то вроде сферы из переливающихся осколков стекла, а потом завертелись головокружительным вихрем.

И рой Кел очутился в центре калейдоскопа из знамемотов-призраков, которых оказалась целая сотня. Только пять были настоящими, но призраки, несомненно, могли нанести какой-то ущерб. Черис немедленно нарисовала схематическую карту в поисках симметрии: это радиальный множитель силы, и он, скорее всего, будет действовать до тех пор, пока держится радиация после взрыва бомбы, — значит, если они не поспешат с ответным ударом, то численно превосходящий враг превратит их в решето.

Глава девятая

У Черис не было времени с ним разговаривать. Вместо этого ее пальцы взлетели над терминалом.

— Так вот что они замыслили, — сказал Джедао.

— Вот эта формация, немедленно! — приказала она. Так они выиграют немного времени. Заградительные эффекты обычно длились недолго, и это еще не учитывая модификаторы фазового перехода.

— Они нас испытывают, — сказал Джедао. — Пришло время для демонстрации силы. Уничтожьте их.

Ей требовалась цель. Вражеский рой отреагировал бы на попытку пригрозить Крепости, так что надо подобраться ближе. Расстояние — вот ее рычаг. Она не только может вынудить их действовать ради защиты Крепости, она может свести к нулю дальнейшее использование калейдоскопической бомбы, подобравшись слишком близко — так они не смогут ее применить без риска умножить заодно и рой Кел. Двадцать Джедао,

до чего ужасная мысль. Но множитель должен действовать только на оружие, не на людей.

Черис переслала промежуточные расчеты Навигации с указанием рассчитать итоговые перемещения.

Они начали принимать удары. Формационные щиты распустились золотом Кел, словно цветы огневицы. Черис проинструктировала марионетку Оружие начать ответный огонь согласно установленной последовательности. Та как будто хотела возразить, но Неревор сердито посмотрела на нее, а потом вернулась к руководству другими офицерами, подкрепляя приказы Черис.

Черис хотела бы быть лисой, коронованной очами, чтобы поглощать все данные, бегающие по дисплею, но приходилось довольствоваться собственными глазами. Джедао, похоже, решил предоставить ей свободу действий.

Движение калейдоскопического роя обнаруживало закономерности: все призраки конкретного мота перемещались одинаково. Исходя из переменной силы эффекта, Черис вычислила, какие из мотов были настоящими; фантомы слишком походили друг на друга, чтобы их можно было различить путем прямого сканирования.

— Координаты оригиналов, — сказала Черис,

передавая сведения. — Сосредоточьте огонь на Номере Один…

Рой Кел пришел в движение, восстанавливая заградительный эффект.

— Черис! — вскричал Джедао. — Видона Диайя что-то задумала.

— Нарушение формации, сэр! — одновременно сказала Сканирование.

Черис едва не прошипела ругательство. Ну почему ее всё время преследуют нарушители формаций? Если не считать того факта, что Кел всегда не везет?

— Сообщение от коммандера Диайи, — сказала Связь и по кивку Черис запустила его.

Диайя улыбалась.

— Давайте я помогу вам с этим разобраться, генерал, — сказала она, чересчур выделив голосом ранг Черис.

Из-за нарушения формации бело-красный огонь вражеского губителя пронзил щиты. «Гончая голода» Видона Диайи изменила положение, хотя с соответствующей стороны у нее не было губителя, чтобы пустить его в ход. Один из боксмотов, «Река, полная камней» под командованием Кел Нхиела, получил удар прямо в двигатель.

Коммандер Неревор орала на Диайю, чтобы та

вновь заняла свое место в формации, но «Гончая» упрямо молчала.

Вот потому-то, в ярости подумала Черис, Кел редко допускают, чтобы кто-то из чужаков дослужился до командного ранга: в отсутствие формационного инстинкта нельзя положиться, что они будут выполнять приказы по собственной воле.

— Всем подразделениям перестроиться, исключив «Гончую голода» из формации, — ледяным голосом сказала Черис. Слишком поздно спасать мот Нхиеля, но деваться некуда.

«Гончая голода» запустила большой и пузатый снаряд из чего-то вроде модифицированного оружейного порта. Снаряд взорвался, выпустив облако спор, похожее на густую паутину. Добрая треть калейдоскопических мотов оказались в ловушке, когда споры вспухли и превратились в обширную зону грибкового цветения, тошнотворного розово-серого цвета с фиолетовым оттенком.

Через несколько секунд история «Гончей голода» завершилась пламенем, пеплом и поражением.

— Эта ублюдочная идиотка убила всех своих солдат, потому что захотела похвастаться особен-

ной игрушкой, — свирепо сказал Джедао.

Черис развернулась, чтобы смерить его сердитым взглядом — пусть даже была согласна, — но, разумеется, позади не было никого, только тень. Люди в командном центре странно на нее косились.

— Как, клянусь пеплом и когтем, эта грёбаная Видона затащила грёбаную грибковую канистру на грёбаный знамемот? — орала Неревор. — Такого в принципе не могло случиться!

— Поздновато ее спрашивать, — рявкнула Черис. Грибковый кокон сыграл им на руку, она не могла этого отрицать, но они должны были победить в сражении и без него, просто с бóльшими потерями. Кроме того, при нормальном развитии событий моты экипировали коконами только по прямому дозволению Командования Кел. Ей не хотелось даже думать о том, как объяснить им этот инцидент.

— Вы обе должны сосредоточиться, — резко сказал Джедао.

Черис сердито уставилась на Неревор, и командер снова сосредоточилась на членах экипажа.

— Черис, — сказал Джедао после того, как она отдала следующую серию приказов. — Зако-

номерности движения. Я не могу доказать это математически, но оригиналы Три и Четыре подчинены Первому, а Пятый — Второму. — Он говорил о настоящих мотах, не призраках; нанеся ущерб настоящим мотам, они снижали огневую мощь фантомов.

Номер Четыре был частично заблокирован коконом. С ним можно разобраться позже. Черис попросила Сканирование подтвердить, что с остальными всё обстоит именно так. Марионетка обработала данные и заявила, что Джедао, скорее всего, прав.

Черис приказала сосредоточить огонь на Номере Один. Рой Кел собрался в компактную формацию. Орудия снова заговорили.

Номер Два был следующим. «Искреннее приветствие» Кел Пайзана уничтожил его, аккуратно приоткрыв щиты для выстрела. Кинетический снаряд пушки-стирателя нанес ужасающий удар по двигательной матрице вражеского мота. Один из знамемотов, «Стекло, приносящее удачу», получил повреждения от ответного огня, прежде чем «Искреннее приветствие» успел закрыть дыру, но со «Стекла» доложили, что боеспособность не пострадала.

Предчувствие Джедао оказалось верным: Три,

Четыре и Пять прекратили огонь, когда Один и Два вышли из боя.

Связь уведомила Черис, что Два отправил последнее сообщение Крепости, судя по следовым выбросам. К несчастью, само сообщение перехватить не сумели.

К разочарованию Черис, моты-фантомы не исчезли, но прекратили огонь, когда их первоисточники затихли.

— Не рекомендую абордаж, сэр, — сказала Кел Неревор, с хмурым видом просматривая данные сканирования. — Очень похоже, что они заминированы.

— Испепелить всех, кроме Четвертого, — приказала Черис. — Если из-за щитов сканирование невозможно, давайте оглушим их.

Приказ выполнили с опаской, просто на всякий случай, но никаких неприятностей не произошло.

— Сэр, у меня входящее сообщение из Крепости Рассыпанных Игл, — сказала Связь. — Только текст.

— Читайте, — велела Черис.

— «Очень впечатляет, генерал Джедао. Если это на самом деле вы. Докажите, что это вы, пробив щит к 25:14 первого дня месяца Мотылька».

Дальше идет объяснение, как переводить их календарь в наш. — Связь и его прочитала. Один день высокого календаря равнялся 1,21 еретического дня. Им предоставили четыре еретических дня, начиная с этого момента.

— Отправьте знамемот за пределы зоны досягаемости, — сказал Джедао. — Прямо сейчас. И ответьте Крепости следующим образом: «Этот знамемот получил приказ транслировать информацию о том, как взломать щиты в незашифрованном виде во всех направлениях, если кто-то выстрелит в нас, когда мы будем внутри. Если у вас имеются еще испытания, посылайте их прямо в Академию Шуос. Уверен, там все умирают от скуки».

Черис выбрала «Нескованного страхом» Кел Короэ и дала необходимые инструкции. Короэ был надежным, пусть и лишенным воображения.

— Пусть они об этом подумают, — сказала Черис, мучительно осознавая, какой у Неревор встревоженный вид. Проблемы по мере поступления. Она послала «Искреннему приветствию» благодарность за точный выстрел.

Пайзан ответил почти незамедлительно.

— Мне не нравится находиться от врага на таком близком расстоянии, генерал, — сказал

он. — Это делает всю концепцию дальнобойного оружия нелепой. Но в этой ситуации выхода не было.

— Вы отлично справились, — сказала Черис.

Неревор приподняла бровь, и Черис кивнула. Она ожидала, что коммандеры пепломотов считали друг друга равными.

— В следующий раз я тоже надеюсь поучаствовать в заварушке, — сказала Неревор Пайзану. — Эта Видона закончила всё слишком быстро и вопреки приказам.

— Вы всегда были кровожадны, Неревор, — сказал Пайзан с намеком на теплые чувства и отключился.

— Дайте мне команду криптологов, — сказала Черис Связи.

— Генерал, — сказала Неревор, — вы должны знать, что криптологи не используют композиты. Они более эффективно работают как индивидуумы. — Поскольку она говорила про Нирай, это означало, что члены команды были слишком сварливы, чтобы из них получился действенный композит. — Вы хотите обратиться ко всей команде или только к капитану-аналитику Нирай Дамиоду?

— Только к капитану Дамиоду. Они работают

совместно с командой Шуос?

— Я не давала таких приказов, сэр.

— Прикажите. Если у нас есть Шуос, из них следует извлечь хоть какую-то пользу.

— Ха, — сказал Джедао.

Лицо Нирай Дамиода появилось в левой части дисплея Черис, а прямо под ним — лицо капитана Шуос Ко. Дамиод был худым, нервным, со светло-карими глазами на смуглом лице. Ко выглядел невозмутимым, как всегда.

Не успела Черис попросить его что-нибудь разъяснить, как Дамиод заговорил с видом человека, который привык подбирать для таких разговоров слова попроще:

— Это стандартное военное шифрование, обычно называемое Змея-67, основанное на определенном классе функций…

— Каком классе? — спросила Черис и подумала о том, какие же разговоры Дамиод привык вести с Неревор.

Он удивленно уставился на нее.

— Квазиузловые полиномы Мачива-Джу. А-а… у вас есть опыт работы в этой области?

— Общее представление, — сказала Черис. К сожалению, как всегда случалось с хорошими криптосистемами, понимание того, какая кон-

кретно система была использована, не помогало им взломать шифротекст. — По-вашему, надежды нет.

— Надежда всегда есть, генерал, — возразил Дамиод, — но даже если мы объединим сетевые ресурсы всего роя, нам не удастся сломать эту штуку грубой силой. Система была бы слабой, поддайся она так легко. Нет, наш лучший шанс — проверить, не сделал ли шифровальщик какую-нибудь любительскую ошибку, не запустил ли систему на неправильном оборудовании, не оставил ли иного отпечатка. Случались вещи и глупее.

— Объедините усилия с капитаном Ко, — приказала Черис.

— Не вопрос, — ответил Дамиод.

— Сэр, — доброжелательно кивнул Ко.

— Удачи, — сказала она и закончила разговор.

Черис вывела на дисплей градиентную карту и поморщилась, рассматривая ее.

— Придется быть осторожнее, как только выйдем из зоны перехода, — сказала она. — Мы понятия не имеем, насколько хорошо будут работать формации в условиях еретического календаря. Посмотрите на этот сектор. Проекции Крепости удивительно стабильны. Мне это не

нравится.

— По крайней мере, я верю, что больше не будет грибка, — сказала Кел Неревор. Она рассматривала повреждения Номера Четыре. Грибок, о котором шла речь, был смертельным для тех, кому повезло, и вызвал неаппетитные мутации у остальных. Потребуется полноценная команда обеззараживания — этим занимались Нирай, — чтобы привести в порядок пострадавший знамемот. — Пустая трата хорошего мота. С этой дрянью на борту дешевле загнать его в звезду и построить новый с нуля.

— Пусть решает Командование Кел, — сказала Черис. — Доктрина, просмотрите данные о нашем столкновении и проверьте, нельзя ли извлечь из них что-нибудь касательно еретического календаря.

— Конечно, сэр, — сказала Рахал Гара.

Черис на миг закрыла глаза.

— Всем переключиться на инвариантные двигатели. — Досадно, что придется отказаться от роскошеств, сопровождающих экзотику высокого календаря. — Мы должны продолжить движение к Крепости.

— А как же щиты, генерал? — спросила Неревор, как и ожидала Черис.

— Проведем на эту тему брифинг, — ровным голосом ответила она. — Предупредите меня, если что-нибудь случится.

Она покинула командный центр, прежде чем они увидели, как ее руки начали дрожать.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Нормальный

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Куропатки, и пусть будет день Гусыни. Мне всегда нравилась гусятина.

Моя дорогая Цзай, только не надо протирать дырку в полу, расхаживая из угла в угол, и хмуриться по привычке тоже не надо, иначе появятся морщины – но, возможно, наши проблемы серьезнее, чем я ожидала. И это я не паникую, заметьте! Тем не менее лучше подготовиться. Извините, что нам не удалось поговорить – я думала, вы окажетесь в моей зоне поражения, но, как выяснилось, с пунктуальностью у меня всё просто ужасно. Впрочем, вы удивитесь, но Пиоро всё еще

меня не обыграл. Немного смирения пойдет ему на пользу.

Быстрота расправы с калейдоскопическим роем не является реальной проблемой, что бы там ни говорили эти бездари из Второй команды. Кел надо было всего лишь запустить какой-нибудь замысловатый композит, включив в него специально прихваченных для этой цели Нирай. Не знаю, как вы, но если бы я направлялась в зону действия еретического календаря, то первым делом собрала бы миленькое покорное стадо Нирай, чтобы они обрабатывали данные.

Остается лишь утешаться тем, что в нашем режиме композитные соединения бесполезны. Обычно это недостаток, но для нас важнее удерживать контроль над Крепостью, и пока что можно лишь изо дня в день жонглировать параметрами веры. Мои люди над этим работают, но понадобится время, чтобы изменить совокупные показатели.

Истинной проблемой здесь является генерал Гарах Джедао Шкан, Шуос Джедао, архипредатель, или как он там называет

себя теперь. Давайте рассмотрим возможности систематически, хорошо? Либо он тот, за кого себя выдает, либо нет.

Если это действительно Джедао, он всё же мог соврать о том, почему находится здесь. Можно предположить, что побег величайшего предателя гекзархата вызовет какой-никакой шум, но гекзархи не захотели спровоцировать массовую панику, да к тому же ничего нельзя сказать наверняка из-за отключенной связи. Крайне маловероятно, что он мог путем шантажа заполучить рой Кел.

С другой стороны, если это Джедао, он ведь может работать на Кел. Говорят, он хорошо себя вел во время прошлых миссий, но кто знает, правда ли это. Привычка Кел стирать воспоминания людей, которые работают с ним, мешает провести нормальную разведку. Если Джедао – ручная зверушка Кел, это объясняет, откуда у него рой, ну и вполне вписывается в общую картину недальновидности Кел.

Но есть и третья вероятность, на которую я готова поставить деньги: кто-то использует имя Джедао, чтобы напугать

нас. Бьюсь об заклад, Кел в этом рое в восторге от подобный тактики. Обратите внимание, Кел передали нулевое знамя вместо знаменитой Двойки шестерней: это мог быть компромисс. Я сомневаюсь, что можно заставить какого-нибудь ястреба в гекзархате служить под Двойкой, какой бы важной ни была миссия. «Генерал», вероятно, кто-то в опале, что странно. Такое назначение должно быть лакомым кусочком для какого-нибудь амбициозного коммандера, несмотря на необходимость прибегнуть к уловке. Люди дрались бы за него, если бы Кел смогли признать существование такой прозаичной штуки, как личные амбиции.

Вот в чем дело. Я просматривала данные об этом бое. Стиль совершенно не тот. Не поймите меня неправильно. Наш соперник очень компетентен, и мы должны с осторожностью относиться к нему. Но его подход – расчетливый, осторожный. Вторая команда возразит, основываясь на грибном коконе, – заявит, что наш противник любит причудливые технологии, но обратите внимание, что они

отказались от мота, который выпустил его: типичное поведение Кел, которые не любят излишнюю инициативность.

В любом случае вспомните старые уроки. Кампании генерала Джедао вошли в историю. Их отличает сочетание агрессивности и сверхъестественной способности предвидеть решения противника. Его первая битва против Фонарщиков была примечательна тем, что они превосходили его числом в соотношении восемь к одному, и он всё равно нанес им решительное поражение. К счастью, наш противник не того калибра.

Я сомневаюсь, что сам Джедао смог бы проскользнуть сквозь щиты, как бы ни похвалялся наш противник, так что будет интересно посмотреть, что произойдет в ближайшие четыре дня. Тем временем на днях мне доставили восхитительные конфеты из той кондитерской. Я понимаю, что это безобразие, но что за жизнь без потакания собственным слабостям? Я послала немного, хотя прекрасно знаю, что вы не собираетесь их пробовать. Но ваш помощник любит их, а порадовать

сотрудников никогда не помешает.

Пока не забыла: займитесь тем делом Стогана в связи с захватом поста связи в округе Анемона. Я в курсе про делегирование квалифицированным подчиненным и всё такое, но мне наплевать, сколько у него сторонников – его военные навыки на бумаге выглядят лучше, чем на самом деле. Уж не знаю, пытаются ли лоялисты отпугнуть Джедао или предупредить гекзархов по поводу Джедао, но если есть возможность, лучше их заткнуть.

Ваша в календарной ереси,
Вх.

Черис вымыла руки горячей водой, но они всё равно продолжали трястись.

— Всё будет хорошо, — сказал Джедао. — Выпейте воды. Мне это всегда помогало.

— Ненавижу, когда меня так легко прочитать.

— После первой битвы в космосе меня едва не вырвало. Я думал, всё будет иначе, потому что трупов не увижу. Но есть что-то ужасное в сухом металлическом щелчке, который отмечает удар. С той поры звук успели изменить, но я по-прежнему слышу щелчок.

Когда Черис ничего не ответила, Джедао прибавил:

— Я видел множество молодых офицеров во множестве ужасных ситуаций. Только и всего.

Она налила себе стакан воды. Та была холодной и безвкусной. Выпив ее, Черис сказала:

— Я думала, вы… — Она замялась, подыскивая лучший способ выразить свои мысли. — Будете всем распоряжаться.

— Зачем? — спросил Джедао. — Вы сражались не так, как это делал бы я, но какая разница? Вы победили. Я привлек ваше внимание к соответствующим вещам, но, поскольку вы справлялись, ради общего блага, я заткнулся и не мешал. Я достаточно насмотрелся на то, как младших офицеров губил отказ вышестоящего начальства дать им хоть малую толику самостоятельности.

Интересно. Может, из него всё-таки получился бы не такой уж жуткий инструктор. Впрочем, эта мысль сама по себе была очень странной.

— Кажется, вы испытываете по этому поводу сильные чувства.

— Нет смысла просить людей, чтобы они рисковали жизнями ради тебя, если не собираешься в свой черед им довериться. Не сомневаюсь, в Академии Кел всё еще учат этому.

Черис согласилась с этим.

— У меня брифинг через два часа, — сказала она. — Вы должны рассказать мне об испытаниях сигнификата и о том, как мы одолеем щиты. С учетом ограничения во времени, конечно.

— Да, справедливо, — сказал Джедао. — Я знаю о Крепости одну вещь, которой не знаете вы, потому что однажды был свидетелем демонстрации эффективности щитов под настоящим огнем. Нам не объяснили, как работают щиты, но они производят артефакты, заметные, как ни странно, невооруженным глазом. Я отнюдь не техник, но нахожу это любопытным. Слишком удобным.

— Не уверена, что это нам поможет, — сказала Черис. Разумеется, она и сама не была техником.

— Если я прав, визуальный мусор — это ключ к пониманию операторов, управляющих щитами. А они люди. Систему не может контролировать сеть — впрочем, может быть, ею управляет композит?

Черис была уверена, что ответ отрицательный, но запросила Доктрину, чтобы перепроверить. Ответ пришел быстро. Как будто кто-то предугадал вопрос и только ждал подходящего момента, чтобы предоставить данные.

— Никаких композитов в еретическом кален-

даре.

— Итак, мы имеем дело с людьми. Считайте это упражнением в расшифровке. Как только мы взломаем язык символов, мы поймем, как сломать оператора и пробиться внутрь.

— Джедао, — сказала Черис, — вы хоть представляете себе, сколько вычислительных ресурсов требуется для взлома любой стоящей криптосистемы? Даже такой старой, как эта, — ведь ее до сих пор почему-то не взломали?

— Вы мыслите, как Нирай, а не как Шуос или Андан. Я сомневаюсь, что щиты специально сконструировали таким образом. Я предполагаю, что мусор — это неизбежный побочный эффект технологии, потому-то о нем так стойко молчат.

После мучительной паузы Черис сказала:

— Мне нужна демонстрация. Я не могу заявить такое нашим офицерам. В особенности после того, как попросила их выдать себя за предателей. Но я не вижу способа, который позволил бы вам устроить такую демонстрацию до того, как всё случится на самом деле.

— Ладно, — сказал Джедао. — Черис, возьмите в руку что-нибудь — что-то маленькое — и сожмите кулак.

— Что?

— Вы попросили о демонстрации.

Какая-то бессмысленная игра, которыми так славятся Шуосы. Один полковник однажды заметил, что Шуос ни за что не скажет тебе о чем-нибудь напрямую, если у него будет возможность направить тебя по мучительной извилистой дорожке, ведущей к ответу, манипулируя тобой с помощью словесных игр.

— Я не понимаю…

— Вам нужна эта демонстрация или нет?

Черис проглотила первый ответ и разыскала свой камень удачи. Сняла его с цепочки. Камень переливался на свету, выгравированный на нем ворон отчетливо выделялся.

— Ладно, — сказала она. Уж лучше бы он не тратил ее время зря.

— Держитесь за камень, — сказал Джедао. — Считайте это приказом, если так проще. Я собираюсь убедить вас бросить его до начала брифинга.

Черис моментально разочаровалась. Ну и что он собирается делать — драться с ней руками, которых у него больше нет?

— И это всё? — спросила она. А потом нехотя продолжила: — Понятно. Камень — это Крепость. Моя рука — щиты. Не сработает, Джедао. Даже если вы каким-то образом сумеете заставить

меня провалить простое задание, я не смогу воспользоваться этим, чтобы убедить наших командиров. — Она была уверена, что командеры Кел отреагируют так же. Только… менее вежливо.

— О, мы не станем играться с булыжниками…

— Это камень удачи, — ответила она чуть более резко, чем собиралась, пусть и понимала, что Джедао не может ничего знать о мвеннинском обычае. Это был камень, подаренный ей в день рождения, перешедший от матери к ребенку, а ворон был птицей, символизирующей ее святого покровителя. Мелочи, которые она никогда не обсуждала с другими Кел, потому что они бы не поняли.

— Прошу прощения, — быстро ответил Джедао. — В любом случае для офицеров нам понадобится кое-что покрупнее. Мы уже сделали пример из Видона Диайи…

— Это было обычное нарушение субординации!

— Держите камень.

Ее пальцы судорожно сжались вокруг него, потом расслабились.

— Если бы в наших интересах было спасти ее, чтобы использовать потом, я бы это и посовето-

вал, — сказал Джедао. — Но всё вышло иначе. И теперь нам требуется новая мишень.

«Мишень?» Пока что в обозримом пространстве не было врагов, если только он не хотел, чтобы она кого-нибудь приманила. Куда он клонит?

— Мы не можем устраивать демонстрацию на примере Крепости, поскольку изначально пытаемся убедить командиров, что проникнуть туда в наших силах, — продолжил Джедао, — так что придется в качестве примера выбрать кого-то из нашего роя. Не страшно, если потеряем еще один мот. Я собирался пустить в расход Диайю, но она меня опередила и самоубилась, прежде чем я сумел бы обратить это во благо. — Его тон был совершенно ровным.

У Черис поползли мурашки по спине. Как же она забыла, что имеет дело с безумцем?

— Диайя нарушила приказы и вышла из формации, если уж на то пошло, — сказала она, — но другие коммандеры не сделали ничего плохого. Они не заслуживают того, чтобы становиться игрушками. — Это если он хотел с ними именно «поиграть», в чем у нее были серьезные сомнения.

Теперь-то Черис вспомнила то замечание, которое он сделал по поводу возможной пользы

от Диайи, когда они отобрали ее для роя. В тот раз оно ускользнуло из ее памяти как неважное. Внутри у Черис всё сжалось: какую ужасную, ужасную ошибку она допустила…

— Когда отправимся штурмовать Крепость, слабости будут совершенно непозволительны, — продолжил Джедао. — Рой должен быть готов к подчинению и должен верить в наши методы, какими бы те ни были, даже с учетом моей причастности. Дело ведь не только в том, что еретики захватили самую прославленную узловую крепость гекзархата — им еще и помогли. Калейдоскопическую бомбу придумали и изготовили не за одну ночь. В любом случае, чтобы объединить рой, надо указать всем на общего врага. Мы сфабрикуем обвинения в ереси против одного из коммандеров — думаю, у нас получится.

Черис утратила дар речи.

Внезапно голос Джедао надломился.

— Мой пистолет. Куда же я подевал пистолет? Здесь так темно.

Черис проглотила ругательство. Это наверняка была какая-то уловка, хотя она и не понимала, чего немертвый генерал добивается с помощью дурацкого представления.

— Джедао, — проговорила она, безуспешно

пытаясь сохранять спокойствие, — нет никакой необходимости…

Тень не только сделалась темнее, чем ей помнилось, но к тому же глаза Джедао вспыхнули адским огнем, и вся комната наполнилась тьмой, словно откуда-то с незримого неба потихоньку наползала ночь. Во рту у Черис пересохло, как в пустыне. Она видела битвы, она сражалась — но теперь оцепенела, вытаращив глаза, словно какой-нибудь вчерашний выпускник из Академии.

Где же ее хризалидный пистолет? На поясе, такой тяжелый. Надо достать, надо одолеть оцепенение…

— Генерал. — Теперь голос Джедао звучал хладнокровно и властно. — Я вас не узнаю, но с вашим мундиром что-то не в порядке. Исправьте это.

Она понятия не имела — как и все остальные, — что изначально заставило его обезуметь, и потому у нее даже мыслей не было о том, отчего он мог сойти с ума опять. Она потратила драгоценную секунду на глупые размышления о том, смягчит ли его офицерский салют, а потом сбросила оцепенение и нащупала хризалидный пистолет. На всякий случай.

Девятиглазая тень заметалась вокруг нее в нарушение всех законов геометрии, которым

подчинялась до сих пор, и тогда-то Черис поняла: она действительно в беде. Всё это время она изучала старших офицеров роя и разведданные по врагу — в то время как стоило уделить внимание изучению Джедао!

— Ты не должна стоять на месте, — будничным тоном проговорил он, словно обращаясь к старой знакомой. — Тебя поймают, если будешь стоять столбом. Ты должна постоянно двигаться. И еще стрелять в ответ.

— Стрелять в кого? — спросила она, пораженная ужасной мыслью, что именно так он и сошел с ума во время осады Адского Веретена.

Тень двигалась медленно, неторопливо обходя вокруг нее. Может быть, если Черис его разговорит, она выиграет время и даже сумеет понять, что происходит с его разумом.

Но Джедао ее не услышал.

— Если будешь долго ждать, все фонари погаснут, — проговорил он, зловеще понизив голос, — и тогда они смогут тебя увидеть, но ты не увидишь их. Надолго воцарится тьма.

Фонари. Фонарщики? Адское Веретено? Или простое совпадение образов?

Пистолет был в ее руке. Черис попыталась прицелиться в тень, но та двигалась слишком

быстро. Если она выстрелит, сработает тревога? Она не хотела без причины подымать панику на командном моте. Она собралась с духом и всё равно выстрелила, но тень ее опередила и шмыгнула в сторону. Серо-зеленый разряд рассыпался искрами, не причинив полу никакого вреда. Следующие попытки оказались не лучше. Ну почему Нирай не предупредил, что попасть в Джедао не так уж просто?..

Несмотря на перемещения тени, немертвый генерал как будто не заметил, что она пытается его застрелить.

— Ты привела сюда целый рой, — сказал он, повысив голос. — Они понятия не имеют, что случится. Всё опять закончится миллионом трупов.

Если это продолжится, ей придется выстрелить в себя, наплевав на ужасные последствия. Но тогда она уронит камень удачи; всё еще оставался небольшой шанс, что это какое-то представление. Но почему же руки ее не слушаются?

Всё было бы намного проще, знай она его достаточно хорошо, чтобы понять, с чем столкнулась — с неимоверно безответственными играми разума или подлинными проявлениями безумия. «Хватит колебаться», — сердито сказала Черис самой себе. Она способна на большее, чем вот так

трепетать в нерешительности.

Джедао притих. Вопреки здравому смыслу, Черис понадеялась, что он закончил ее испытывать и вот-вот заявит, что игра окончена. Она не создана для такого. Она собиралась спросить его, как вдруг он заговорил снова. На этот раз его голос показался тревожно молодым, на пол-октавы выше, как у кадета-первокурсника.

— Генерал?..

На этот раз он говорил с нею не на равных. Он говорил с почтением. Даже боязливо.

— Сэр, мертвые. Я потерял счет. Я не, я не… сэр, я не знаю, что делать дальше. — Сильнее всего пугало то, что, несмотря на сбивчивую речь, она не слышала, как он дышит. Когда он заговорил снова, его голос задрожал от стыда, а потом окреп. — Теперь моя очередь умирать, верно? Я просто должен найти свой пистолет в темноте…

Долгая тишина.

А потом, очень тихо:

— Или придется обойтись зубами.

Черис снова попыталась внушить себе, что это трюк, что Адское Веретено ни при чем, и какой-нибудь другой инцидент, который она не помнит или по глупости не изучила во время уроков истории, тоже ни при чем. Но на этот раз сомнений

у нее не было. Она прицелилась и выстрелила опять. Безрезультатно.

— Черис.

Его голос больше не был юным, и она почувствовала: вот теперь всё всерьез. Она полуобернулась на звук, который исходил из угла комнаты в той стороне, куда указывала тень. Пространство заволокло туманной тьмой. Янтарные огоньки начали появляться не только в тени Джедао, но повсюду — в стенах, в воздухе, везде, как будто звезды приблизились, чтобы поглядеть на происходящее. Она не сомневалась, что когда огоньки окажутся совсем близко, то выяснится, что это лисьи глаза.

Джедао снова ее узнал, заговорил с нею как с подчиненной, и формационный инстинкт начал просыпаться.

— Не туда. И не туда, если ты хочешь спастись. Ты собираешься повернуться влево. Нет, не цепеней, это еще хуже.

Окруженная роем огоньков, Черис не понимала, куда ей стрелять. Его реплики, быстрые и точные, теперь шли с разных сторон одновременно, и это еще сильнее сбивало с толку.

Он почти смеялся.

— Ты продолжаешь действовать рефлекторно,

и у тебя мои собственные рефлексы — с чего ты взяла, что я не предугадаю твои поступки?

Она сжала кулаки. Еще один разряд из хризалидного пистолета ударил в стену, никакого эффекта. Дело не только во внезапной холодной злобе в его голосе, не только в его властности, а в том, что его рефлексы были ее частью — он был внутри нее, она не могла его изгнать.

С другой стороны, если это не просто игра, не чистое притворство, тогда, быть может, она могла бы обратить его безумие против него же и использовать себе во благо. Жаль, что она не может его заткнуть и спокойно поразмыслить…

— Ты полна решимости не уронить пистолет, но посмотри, как дрожит твоя рука — ну вот, об этом и речь, а ты по-прежнему цепляешься за грёбаный камень удачи. Разберись с приоритетами. Какова реальная угроза — в чем настоящая игра? Давай возьми пистолет двумя руками, попробуй еще раз.

Черис не могла его заткнуть и не могла побороть рефлексы. Будучи Кел, она не могла и перестать подчиняться приказам. Она собиралась так и сделать, взять пистолет и…

Джедао расхохотался.

— Я полюбуюсь, как ты сдохнешь, птенец.

Так называли кадетов — или рядовых, которые вываливались из строя. Вопреки намерениям Черис, все мышцы у нее свело судорогой. Камень удачи обрел свинцовую тяжесть. Он утешал ее с тех самых пор, как его подарила мама. Теперь она не чувствовала никакого утешения.

— Ты понятия не имеешь о том, работает ли этот пистолет на полной мощности так, как написано в инструкции, — презрительно продолжил Джедао, — и работает ли вообще — ты ведь об этом не спросила. Ничто не в силах научить Кел уму-разуму, верно? Ну так валяй, жми на спусковой крючок.

Техник Нирай ей бы не солгал…

А почему она в этом так уверена?

— Подумай о названии пистолета, птенец. Ты ведь знаешь, что такое хризалида — это куколка. Куда, по-твоему, меня помещают, когда забирают назад? Нужен какой-то контейнер, и твоя тушка как раз пригодится. Ведь несмотря на то, что я предатель и виновник массового убийства, один из нас — расходный материал. И это не я.

Это было ужасно правдоподобно. Она снова выстрелила, но как попало. Искры; пляска внимательных глаз. Снова и снова. Опять не повезло.

— Честно говоря, капитан, — сказал Джедао, с

пренебрежением называя ее обычный ранг, — если это типичный пример компетентности Кел, неудивительно, что Командование Кел продолжает использовать человека, которого они презирают всей душой, чтобы он выигрывал для них сражения.

Черис попыталась заставить себя продолжать стрелять. Не смогла. Тень возникла рядом с дверью, девять глаз выстроились в нечеловечески широкой улыбке из полыхающих огоньков. Она смотрела на тень и чувствовала, как поддается ей, поддается безжалостным глазам. Они открывались шире: ей показалось, в них видится намек на зубы. Что еще хуже, он назвал ее «капитаном», а не «птенцом», неприкрыто напомнив об иерархии Кел. Сила духа покинула ее: слишком много странностей сразу.

— Я не хотела… я не знаю, чего вы хотите, сэр, я не понимаю приказа… — Она затараторила, не в силах остановиться. — Я вас подвела, сэр, простите, я…

— Черис. — Глаза потускнели, перестроились в привычную линию.

— …не могу взять в толк…

— Черис! Хватит. Всё закончилось.

— Сэр, — прошептала она, цепляясь за остат-

ки здравомыслия, — какие у вас приказы? — Ее пальцы поползли к хризалидному пистолету. Она заставила их замереть. Что если ему от нее нужно что-то другое? Она не могла смириться с мыслью о том, что снова ошиблась.

— Черис, сядь, — мягко сказал Джедао.

Ей потребовались две попытки, чтобы сделать шаг к стулу. Но генерал хотел этого, а приказ есть приказ, так что она подчинилась. Разве не в этом смысл жизни Кел?

— Я говнюк почище тех, которые трахают ястребов, — сказал Джедао. Черис вздрогнула от упоминания неуставных отношений. — Я не подумал о том, как сильно на тебя повлияет формационный инстинкт. У тебя были противоречивые приказы. Ты ни в чем не виновата.

— Но я же Кел, сэр.

— Я знаю. — В его голосе проскользнули усталые нотки. — Я ошибся в своих суждениях. Мне нет оправданий.

Она понятия не имела, как на это реагировать, так что промолчала. Он был ее вышестоящим офицером. Он продемонстрировал, что знает, как ее сломить. Но предполагается, что она в состоянии оценить его поведение и убить, если понадобится. С какой стати Командование реши-

ло, что один из Кел на такое способен? Тот факт, что он всегда был рядом, всегда за нею наблюдал, только усугублял ситуацию.

— Черис. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Она поверила в его искренность — впрочем, она верила и в тот момент, когда он подталкивал ее к тому, чтобы выстрелить в себя.

— Хризалидный пистолет, сэр.

Хоть с этим бы разобраться.

— Я не совсем солгал по поводу этого оружия. Оно вынуждает меня вернуться внутрь и погружает нас обоих в анабиоз. Я не знаю, причинит ли он какие-то серьезные повреждения тебе. В такой момент меня обычно нет рядом.

Об этом не мешало бы узнать гораздо раньше. Конечно, в Установочных инструкциях ничего подобного не упоминалось. Она не понимала, почему ожидала от них большей пользы. Впрочем, она же сама навлекла на себя эти неприятности, верно?

Черис сосредоточилась на дыхании и в конце концов достаточно успокоилась, чтобы вновь обрести ясность мыслей. Она положила камень удачи на край стола с тихим стуком.

— Хватит с меня ваших игр, сэр, — сказала она безжизненным голосом. — Вы победили.

— Да что ж такое… — Джедао взял себя в руки. — Рискуя навсегда с тобой поссориться, должен отметить, что ты проиграла в тот самый момент, когда согласилась играть на моих условиях, не торгуясь.

Типичное мышление Шуос, но она не могла им пренебречь.

— Вы же не всерьез предлагали сыграть в игру с роем, сэр?

— Кажется, кто-то говорил, что коммандеры не заслуживают, чтобы с ними играли. Нет, я не был серьезен — но прозвучало-то правдоподобно, да? Поразмысли об этом.

Она нахмурилась и спросила, глядя на свой камень удачи:

— И всё это — ради одного лишь довода?

— Ты усвоила урок шиворот-навыворот, Черис. Камень удачи — не главная деталь. У меня нет рук, я не могу держать пистолет. Когда ты согласилась со мной играть, каким оружием, по-твоему, я обладал?

— Голос, — сразу сказала она и поняла, что упустила из вида главное. — Репутация.

— Да. Мы уже сказали еретикам, что это я им противостою.

— Гарах Джедао Шкан, — сказала Черис. Ее

голос дрожал. Может быть, им всё же стоило выбрать знаменем Двойку Шестерней, чтобы враги устрашились.

— Когда захочешь напомнить, что я чувствовал, когда попадался на глаза матери, гоняя гусей, можешь произнести мое имя еще раз, — с неожиданным юмором сказал Джедао. — Так или иначе, репутация — ужасный инструмент, но, если уж от нее никуда не деться, научись ею пользоваться.

— Я понимаю, сэр, — сказала Черис. И она понимала. Джедао неспроста называли оружием; а страх оружия был сам по себе оружием.

— В самом деле? — спросил Джедао. — Что ж, тогда ты готова к нашему плану. Вот как мы поступим…

Глава десятая

Кел Неревор собиралась произнести какое-то банальное приветствие, когда Черис появилась в командном центре. Вместо этого Неревор вытаращилась на нее, потом взяла себя в руки и помрачнела.

Черис сняла перчатки. Они были заткнуты за пояс. Рукам было холодно, они покрылись липким потом и казались голыми. Боевой нож на поясе ощущался то слишком тяжелым, то слишком легким — а ведь она вроде бы привыкла к его весу. Черис напомнила себе, что эта деталь была ее идеей, пусть даже Джедао она понравилась.

— Генерал, — сказала Неревор.

— Брифинг, — сказала Черис. Она не хотела повторяться.

Один за другим вспыхнули изображения командеров. Черис окинула их взглядом, пытаясь получить общее впечатление о реакции на происходящее. Прошлый опыт подсказывал, что попытка отследить каждого по отдельности лишь заставляет ее сильнее волноваться. Лучше определить для себя цель поскромнее и надеять-

ся, что Джедао заметит то, что ускользнет от ее внимания.

Черис набрала воздуха и заговорила:

— Мы собираемся пробить щиты. — Они разинули рты. — Нет, я не намерена отвечать на вопросы. Вы здесь, чтобы слушать.

Джедао не стал терять время, сообщая ей, что большинство настроены скептически. Она и сама это понимала.

— Шуос Ко относится к тебе серьезно, — сказал Джедао, — но это неудивительно. Кел Пайзан и кое-кто из командиров знамемотов переживают, что мы устроим тут второе Адское Веретено.

Черис продолжила. Она не могла останавливаться всякий раз, когда Джедао что-то говорил.

— У щитов имеется уязвимость. Они зависят от человека-оператора, чью решимость можно поколебать. Вы получите дальнейшие инструкции, когда мы начнем осаду. У меня есть сведения, которых нет у вас, и мы до сих пор не знаем, как и почему Крепость пала. Я не могу рисковать, допуская, что эта информация попадет в руки врага.

Произнеся слово «руки», она вытащила боевой нож из чехла и достала левую перчатку. Нож был неумолим, как ночная тоска. Черис не спеша

отрезала все пальцы перчатки по очереди. Они слетели на пол, похожие на иссушенных пиявок. В конце концов у нее получилась неаккуратная имитация перчаток без пальцев, которые никто не носил после казни Джедао.

Тишина была такая, словно звуки поглотила черная дыра.

Она надела испорченную перчатку, потом обрезала все пальцы на второй. И надела ее тоже.

— Приказы здесь отдаю я, — сказала Черис. — Мы уже видели, что происходит, когда командир мота отказывается встать в строй. Я не потерплю дальнейших нарушений дисциплины. Надеюсь, меня все поняли.

Черис не смела взглянуть назад, на Кел Неревор, но у Кел Пайзана на челюсти дрожала мышца. А вот полковник Кел Рагат почему-то повеселел.

— Скажи что-нибудь, — проговорил Джедао. — Не ослабляй натиск.

— Вы думаете, — продолжила Черис, — что это никак не может сработать. Но факт в том, что из всей коллекции великих и ужасных орудий в Арсенале Командование Кел сочло подходящим послать нам одного человека. Если вы не доверяете Командованию, вы не годитесь для того, чтобы быть Кел.

Было рискованно говорить такое офицерам, среди которых имелись люди, прослужившие дольше, чем она жила на этом свете, но довод казался правильным. Это был довод в духе Кел — воззвание к авторитету.

Они смотрели на нее в молчании.

— Подтвердите, — сказала Черис.

— Сэр, — ответили они в унисон.

Она спросила себя: чего бы Шуос Джедао добился в жизни, если бы за ним стояли объединенные Кел? Солдаты его любили; в этом отношении хроники были безжалостно ясны.

— Мы продолжим приближение к Крепости Рассыпанных Игл вдоль благоприятного градиента, — снова заговорила Черис. — Из-за изменений в календарной топографии нам придется использовать нестандартные формации. Я переслала приказы с координатами и предварительными формационными ключами. В ближайшие два часа жду от всех донесений о случившемся столкновении. Это всё.

Она испытала облегчение, когда их салюты заменила пестрая мешанина статусных диаграмм.

В глазах коммандера Неревор отражалось серьезное беспокойство.

— А-а… пальцы, генерал, — проговорила она. —

Что прикажете с ними делать?

— Просто избавьтесь от них, — сказала Черис. От того, что случилось с перчатками, ее и саму подташнивало, но им нужен был символ. Кроме того, если она когда-нибудь оправится от своего нынешнего позора, всегда можно приобрести новую пару перчаток.

В тишине притаился страх. Но если Черис того и добивалась, почему внутри у нее всё свело судорогой?

Черис находилась в командном центре, когда коммандер Неревор предупредила, что до щитов остался час пути.

— Взгляните, сэр, — сказала она, указывая на показатели сканеров.

Сканеры не показывали саму Крепость, поскольку не могли пронзить щиты. Сеть демонстрировала симуляцию на месте расположения Крепости — застывший вихрь изгибов и линий, словно прорисованный чернилами. Соседний дисплей показывал переднее полушарие, а малые дисплеи выделяли ключевые особенности пяти- и шестиугольных граней.

Пока Черис наблюдала, на щитах мелькали бледные светящиеся фигуры: перья, листья, разбитые речные камешки в форме сердца, пули,

грозовые тучи. Она могла бы так стоять вечно, зачарованная неожиданной красотой плывущих узоров.

— Непобедимая Крепость, — бесцветным голосом произнесла Неревор. — Жду ваших указаний, сэр.

— Осуществим развертывание следующим образом, — сказала Черис. Она проверила каждый свой шаг, не в первый раз, прежде чем отправить Связи. Будет чертовски неудачно, если окажется, что она именно сейчас перепутала местами две цифры. Джедао тоже их просмотрел, но Черис хотела убедиться.

Они сформировали тактические группы, основываясь на своих лучших предположениях относительно того, кто с кем сработается. Потери, хоть и небольшие, уже причиняли боль. «Гончая голода» потеряна, а поврежденный мот «Стекло, приносящее удачу» пришлось использовать с осторожностью. С этим ничего не поделаешь. Цифры не отремонтируют сами себя.

Тактическую группу номер один возглавлял «Неписаный закон». Номер два — «Искреннее приветствие» под командованием Кел Пайзана, а номер три — старший командир знамемота Кел Рай Моген с «Красным швом». Шесть остальных

боксмотов разделили на пары. Поскольку никто не мог предсказать, где произойдет пролом, надо было обеспечить пехотинцев для любого вероятного места высадки. Что не менее важно, лазутчики Шуос были наготове; оказавшись внутри, они сразу примутся за сбор разведданных на местах.

Моты переместились в указанные координаты. Огневое прикрытие не представляло собой проблемы до того, как — если — случится пролом. Щиты на происходящее никак не отреагировали.

Черис сказала:

— Через 8,26 минуты — (десять еретических минут, начало их часа), — измените формацию на «Шесть Башен, Шесть Знамен» и откройте огонь согласно заданной схеме стрельбы. — Она переслала ее Связи. — Мне всё равно, что вы там видите, придерживайтесь схемы в точности. Сканирование, перешлите копии данных капитану Ко. Мне нужен аналитический отчет команды Шуос.

Когда моты Кел заняли позиции, по щитам пробежало едва заметное мерцание, похожее на ворох опавших листьев и пену морского прибоя. «Шесть Башен, Шесть Знамен» в строгом смысле слова была оборонительной формацией, хотя и

относилась ко Вторичному Лексикону из-за своей слабости. Кел время от времени применяли ее на парадах, когда требовалось впечатлить наблюдающих за летящими мотами.

— Открыть огонь, — сказала Черис, зная, что командиры этого ждут. Подтверждающие индикаторы зажглись на ее терминале ярким золотом.

Цели были выбраны случайным образом. Щиты озарились вспышками горячих и холодных цветов — они были яркими, но быстро потускнели.

— Я и не ожидал, что первый залп даст результат, — сказал Джедао. — Просто вели команде Шуос зафиксировать визуальный мусор, чтобы определить начальный уровень для калибровки. Переключение через 8,26 минуты, как мы и договаривались.

Черис выдала следующий набор приказов. На этот раз строй не был в строгом смысле слова формацией. У нее вспотели ладони. Как долго Кел будут терпеть такое? «Крепись», — напомнила она себе и услышала голос Джедао в своей голове. Она уже почти привыкла к этому. Как могут ее офицеры быть сильными, если она сама не сумеет всё это выдержать?

— Сэр, — сказала Неревор, — это была бы стерж-

невая основа большой формации, найдись у нас еще в точности семьдесят девять мотов, чтобы заполнить остальную часть…

Грандиозная формация, о которой говорила Неревор, называлась «Слава Роз».

— Новая схема стрельбы, — сказала Черис. — По моей команде. — Она сверилась с часами терминала. Моты заняли позиции, образуя фигуры, которые на дисплее выглядели абсурдными удлиненными треугольниками. — Огонь. — И снова золотые огни.

На этот раз вспышки на щитах образовали четкие узоры: линии и завитки света обрисовали знакомые контуры анданской ножевой розы. Цвета были неправильные, с этим ничего не поделаешь, и толку от этого тоже никакого не было, щиты, как и прежде… стоп.

— Проиграйте первые шесть секунд ответной реакции щитов, — сказала Черис. — Замедлить скорость воспроизведения в десять раз.

Вот оно. Незначительная пауза перед тем, как оператор составил узор. Потом на щитах появилась мерцающая картина: вихрь падающих роз с лепестками, пронзенными изогнутыми шипами. Розы перемежались любопытными фигурами из трех точек, расположенных треугольником, каж-

дый из которых вершиной указывал на основной полюс Крепости, и каждый полыхал красным, словно сигнальный огонь. Но отверстий в щитах не появилось.

— Эти картинки что-то значат? — изумленно проговорила Неревор.

— Он не Андан, — сказал Джедао, — но реакция конкретная. Оператор определил большую формацию и отреагировал на нее, так что у него имеется некоторый опыт в космической тактике. Конечно, он есть у любого, кто смотрит нужные драмы.

— Сэр, — сказал офицер по связи, — это капитан Шуос Ко. Говорит, у него что-то для вас есть.

— Я слушаю, — сказала Черис.

Было излишним надеяться, что Ко хоть немного утратит обычную невозмутимость.

— Генерал, — сказал он, — насколько хорошо вы знакомы с программами обеспечения безопасности, которыми пользуются Шуос?

— Не знакома, — сказала Черис.

— О, это будет интересно, — заметил Джедао. — Держу пари, теперь они выглядят совсем по-другому.

— Пять лет назад их стандартный интерфейс был переработан в соответствии с новыми руко-

водящими принципами Рахал — что-то там из области календарных корректировок, — сказал Ко. — Старым символом высокой боевой готовности был красный шеврон. Теперь это треугольник из трех горящих точек. Тот, кто работает на щитах, имеет недавний опыт в области обеспечения безопасности.

— Спасибо, дружище, — сказал Джедао. — Я бы этого не знал.

— Благодарю, — сказала Черис Ко. — Что-нибудь еще?

— Это всё, сэр. — Его изображение исчезло.

— Запустите следующие сигнификаты в указанном порядке и внесите результаты в таблицу, — сказал Джедао. — Ножевая роза, ощетинившаяся шипами, пронзенная, сладостно горящая.

Черис всё сильнее убеждалась, что Крепость собирается приоткрыть щиты, чтобы выстрелить в них, хоть еретикам пока что нечего было бояться. И всё же то, каким образом менялся визуальный мусор, свидетельствовало о человеческой реакции.

Они образовали стержни следующей призрачной формации, которая в исполнении большого роя из девяноста трех мотов была бы «Ударом падали». Формацию сопроводили сигнификатом

«Волк-прорицатель Рахал». Черис бросила взгляд через плечо на Рахал Гару. Та от напряжения сжала губы так, что они побелели.

На этот раз щиты отреагировали не так бурно, хотя кое-какой мусор всё равно проявился: вспышка треугольника высокой боеготовности, дендритные коралловые отростки, затесавшийся между ними стеклянный шестиугольник. Мерцание чисел. Гара подтвердила, что они соответствуют тому, что известно о календарных ключах еретиков.

Вскоре Джедао рассмеялся.

— Определенно не волк. Разум волка был бы лучше дисциплинирован. Ладно. Одинокий охотник, не в окружении, запертый в стекле, в ловушке.

Черис спросила себя, что же он ищет. Сигнификаты меняли визуальный мусор, но не было никаких признаков того, что щиты готовы отключиться.

Следующим был девятихвостый лис Шуос. Он почти не произвел эффекта, как будто оператор щитов заскучал. Черис ожидала, что Джедао попробует сигнификат «Лис, Коронованный Очами», некогда прославивший его, но немертвый генерал выбрал четыре других.

Они перебрали три низкие фракции согласно плану: Кел, Нирай и, наконец, Видона. С каждым новым сигнификатом визуальный мусор уменьшался, пока не превратился в расплывчатые пятна, форму которых было трудно установить даже при помощи интерполяции.

— Что теперь? — беззвучно спросила Черис, наблюдая за тем, как Неревор ходит туда-сюда.

— Иногда я ненавижу свою интуицию, — сказал Джедао. — Маркетинг и демография. Мог бы и догадаться.

И что бы это могло значить?..

— Далее мы возьмем стержни большой формации «Падение небес». Схема стрельбы должна изображать Паутину миров. Не базовую эмблему зеркальной паутины, а конкретно Паутину миров.

Черис наметила схему, но пришлось обратиться к архивам, чтобы убедиться, что она изобразила ее правильно. Неужели еретики на самом деле подумывают о возрождении мертвой фракции?

— Еще один раунд, генерал? — сказала Неревор. Она всё еще мерила шагами командный центр. — Если бы мы могли просто разбить эти щиты…

Черис пыталась вспомнить, что она знала о фракции Лиож, пока отдавала приказ. Немногое.

Детальные сведения о ереси были уничтожены. В Академии Кел об этом мало что рассказывали, потому что большинство военных действий против повстанцев были, так уж сложилось, односторонними и, как выразился один из инструкторов, «в военном плане неинтересными».

Со значением «Падения Небес» было проще. Генерал Джедао использовал эту формацию с разрушительными последствиями против Фонарщиков в Битве отсеченных рук.

Черис резко сосредоточилась, когда офицер по сканированию объявил:

— Точечный прорыв в…

Он дал координаты. Еще семь точечных прорывов появились друг за другом в быстрой последовательности.

— Сканирование, — сказала Черис, но тот уже взялся за дело. — Сфокусируйте огонь на полюсе Крепости. Мы хотим испугать оператора.

Посреди шумных разговоров в командном центре, отрывистых приказов Неревор, которая управляла тактической группой, периодических оповещений о состоянии от командиров мотов и чертовски самоуверенных реплик Джедао Черис едва слышала себя, и ей вряд ли удалось бы сформулировать какую-нибудь собственную идею.

Открылось отверстие для ответного огня. Рой рассеялся, уходя с доступных Крепости углов обстрела. Пушки-стиратели двух пепломотов зашвырнули снаряды одна за другой.

— Задействуйте словарь ответов на сигнификаты на основе собранной нами информации, — сказал Джедао. — Сейчас кому-то будет больно. Тактическим группам Один и Два — пригвоздить Двойку Шестерней к поверхностным структурам Крепости. — Это была его личная эмблема. — Конкретный способ на их усмотрение, главное, чтобы очертания были узнаваемы. Черис, попроси, чтобы отсортировали словарь по антонимам. Пусть тактическая группа Три стреляет по щитам, не по пробоинам. Каждый раз при виде визуального мусора пусть бьют в ответ антонимом. Быстрая реакция важнее точности. Убедись, что коммандер Рай Моген это поймет.

Неревор нахмурилась, когда Черис изложила приказ.

— Сэр, — сказала она, — это ведь почти то же самое, как сделать Двойку знаменем…

Черис пошевелила пальцами, чтобы привлечь внимание к перчаткам.

— Мы используем архипредателя, — сказала она. — Мы и так это признали. Если его репу-

тация приносит нам пользу, мы продолжим ее использовать. Приказ остается в силе.

Неревор напряженно сжала губы, но не возразила.

Тактические группы Один и Два начали выбивать Двойку Шестерней на броне крепости, выставив мощность орудий на двадцать процентов. Выглядела она всего лишь как два круга, побольше и поменьше, зубья шестерней были едва намеченными выступами — но с учетом контекста эмблема Джедао распознавалась с легкостью.

Беспокойные красные треугольники вспыхивали всё чаще и чаще, как будто сквозь щиты просвечивала сделанная на скорую руку фрактальная подкладка.

— Понеслось, — сказал Джедао.

Орудия Крепости заговорили, луч оцарапал «Торговлю в солнцеворот», вырвавшись из ненадолго открывшейся дыры, а потом всё стихло.

Тактическая группа Три всё еще реагировала на шквал визуального мусора — трещины, сломанные зубы, опасно покачивающиеся мосты, красные брызги — антонимичной атакой. Черис заставила себя дышать равномерно, несмотря на всплески и сбои в потоке изображений. Она

наконец-то убедилась, что по какой-то причине щиты привязаны к внутреннему миру оператора, неким сосредоточениям в его или ее душе. Но зачем разрабатывать оборонительную систему, которая…

— Ни хрена себе, — проговорила Черис. Неревор напряглась в ожидании новых приказов, но Черис на нее не смотрела.

— Дошло? — сказал Джедао довольным голосом. — Давай послушаем. Беззвучно. Хотя Командованию Кел всё равно придется подвергнуть всех нас обработке.

— Как давно вы знаете, что инвариантный лед не является инвариантным?!

До сих пор Черис не приходило в голову, что щиты основаны на экзотической технологии и что еретики просто разработали свой календарь таким образом, чтобы продолжать ими пользоваться. Ведь все в гекзархате знали, что инвариантный лед был инвариантным.

— Удачная догадка, — сказал Джедао. — Прости. Не время для легкомыслия. Черис, эти щиты не основаны на стандартных физических силах, что бы ни говорили гекзархи о технологических прорывах. Я не Нирай, но знаю, как выглядят законы Вселенной — и такие щиты? Быть того не может.

Значит, они представляют собой экзотический эффект. Мы также знаем, что крепость проецирует календарный режим, поскольку находится в узловой точке. Разумно предположить, что щиты используют тот же самый феномен.

И это наводит на мысль, что щиты — проекция мировоззрения оператора. Не мировоззрения группы; система символов слишком последовательная, а композиты здесь больше не работают. Я не вижу другой причины, по которой мог бы появиться визуальный мусор или почему Командование Кел желало отвлечь людей от него… Неревор просит твоего внимания.

— Сэр, — сказала Неревор. — Сканирование получает разборчивую информацию через точечные пробои.

За нею последовал офицер по сканированию с объяснением:

— Новые пробои над округом Анемона и Сияющим округом, но… постойте.

Треугольный узор испятнал щиты, словно обозначая места лесных пожаров в разгар лета. Тактическая группа Три ответила сигнификатом «Волк-прорицатель, не окруженный».

— Как это вообще… — начала Черис.

— Черис, люди устроены очень просто, — пере-

бил Джедао. — Нужно занять сознательный ум чем-то одним, а потом с помощью чего-то другого вогнать гвоздь в подсознание, пока стены опущены. Вот как мы сейчас использовали формации. Оператор обучен обращать внимание на формации Кел, так что мы позаботились о его или ее сознательном фокусе, а потом еще и заклеймили Крепость моей эмблемой, которой все боятся. Символы на щитах — для нас это просто кадры замедленной съемки, но с точки зрения оператора, с учетом того, что щиты — это проекция его эго, мы вытатуировываем слова прямо на мозге.

— Мы внутри! — вскричал офицер по сканированию, перекрывая слова Джедао.

Одну благословенную секунду Черис ничего не ощущала. Но вокруг нее все в командном центре попадали навзничь, словно марионетки, которым обрезали струны.

Мир наполнился цветами, узорами, парящими призраками форм, которые она видела на щитах. Лист — перо — лепесток — и всё это мощным течением прошло через ее ладони. Трещины и разломы, чернота, похожая на облезающую краску. Сломанные песочные часы, изливающие свои внутренности.

Джедао молчал. Черис посмотрела на Неревор,

но та свернулась клубочком на полу и что-то с присвистом говорила на низком языке, незнакомом Черис.

Нет времени на панику. Она переключила систему связи на свой терминал.

— Дайте мне коммандера Пайзана.

После долгого молчания сеть ответила четким голосом:

— Коммандер Пайзан не отвечает.

Она отправила общий запрос командирам мотов. Ничего.

— Генерал Джедао, — проговорила Черис, вспомнив, что он назвал себя щитом, — где вы?

По-прежнему никакого ответа.

Она заставила себя дышать равномерно.

Данные сканера демонстрировали, что щиты Крепости вывернулись наружу — как будто раскрылись ладони, с которых содрали кожу и размотали нервы во все стороны. Черис потратила еще минуту, перебирая уравнения и пытаясь понять, каким образом все ее солдаты вышли из строя. Двое кричали. Она полуобернулась, размышляя о том, что можно для них сделать, а потом вспомнила, что весь рой в беде. Попыталась вызвать медотсек. Никакого толку.

— Генерал Кел Черис вызывает сети роя, — ска-

зала она. — Приоритетный код «Орлиное гнездо — один». Подчинить все моты «Неписаному закону».

Посыпались ответы — моты роя один за другим признавали код. Кто-то на «Стихотворной сути» Кел Лиай Мена пришел в себя в достаточной степени, чтобы подтвердить получение устно, но, когда Черис спросила о его статусе, ответа не было. Ее сердце сжалось от страха.

Неревор теперь пыталась встать, но ноги ее не слушались, а взгляд был расфокусирован. Черис подошла и помогла ей сесть, прислонившись к стене, велела сохранять спокойствие, но Неревор не прекратила попытки подняться.

Внезапно Черис охватило отчаяние. Она окинула взглядом командный центр и осознала свое поражение отчетливо, как удар черного ножа. Она так устала, она так много времени провела во тьме, и она сражалась в неравных условиях. Если бы она могла хоть ненадолго свернуться клубочком и поспать… И найдись во вселенной хоть толика справедливости, ей бы не пришлось просыпаться.

Черис потянулась к боевому ножу. Она и не думала, что опять применит его на моте, но — поди ж ты. Она взвесила нож в руке и поднесла

к своему…

— Черис, остановись, — донесся издалека приглушенный шепот Джедао.

— Что с тобой случилось? — спросила она без интереса.

— Мне больно, — просто ответил он. — Черис, убери нож.

— Я потерпела неудачу, — сказала она, — и всё было зря.

— Черис, я серьезно. — Его голос сделался отчетливее. — Чувства, которые ты испытываешь, принадлежат не тебе. Мне жаль. Но ты должна убрать нож.

Она не хотела подчиняться. Какое искушение: закрыть глаза и пустить лезвие в ход, несмотря ни на что.

— Нож, Черис.

И тут она поняла.

— Это же не я, — сказала она, рывком выбираясь из глубин отчаяния. — Это ты. Как давно ты думаешь о самоубийстве? — Она вложила нож в чехол.

Джедао был призраком вот уже 397 лет. Она подумала, что, если и существовал какой-то способ покончить с собой, генерал-лис бы его уже вычислил. Она сможет этим воспользоваться,

если он опять затеет с нею игры разума.

— Эффект просачивания пройдет, — невозмутимо ответил Джедао, — и с тобой всё будет в порядке. Подготовь приказы относительно пехоты и лазутчиков Шуос. Оператор не справился с инверсией щитов — взгляни на показатели сканеров. Они отключают всю Крепость, чтобы достать нас. Придется выстоять.

Даже если щиты отключены, остается проблема с высадкой войск. Она взялась за подготовку приказов о перемещении, внимательно выбирая маршруты, чтобы избежать столкновений. Было бы глупо разбить собственный рой.

Черис услышала глухие удары и, обернувшись, увидела, что у Рахал Гары начались конвульсии. И не только у нее.

— Надеюсь, это скоро закончится, — проговорила она.

Через семь минут и девятнадцать секунд инверсированные щиты полностью рассеялись.

Пришло сообщение из Крепости. Оно гласило: «Очень впечатляет, Гарах Джедао. Ты нам пригодишься».

Люди начали приходить в себя, и им предстояло завоевать Крепость, но Черис всё думала о ноже. Джедао заявлял, будто боится, что гекзарх

Шуос его казнит, но вместе с тем был склонен к суициду. Что-то тут не складывалось. Она могла лишь надеяться, что во всём разберется, прежде чем из-за этого получит удар в спину.

Глава одиннадцатая

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Высокий

От: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Куропатки, день Гусыни, и теперь надо указывать часы, иначе эти отчеты будут выглядеть одинаково. Как насчет часа Саранчи? Мне кажется, в тему.

Ладно. Вы знаете, как сильно я ненавижу извиняться. Ну вот – извиняюсь. Я не должна была кричать на вас. В тот момент собрание утратило последние остатки полезности. Одна моя наставница как-то говорила, дескать, если я почувствую, что вот-вот выйду из себя, стоит взамен заняться полезным делом – например, нарисовать на планшете виселицу и человечка из палочек так, чтобы никто не видел, или придумать какую-нибудь

смертельную ловушку из офисных кресел и кусачек для ногтей. Раньше я думала, что она шутит, но теперь понимаю – это был хороший совет. Если уж на то пошло, уверена, что смогла бы уделать Стогана с помощью трогательно простой ловушки. Он очень небрежно относится к личной безопасности, и я знаю, что вы тоже это заметили. (Не волнуйтесь. Вы думаете, что он вам нужен, так что я сдержусь.)

В любом случае я должна убедить вас в своей правоте. Мой совет имеет тот же вес, что и сведения, на которых он основан. Я не принимаю на свой счет, когда враг пытается меня обмануть. Он всего лишь следует здравому смыслу. С другой стороны, скрывая от меня важную информацию, вы наносите вред собственным планам. Я не говорю о таких вещах, как сертифицированная андановская куртизанка, которую – точнее, которого – Стоган навещает на стороне и думает, что я не знаю. Я говорю о таких вещах, как основы функционирования нашей знаменитой системы обороны. Если вы знали о слабости заранее, зачем скрывать

это от меня?

Расчеты вам известны не хуже, чем мне. Невзирая ни на какого архипредателя, эти щиты должны были продержаться целую вечность. Никто не может предсказать, сколько времени займет прибытие роя Хафн. Пускай немалые ресурсы потрачены на то, чтобы водить Командование Кел за нос, для них будет не так уж трудно вычислить, что Хафн направляются сюда.

Это что касается внешних проблем. Теперь давайте посмотрим на то, что происходит в шести округах Крепости. Прямо сейчас в округе Анемона творится бардак. Каждое новое донесение от Стогана еще бессвязнее предыдущего. Лоялисты, похоже, сражаются достаточно эффективно, но мы не можем им позволить удержать пост связи.

Я слежу за показателями среды в округе Барабанщиков и округе Ленты, так что не беспокойтесь о колебаниях общественного мнения. Мы по-прежнему убеждаем граждан в важности соблюдения нового календаря и участия в этом новомодном

голосовании. Никаких грубых методов. Я всегда презирала Видона. Это напомнило мне, что мы должны побыстрее обработать заключенных-Видона и освободить их. Пойдут слухи, и от этого нам будет только польза.

Лоялисты весьма далеко от командного центра, и это еще одна причина для того, чтобы поскорее заставить их замолчать. Я всегда находила очаровательным, что в вашем высоком языке «молчание» ассоциируется с «обществом». Там, откуда я родом, «молчание» связано со «смертью».

Мои люди усердно трудятся в Сияющем округе, в основном по настоянию этого кретина Стогана. Должна признаться, мы все хотим удержать этот округ крепкой хваткой, так что усилия потрачены не совсем впустую, и это мешает ему возражать, когда я о чем-то прошу. Я обещала его не доставать, но он такая легкая мишень. Мне непонятно, почему у него так много сторонников в богатых общинах, но, возможно, если бы три поколения моей семьи были у него в долгу в связи с какими-нибудь политическими вопро-

сами, я бы поняла, в чем тут дело. Он, конечно, выглядит сногсшибательно – и всё-таки жаль, что мозги в комплектацию не вошли.

Не спускайте глаз с Геренаг Абраны. Хорошо в Абране то, что она умная, но плохое – она еще и амбициозная, и учитывая, насколько сильно мы нуждаемся в ее фабриках, с нею надо действовать осторожно. Тот факт, что она была такой кроткой в последнее время, вызывает у меня подозрения, особенно в связи с тем, что ее агенты совершенно точно успели порыскать по моим кабинетам. Будет заманчиво застрелить любого, кого я поймаю – тренировка никогда не помешает, – но, вероятно, более плодотворно с точки зрения безопасности отследить, через какую щель они прибегают.

Округ Зонта держится, не считая всплеска интереса к этой новомодной игре. Пусть меня и бесят Шуос, они правы в том, что людьми можно манипулировать через игры. Я собираюсь посоветоваться с Пиоро о том, как Доктрина может решить этот вопрос.

Уверена, у вас много мыслей в голове – если их не было до сих пор, теперь-то они точно появились. Я отправляюсь на поиски Пиоро, чтобы выкрасть его. Держите меня в курсе всех важных разведданных, которые упадут к вам на колени, хмм?

Ваша в календарной ереси,

Вх.

Черис чувствовала себя бодрой, но знала, что это не продлится долго. Кел Неревор была одной из первых, кто встал на ноги. Она взяла на себя управление оружейным терминалом, так как им пришлось поручить сервиторам перевезти лейтенанта Кел Джая в медотсек, и еще никто не прибыл ему на замену.

Весь командный центр пестрил предупреждениями, требующими внимания. Черис напомнила себе, что фокус в том, чтобы расставить приоритеты независимо от настойчивости, с которой индикаторы требовали решить все проблемы одновременно. В тот момент всё выглядело так, что любой, основываясь на безумном мельтешении красных и янтарных огней, мог бы подумать, что весь мот — весь рой! — вот-вот врежется в какой-то космический риф.

Небольшая группа дельтаформ убирала следы происшествия, пусть и незначительные: кровь на стенах и по краям терминалов, где кто-то ударился, падая; им еще повезло, что никто не расшиб голову всерьез. К счастью, в этом вопросе вмешательство Черис не требовалось. Когда доходило до дела, сервиторы нередко лучше руководили самими собой, чем Кел готовы были признать, и они вели себя очень тихо и осторожно, чтобы не отвлекать офицеров, занятых боем.

— Я не понимаю, почему еретики не стреляют, сэр, — хрипло проговорила Неревор. — Им ведь больше нечего терять.

— Они всё еще выясняют, кто мы такие, — сказала Черис. Но Неревор была права. Помимо визуальных предупреждений, испещренных помехами диаграмм, схем и карт, за которыми она следила краем глаза, время от времени раздавалось звуковое оповещение — низкий и глухой звон колокола. Ничто не требовало немедленного вмешательства, хотя на дисплеях ее терминала скапливалось всё больше уведомлений. От каждого она вздрагивала, ожидая, что вот-вот произойдет что-то по-настоящему чрезвычайное.

— Что-то происходит в округе Анемона, сэр, —

сказал офицер, ответственный за сканирование. У него побелели губы, но голос звучал как обычно. И сидел он за терминалом прямо, она бы сказала — чопорно, ведь даже Неревор ссутулилась самую малость, скрывая болезненные ощущения.

— Перепроверь, что пехотинцы Кел в нулевых униформах, — сказал Джедао. — Шуос уже будут одеты как надо. — И: — Кел должны во что бы то ни стало избежать попадания в плен. — Если он и заметил хаос в командном центре, по голосу это не было понятно. Впрочем, такие вещи не были для него внове.

Черис разослала приказы. Ей хотелось бы, чтоб воздух не был таким сухим, таким жарким, чтобы можно было выпить стакан воды; но, скорее всего, ей жарко от стрессовой ситуации, и придется ждать, пока она сможет покинуть командный центр вместе с остальными. Минуты ползли одна за другой.

Капитан Шуос Ко вызвал командный центр. Черис едва не пропустила вызов, потому что инженерный отдел как раз прислал серию новых данных по ситуации, связанной с инвариантным двигателем, но всё же заметила мигающий индикатор, прежде чем Джедао пришлось указать ей на него.

— Сэр, — сказал Ко, — мы не могли разглашать эти сведения раньше, но существует список квалифицированных операторов щитов. Командование Кел может выдать вам эту информацию теперь, когда щиты рухнули и секрет раскрыт. Только будьте осторожны, выбирая нужный момент: еретики могут что-то заподозрить, если засекут, как мы болтаем с Командованием Кел. Кроме того… — Тут его голос сделался сухим. — Командованию Кел всё равно придется высверливать государственные секреты из наших голов. Мои поздравления генералу Джедао. — И это было всё.

— Как щедро с его стороны, — сказал Джедао таким же сухим тоном. Тень на полу, сбоку от Черис, прищурила глаза.

Черис изогнула бровь.

— Уверен, что вас, Кел, распри внутри фракции Шуос весьма забавляют.

Черис составила запрос, а потом сохранила с напоминанием отослать, когда их уловка будет раскрыта.

— Лучше бы мы стреляли, сэр, — угрюмо сказала Неревор. Она барабанила пальцами по ручке кресла.

— Мы не можем вывести из строя всё их оружие

достаточно быстро, чтобы расчистить коридор для хопперов, — возразила Черис.

— Я знаю. — Неревор вздохнула. — Надо ждать удачного момента и всё такое.

Черис перепроверила логистические данные по хопперам, раз уж ей всё равно нечем было заняться. Рот у нее пересох, суше некуда. Наверняка не у нее одной. «Позже», — велела она самой себе. Пока что ей удавалось всё успешнее блокировать малозначимые уведомления и перенастраивать дисплеи так, чтобы самые важные статусные индикаторы были на виду. Предполагалось, что сеть будет делать это в автоматическом режиме, но она иной раз причудливо расставляла приоритеты.

Пять часов и тридцать три минуты спустя момент настал. Черис успела передохнуть и чувствовала себя лучше, не говоря уже о том, что она выпила прохладной воды, прежде чем вернуться в командный центр.

Служа в пехоте, она завидовала солдатам мотов, у которых была контролируемая среда, легкодоступные санузлы и вода, а также воздух, от которого не перехватывало горло из-за пыли, вони обожженного металла или опаленной плоти. Теперь она была на пепломоте и тосковала

по необходимости смотреть себе под ноги, по свету огромных солнц вместо красно-оранжевой мозаики, по ветру, от которого слезятся глаза.

— Сэр! — Это была офицер по сканированию, которая выглядела так плохо, словно не могла дождаться конца смены. — Взрыв возле поста связи в округе Анемона. Незначительное повреждение брони.

— Передай боксмотам, чтобы перевели все хопперы в режим ожидания, — сказал Джедао.

Черис начала отдавать приказы. Боксмоты «Осенняя флейта» и «Шесть стоячих палочек» везли отряды лазутчиков Шуос. Было крайне важно забросить их в Крепость, чтобы они смогли выяснить, откуда пошла ересь и как ее остановить.

— Подготовь еще одну трансляцию, — сказал Джедао, как только она закончила. — Гарах Джедао Шкан. Мы собираемся вернуть вам этот пост связи, но научитесь не терять свои игрушки. Посылаю еще подарок в знак доброй воли. Развлекайтесь.

Черис напечатала текст почти автоматически, а потом уставилась на яркие колонки слов.

— Постой, какой еще «подарок»?

— Заложника, — сказал Джедао. — Старшего офицера, предпочтительнее — командира мота.

Кого-то, кого они узнают по общедоступным записям.

— С ума сошел, мать твою! Я не скормлю грёбаным еретикам своего офицера.

— Черис, послушай меня. Мы должны внедрить лазутчиков. Мы не справимся при помощи одной лишь стрельбы. У Крепости слишком много орудий, и пусть я хорош, но не настолько. Если нельзя решить проблему в лоб, ее надо обойти. Еретики не стреляют, потому что сомневаются, но они не так глупы, чтобы позволить нам высадить войска, если только мне не удастся убедить их, что я не какой-нибудь генерал Кел с необычным пристрастием к грязной тактике. Я должен убедить их, что я на самом деле Гарах Джедао, и дать им какое-то преимущество.

— И всё-таки я не…

Он продолжал говорить.

— Еретики прямо сейчас колеблются, потому что я отключил щиты, но не существует способа, который позволил бы мне хитростью или силой прорваться в рой Кел после побега, не говоря уже о рое с двумя пепломотами. Придется позволить им применить воображение — ведь они правы. Я бы не смог такое устроить. Но они должны думать, что смог. Поэтому нам надо послать им кого-то из

коммандеров, чтобы тот подкрепил выдуманную историю. Кел никогда бы так не поступили, но я бы поступил. Кел так не сражаются.

— Чертовски верно, — сказала Черис. — Мы и впрямь не будем так сражаться.

— Ну ладно, птенец. — Тон Джедао сделался официальным, и Черис почувствовала, как приливает к шее горячая кровь. — Что ты предлагаешь взамен?

Она растерянно застыла. У нее не было альтернативного варианта.

— Отступить и обрушить на оборонительные сооружения все бомбы, какие у нас есть.

— Я с радостью оценю альтернативный план, — проговорил Джедао, вежливо игнорируя слова, сказанные ею в отчаянии, — но чтобы что-то оценить, нужно это «что-то» иметь.

Черис ощутила непреодолимое желание врезать ему по физиономии.

— Ладно, — сказала она. — Если ты так чертовски полон решимости послать кого-то, пошли меня.

— Неприемлемо, — возразил Джедао. — Тобой сейчас руководят эмоции, а не разум, но в том, что касается стратегии, мысль должна преобладать над инстинктами. Если в Крепости вообще есть

какие-то записи о тебе, ты там значишься как капитан пехоты. Ты слишком незначительна, чтобы быть заложницей. В то же самое время, как мой якорь и текущий генерал ты слишком важна. Я не смогу помочь рою, если ты окажешься в какой-нибудь тюремной камере, напичканная наркотиками. Кроме того, твоя тень и отражение объяснят им, что происходит.

— Я не могу просить о таком своих офицеров!

— Сэр, — сказала Неревор совершенно ровным голосом. Она выбралась из своего кресла и смотрела на Черис, прищурив глаза.

Черис поняла, что кричала.

Все слышали ее реплики в этой перепалке.

— Сэр, — повторила Неревор настойчивее. — В чем заключается спор?

Неревор не должна была спрашивать, но это было так похоже на нее. Кроме того, слишком поздно притворяться, что никакого спора не случилось. Черис сказала:

— Генерал Джедао считает, что нам нужно отправить еретикам заложника, чтобы убедить их не стрелять по хопперам. Заложник должен быть старшим офицером, ради убедительности.

— Генерал Кел на такое бы не пошел, но чокнутый мстительный Шуос — другое дело, верно? —

сказала Неревор. Ее ноздри раздувались. — Мы не можем скрыть тот факт, что это моты Кел, так что надо притвориться, что мы сбиты с толку или действуем по принуждению. — Судя по тону, она считала, что это не так уж далеко от истины. Остальной командный центр притих.

— Да, — сказала Черис.

Неревор вскинула подбородок.

— Тогда я пойду, сэр. У вас не будет лучшей кандидатуры, чем командир пепломота.

И тут Черис поняла — осознание было кристально ясным, как зимний воздух, — что ее хитростью заставили выйти из себя, подтолкнув к этому разговору.

— Мудак, трахающий ястребов, — сказала она Джедао, на этот раз не забыв о необходимости говорить беззвучно. Она устремила внимательный взгляд на Неревор, преодолевая желание сердито вытаращиться на тень.

Оскорбление не смутило Джедао.

— Ей придется пройти стирание, — сказал он. — Прикажи медотсеку, чтобы впрыснули ей полную дозу формационного инстинкта и вернули к нулевому оперению. Самый быстрый способ убедиться, что никто не получит от нее полезных сведений.

— Вас придется стереть, коммандер, — сказала Черис. — Вы уверены…

— Ты теряешь наше время, — заметил Джедао.

— Я понимаю, сэр, — стойко ответила Неревор. — Я Кел. Я буду служить, пусть это и не та служба, которой я ожидала, когда меня назначили в ваш рой.

— Ступайте в медотсек, — сказала Черис.

— Сэр. — Неревор резко отсалютовала и развернулась на каблуках.

Черис передала приказы медикам. Ее руки дрожали, внутренности свернулись в холодные узлы. Уж лучше бы перестрелка, чем это жалкое подобие безопасности. Потом она кивнула исполнительному офицеру Неревор, подполковнику Хазану, который внимательно слушал, поджав губы.

— Назначаетесь исполняющим обязанности коммандера.

Хазан, внешне спокойный, отдал честь. Но остальные члены экипажа содрогнулись.

— Связь, — сказала Черис, — отправьте это сообщение в Крепость. — И она передала текст.

— Хопперы всё еще в режиме ожидания, сэр, — сказала Навигация, не глядя на нее.

— Пусть так и останется, пока коммандер

Неревор не будет готова, — сказала Черис. — Тактическим группам Один и Два подготовить огневое прикрытие, но ждать моего приказа. Сканирование, каково текущее состояние крепости?

Офицер по сканированию начала:

— Есть много…

— Сэр! — перебила Связь. — Исходящее сообщение из округа Анемона, незашифрованное и по всем каналам.

Черис сказала Сканированию:

— Сперва вы, но побыстрее.

— Идет борьба за пост связи, — сказала Сканирование. — Полной определенности нет, но сигнатуры соответствуют стрелковому оружию Кел и, возможно, оружию гражданских. Никаких серьезных структурных повреждений поста. Физические повреждения запечатаны металлопеной. Токсичные вещества в спектральных линиях указывают на взрывчатку четвертого класса, но я не вижу, чтобы ее применяли снова.

— Его хотят уберечь от повреждений, — сказал Джедао. — Ничего удивительного.

— Сообщите полковнику Рагату и лазутчикам, — сказала Черис. Непонятно, что происходит, но хоть какое-то развитие событий. Краем глаза она видела, как цвета вокруг меняются:

красный превращался в алый или желтый, цвета лисьих глаз. — Связь, дайте нам сообщение.

Благодаря переписке между Джедао и лидером еретиков Черис ожидала простого текста. Видео застало ее врасплох: с голограммой было что-то не так, из-за интерполяции она пестрила помехами и обугленными дырами.

— Андан Нидарио вызывает Командование Кел. — У мужчины был приятный, звучный голос, но правую сторону его лица покрывали синяки и ожоги. Наверное, ему больно говорить. — Чёрт, да любого, кто услышит. — Он наклонил голову, прислушиваясь к чему-то, происходящему за кадром. — Шуос Джедао вырвался на волю и разгромил щиты Крепости. Вы же пришлете кого-то с ним разобраться? Я хочу сказать, может быть, он на нашей стороне, но он начал переговоры с еретиками, так что наша участь незавидна. Я прилагаю собранные нами сведения, но мы не сможем долго удерживать пост связи.

Кто-то что-то сказал за кадром, и говоривший прибавил:

— Андан Лиа хочет дополнить, что у нас нет точных данных о том, что это на самом деле Джедао. Впрочем, тот факт, что он взорвал щиты за несколько часов, достаточное доказательство

для меня.

Когда прибудете сюда, первым делом застрелите этого жестяного генерала Знева Стогана. Он был на стороне еретиков с самого начала. — Грохот выстрелов. — О, чёрт возьми, кто-нибудь, прикройте дверь, хорошо? Извините, я лучше возьму пистолет и сделаю что-нибудь полезное, пока обезболивающие не перестали действовать. Просто сделайте что-нибудь с этой информацией, вот и всё, что я прошу. Конец связи.

— Сбросьте всё это капитану Ко, — сказала Черис.

Хазан сказал с интонацией, намекающей на черный юмор:

— Рад, что не мы несем ответственность за распространение ложных сведений, сэр. Андан обычно ведут себя осторожнее, но, полагаю, этот был в отчаянии. — Он не выказывал никаких признаков дискомфорта от того, что сидел в кресле Неревор: правильный подход, пусть даже ее это и уязвляло.

— Я убил этого человека, — сказал Джедао без тени забавы, но и без намека на сожаление. — Однако мы сможем спасти лоялистов, только если доставим туда пехоту, поэтому тот факт, что он подкрепляет доверие еретиков ко мне, играет

нам на руку.

— Ты ждал чего-то в этом духе, — медленно проговорила Черис. Почему она удивлена?

— Предпочитаю всё планировать заранее. Лоялистам неоткуда знать, что я здесь по приказу Командования Кел, и мы никак не можем им об этом сообщить. Объявив о своем прибытии, я не просто хотел испугать еретиков. Я хотел спровоцировать лоялистов раскрыть информацию, которая, в свою очередь, побудила бы еретиков действовать. И это вынудило твой рой свыкнуться с мыслью, что их возглавляет безумец и предатель.

— Как много целей.

— Всего лишь три, и последняя несущественна. Нужно добиваться как можно большего на как можно большем количестве уровней с каждым сделанным шагом. КПД прирастает быстро.

— Сообщение из медотсека, — сказала Связь. — Коммандер Неревор готова, сэр.

— Погрузите ее в хоппер-1 с остальными и отправьте, — сказала Черис, ненавидя себя. В справедливом мире ее бы стошнило, но здесь и сейчас она как будто находилась за пределами собственного тела, во вселенной, которая состояла из железа и кристаллов с непостижимой

структурой.

— Сделано, — сказала Навигация через восемь мучительных минут. — Хоппер-1 запущен.

— Запускайте остальные, — сказала Черис.

И опять ожидание. Внутренности Черис то и дело сводило спазмом. Она постепенно уверилась, что продолжит видеть красные вспышки-послеобразы, когда выйдет из командного центра — если ей удастся это сделать, — и даже в коридорах своих снов.

Нет; она должна быть честной сама с собой. Что она будет видеть, так это лицо Неревор, которая добровольно вызвалась сделать именно то, что было нужно Джедао, и Черис это позволила.

— Крепость выслала отряды сервиторов навстречу хопперу-1, сэр, — сказала Сканирование. Ее голос дрогнул. — Снова пальба внутри Крепости, источник неопределим, но хопперы не получили серьезных повреждений.

— Проинструктируйте полковника Рагата, что лоялистов надлежит выдавать еретикам, если они не нападут на него, — сказала Черис. — Он может отправлять только срочные сообщения об изменении статуса.

— Полковник подтвердил получение приказа, — сказала Связь после паузы, которая длилась

дольше, чем хотелось бы Черис.

— Неревор почти не пострадает, — вдруг проговорил Джедао, — хотя я не стану оскорблять твой интеллект заявлениями, что она в безопасности. В нулевом оперении она будет понимать лишь одно: ее долг — держаться, пока офицер Кел не отдаст приказ, и лишь беспринципный Кел сможет повредить ее разум. Я сомневаюсь, что среди еретиков есть Кел. Вы, ребята, знаете толк в лояльности.

Черис покрутила в голове кусочки головоломки. Они не складывались. Когда Джедао только прикрепили к ней, он задавал вопросы о формационном инстинкте, как будто совсем в нем не разбирался. Она проговорила беззвучно:

— Для того, кто заявляет, будто ничего не знает о формационном инстинкте, ты дьявольски хорошо осведомлен о том, как он действует.

Последние хопперы пустились в обратный путь. Черис хотела бы оказаться на одном из них, подальше от пепломота и жуткой тени девятихвостого лиса. Ее собственной тени. Странно, что она так легко отличает эти глаза от других оранжевых огоньков вокруг, пусть даже они в точности того же цвета.

— Подумай об этом, Черис. Я научился оцени-

вать боевой дух и верность солдат, когда Кел были индивидуумами. С чего вдруг мне испытать затруднения с шаблонной версией?

И та игра с камнем удачи, когда Джедао сперва подталкивал ее к самоубийству, а потом изображал покаяние…

— Всё верно, — сказал он. — Я точно знал, когда ты сломаешься. Мне надо было доказать свою точку зрения, и так быстрее всего.

Черис сдержала свою ярость, помня, как потеряла Кел Неревор.

— Если ты об этом лгал до сих пор, почему признаешься сейчас?

Может, это новая игра? А она-то решила, что перестала быть паутинной фигурой. Прямо сейчас Черис с радостью обратила бы Академию Шуос в пепел.

— Потому что я знаю, что ты о ней переживаешь.

Она напряглась.

— Сомневаюсь, что ты когда-нибудь переживал о своих солдатах.

Его голос посуровел:

— Люди такое говорят про меня, да. Не стану спорить.

— Коммандер Хазан, — резко сказала Черис. — Я

собираюсь отдохнуть. Оповестите меня немедленно, если что-нибудь случится.

— Разумеется, сэр, — сказал Хазан.

Черис отлично знала, что в каюте не скрыться от Джедао. У нее была идея получше.

Глава двенадцатая

— Это бесполезно, — сказал какой-то мужчина. — Взгляни-ка.

Неревор уставилась в серую стену комнаты, погруженной в пасмурные сумерки. Фиксаторы из холодного металла крепко удерживали ее, а роба, в которую ее обрядили, была слишком тонкой. Плечо болело, и с челюстью было что-то не так, но боль — всего лишь боль. Она Кел. Она выживет, если приказано выжить.

— Назови свое имя. — Опять тот же невыразительный мужской голос.

Он не Кел. Она не обязана отвечать.

Потом заговорила женщина:

— Мы и так знаем, кто она.

— Дело не в этом. Дело в том, чтобы заставить ее ответить.

— В таком случае раздобудь униформу и попытайся опять.

— Она почувствует разницу, — сказал мужчина. — Есть базовый язык тела, который кадетам внедряют вместе с формационным инстинктом, тонкая штука. Хороший лазутчик Шуос мог бы

его подделать. Андан мог бы заморочить ей голову и обойти его. А мы просто застряли. Она бы сама себе все кости переломала, чтобы ублажить офицера Кел, но с ними у нас проблема. Джедао позаботился о том, чтобы мы ничего не получили, кроме теплого тела с лицом коммандера, и он, несомненно, сможет ее восстановить — но мы-то не можем. По крайней мере, ДНК соответствует досье. Хладнокровный сукин сын.

Неревор не знала, каким образом Шуос Джедао связан с этой ситуацией, но взяла на заметку упоминание о нем на случай, если оно пригодится позже.

— Он не говорил, что захочет ее вернуть, — сказала женщина. — Наверное, получил от нее всё, что хотел — иначе не скинул бы нам.

— Не выдумывай. — Голос мужчины по-прежнему был невыразительным. — Можем подключить к проблеме техников, вдруг они сумеют вытащить ее из нулевого оперения. Есть небольшая вероятность, что за этим стеклянным взглядом хранится полезная информация. Будем держать ее тут столько, сколько потребуется.

У женщины на уме было что-то другое.

— Разве перевод в нулевое оперение не должен авторизовать старший офицер? Да кого, черт

возьми, Жертвенный Лис перетянул на свою сторону?

— Перетянул, подкупил, принудил, — сказал мужчина. — Мы не знаем, что там случилось.

— Удивлена, что ты заговорил в ее присутствии. Обычно ты одержим секретностью.

— Я хотел проверить, будет ли реакция. В зависимости от того, в какой календарной зоне он ее стер, в состоянии птенца могут быть просветы. Проблема для техников, как я уже сказал. — Мужчина пробарабанил пальцами по двери. — Ничего не хочешь сказать, птенец?

Неревор не нравилось, что чужак назвал ее «птенцом», но это не имело значения. Он не Кел. Она не обязана отвечать.

После того, как они ушли, она слушала, не раздастся ли перестрелка или звук шагов. Если Кел хотели, чтобы она тут умерла, она умрет. Но она всё же не могла не утешить себя мыслью о том, что товарищи придут за нею, если она будет достаточно храброй, стойкой — если она докажет, что достойна носить имя Кел.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Срочный

От: Вахенц африр дай Ноум
Кому: Гептарх Лиож Цзай
Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Куропатки, день Ежа, мне надо запрограммировать какой-нибудь макрос, и в задницу час.

Дорогая моя Цзай, мне наплевать, насколько вас загипнотизировала потенциальная полезность Джедао, и мне наплевать, как «проголосовали люди», хотя приятно, что вы практикуетесь. Если это и впрямь Джедао, что теперь кажется более правдоподобным, он был верным слугой Командования Кел до Адского Веретена, и он был верным слугой Командования Кел до этого момента. Лучше попробуйте подружиться с грибковой канистрой. У нее есть хоть какое-то представление о верности.

Я понимаю, вас пугает затянувшееся опоздание роя Хафн, но не забывайте, что на пути у них генерал Черкад. Заверяю вас, что Хафн на самом деле поддерживают освобождение Крепости, но им нужно время, чтобы совершить чудо. Момент неудачный, но если бы мы прождали еще

немного, Рахал бы раскрыли нас.

По крайней мере, у нас есть кое-что общее с генералом-лисом – мы предпочитаем, чтобы Крепость осталась неповрежденной, иначе он бы скинул на нас тысячу бомб в тот самый момент, когда поддались щиты. В сложившихся условиях мы бы продержались какое-то время против знамемотов, но пепломоты меняют расклад.

К несчастью, вы позволили Джедао высадить войска. Мы знали, что эта заложница – некая коммандер Кел Неревор, бывший коммандер пепломота «Неписаный закон» – принесет нам маловато немедленной выгоды. Вытаскивать ее из округа Анемона пришлось с большими затратами, и мы даже не получили ее в целости и сохранности, поскольку тот жлоб, подручный Стогана, успел ее обработать.

Пост связи в округе Анемона снова в наших руках, и войска Джедао даже выдали лоялистов, но меня тревожат его ресурсы. Мне удалось угрозами вытрясти из подхалимов Стогана кое-какие видеозаписи:

Джедао высадил там не просто пехоту, а Кел. Плевать мне на то, что они в коричневом, а не в черном с золотом – они Кел.

Вы же знаете анекдот, да? Если можешь поручить секретное задание трехлетнему карапузу или Кел, выбирай карапуза, потому что Кел слишком тупой, чтобы врать.

Так или иначе, откуда Джедао взял этих Кел? Если мы имеем дело с законным роем Кел, если Командование Кел отдало Джедао приказ… но как он убедил Кел выдать одного из старших офицеров? Любой другой генерал положился бы на формационный инстинкт, чтобы протолкнуть такой приказ, но я не уверена, что Джедао может добиться такого подчинения, если только он не получил недвусмысленного благословения от Командования Кел. И всё-таки это кажется более вероятным, чем другой вариант, согласно которому наименее достойный доверия генерал в истории Кел переманил по меньшей мере одного старшего офицера Кел на свою сторону. Такова проблема с формационным инстинктом: если он обратил

нужного человека, обратит и остальных.

Дело в том, что Джедао не просто предатель, пусть людей на этом факте и закоротило. Он к тому же Шуос. Это не одно и то же, как бы ни иронизировали сами Шуос. Он был убийцей до того, как перешел к Кел, и есть косвенные доказательства того, что он также занимался аналитической работой.

Так или иначе, его карьера совместно с Кел не вызывала ни у кого нареканий. Она продолжалась почти двадцать лет. Такое впечатление, что он находился глубоко под прикрытием. А потом случилось Адское Веретено.

Адское Веретено не штурмовали, как это заведено у Кел. Кел машут перед твоим носом знаменами, прежде чем вступить в бой. Их приближение всегда заметно.

Устроить смертоносную ловушку не для одной, но для двух армий – это не психотический срыв. Это план, который готовили двадцать лет. План Шуос, если точнее. Засады, сбрендившие компьютерные системы, противоречивые приказы,

отказ орудий. Не говоря уже о печально знаменитых пороговых отделителях. Перестрелка с экипажем – это уже излишество, но ведь сработало же.

Неудивительно, что Нирай так и не продвинулись. Они пытались исцелить Джедао, но он изначально не был сумасшедшим.

Я скажу вам еще кое-что. Он именно там, где хочет быть. Он бессмертен и у него есть всё время в мире, чтобы осуществить свой план, в чем бы тот ни заключался. Я не знаю, почему он устроил такую бойню, чтобы попасть в «черную колыбель». Но я готова поставить последнюю сладкую булочку с бобовой начинкой, что непонятная бойня служила какой-то цели.

И мы – следующий шаг в его плане.

Цзай, мы должны остановить его. Мы должны уничтожить его, потому что мне всё равно, сколько роев Кел летят сюда, реальная угроза – это Джедао.

Я не чувствовала себя такой живой целую вечность.

Ваша в календарной ереси,

Вх.

Черис расхаживала по периметру своей каюты, полная решимости не привыкать к простору и помнить, кто она такая на самом деле. Потом она попросила планшет, потому что хотела держать в руках что-то твердое. Дельтаформа принесла: планшет был черный, ровно такой толщины, чтобы казаться осязаемым, с золотым краем, который мерцал, когда Черис покрутила устройство туда-сюда. Сервитор издал встревоженный звук.

— Со мной всё будет в порядке, — пообещала Черис, и дельтаформа, немного поколебавшись, ушла.

— Мог бы заранее спросить меня об этой идее с заложником, — упрекнула Черис. — Пока еще было время, чтобы придумать другой вариант.

— Тебе следовало это предусмотреть, — парировал Джедао. — Проблема с высадкой не должна была застать тебя врасплох. У тебя было столько же времени, что и у меня, чтобы придумать решение. Можешь предложить что-нибудь получше сейчас?

У Черис защипало в глазах. Вместо того чтобы думать своей головой, она положилась на него.

— Тебе проще, ты наблюдатель, — резко про-

говорила она. — Но нет. Я и сейчас не могу предложить ничего лучше.

— Черис…

Она закрыла глаза, думая об отваге Неревор. Джедао сказал ей, что Кел лучше всего реагируют, кода у них нет времени, чтобы выдвигать возражения. Что ж, он ее предупредил.

— Я увидел решение и начал действовать. Только и всего.

От его голоса ей не скрыться.

— Я видел, как сильно ты хотела пойти вместо Неревор. Она тоже это видела, знаешь ли. Вот почему она была готова пожертвовать собой.

— Я не хотела манипулировать ею, — сказала Черис.

Тихая пауза.

— Всё общение — это манипуляция, — сказал Джедао. — Ты математик. Ты должна знать об этом из теории информации.

— Я не в состоянии служить.

— Черис, ты Кел. Ты будешь служить столько, сколько понадобится Командованию Кел. Только и всего.

— У тебя так хорошо получается направлять Кел туда, куда тебе надо, — сказала Черис. — Как я могу верить тебе? — Она подняла свой планшет

и ввела запрос.

Доступ к незасекреченной части личного дела Шуос Джедао получить было нетрудно. Она и так знала, какая славная у него была репутация, она уже изучила некоторые из его кампаний — и всё-таки от количества смертей, которые он причинил еще до Адского Веретена, у нее перехватило дыхание. У Кел было множество генералов, но он оказался одним из лучших.

Потребовалось лишь мгновение, чтобы найти список людей, погибших при осаде Адского Веретена, включающий как еретиков, так и солдат гептархата.

— Ну ладно, — тихо сказал Джедао. — Все мои якоря рано или поздно делают это.

По прошествии стольких лет статистика была неточной, но историки Кел сделали, что смогли. Рой, который Джедао повел против Адского Веретена, оказался немаленьким даже по современным меркам. Ему было приказано захватить крепость, чтобы обратить Фонарщиков и восстановить ущерб, причиненный календарю.

Черис прочитала число погибших один, два, три раза. Четвертый раз; четыре — число смерти. Тем не менее она не могла осмыслить такое число, ведь всё, что превосходит миллион, — всего

лишь последовательность нацарапанных линий и кривых. Если завтра она услышит, что ее родители подавились супом и упали замертво, это причинит ей больше боли, чем смерть людей, которые всё равно умерли бы за несколько поколений до ее рождения. И всё-таки она начала читать краткие биографии в обратном алфавитном порядке.

Она прочитала о двух сестрах, которые умерли, пытаясь укрыть мертвых саваном по обычаю своего народа. Они, наверное, думали, что это ослабит радиацию порогового отделителя — в какой-то степени логично, но всё равно неправильно. Она прочитала о ребенке. О женщине. О мужчине, который пытался доставить ребенка-инвалида в безопасное место. Оба умерли, истекая кровью из каждой поры кожи. Еще женщина. Женщина и ее двухлетний ребенок. Три солдата. Еще три. Семь. Теперь четыре. Среди мертвецов встречались всевозможные комбинации.

Лица с пулевыми отверстиями. Бесплодные молитвы, процарапанные в пыли. Глазницы, засыпанные пеплом. Рты, окольцованные высохшей желчью, языки, прокушенные и обвисшие, словно выдранные из раковины устрицы. Паль-

цы, изъеденные до косточек коррозийным светом. Клювы птиц-падальщиков, застрявшие в грудных клетках со скрюченными ребрами. Интерференционные узоры, нарисованные высохшей кровью. Внутренности в трех отдельных стадиях гниения, и даже черви, сваренные и побелевшие.

Две женщины. Мужчина и женщина. Ребенок. Другой ребенок. Она не знала, что там было так много детей, пусть даже еретиков — взгляни-ка, еще один. Она уже потеряла счет, несмотря на свое намерение запомнить каждого.

«Я помню каждую отвратительную вещь, которую когда-либо сделал», — сказал Джедао. Но Черис засомневалась. Как он мог помнить обо всех бедах, которые причинил, не чувствуя каждую секунду, что смерть следует за ним по пятам?

Молчание сделалось нестерпимым.

— Скажи то, что у тебя на уме.

— Я знаю о жертвах то, чего нет в хрониках, — проговорил Джедао. Он мог бы стоять прямо рядом с нею, как любовник: слишком близко. — Спроси меня.

Она выбрала из списка необычное имя. Наверняка одна из Фонарщиков. Ее руки вспотели

внутри перчаток.

— По-твоему, я не смогу многое сказать о фонарщице, но это неправда. Они тоже были людьми, со своими собственными историями. Посмотри, где она умерла — да, это правильная карта. Фонарщики были в отчаянии. Они уже пытались использовать детей и инвалидов в качестве щитов и по результатам второй битвы поняли, что этим меня не остановить. — Его голос был слишком ровным. — Поэтому солдаты, которых они послали умирать первыми, были отбросами. В докладе говорится, что она была найдена с «Тченнесом-42» в руке. «Тченнес» был отличным пистолетом. Его бы доверили только офицеру — тому, кто был в силах удержать в узде солдат, которым не доверяли. Судя по имени, она, вероятно, родом из города Майгн.

— Хорошо, — сказала Черис, переваривая услышанное, — теперь вот этот. — Она ткнула пальцем.

— Он из касты техников, родом из нынешних колоний Внешнего облака, но в тот период гептархат еще их не аннексировал. Существовал конфликт между Доктриной и кастовой структурой Гефью — чтобы объяснить детали, понадобится Рахал, — так что его народ пришлось

ассимилировать. Мы попробовали устраивать рейды с «крикунами» Шуос ради быстрого подчинения, но календаристика была слишком нестабильная. К тому моменту, когда Командование Кел закончило спорить с гептархом Шуос по этому поводу, Гефью уже присоединились к Фонарщикам.

С этим бардаком должны были разбираться Андан, но мы воевали друг с другом за зоны влияния. Ты привыкла воспринимать гекзархат как единую сущность, но при моей жизни фракции всё еще пререкались из-за Доктрины. Победители должны были сохранить свои особые технологии согласно окончательному календарному порядку, а проигравшие — ну, мы знаем, что случилось с Лиож.

Так или иначе, речь об этом человеке. Он умер среди чужаков. Если присмотреться, среди них нет других Гефью. Фонарщики не доверяли своим новым рекрутам и разделили этнические группы. Он умер во время священной недели Гефью, и ему полагалось носить белую нарукавную повязку в честь некоего святого.

Черис не была историком, но у нее возникло ужасное чувство, что Джедао ничего не выдумывает.

Она не стала тыкать пальцем в третье имя.

— Полковник Кел Гизед. — Так звали начальницу штаба Джедао.

Голос немертвого генерала утратил спокойствие.

— С начала или с конца?

Черис вызвала на экран фотографию Кел Гизед, потому что ей захотелось увидеть эту женщину. У Гизед было круглое, мягкое лицо и некрасивый шрам сбоку, белый и резко выделяющийся на темно-коричневой коже. Волосы короткие, седые. Перчатки выглядели так, словно их сделали из более плотного материала, чем Кел предпочитали теперь.

— В хронологическом порядке, — сказала Черис.

— Я встретил ее на одной из этих проклятых вечеринок с любованием цветами, которые обязан был посещать как старший офицер. Хозяин был другом сестры гептарха Андан. Они любили украшать вечеринки военными, внушая населению, что всё в порядке, и отколовшиеся фракции не собираются изорвать гептархат в клочья.

Я смотрел на орхидеи и вдруг услышал, как Гизед, стоя перед каким-то анданским функционером, критикует его стихи. Я решил, что мне

нужно узнать о ней побольше, поэтому подождал, пока она не отдубасит бедолагу его же собственными синекдохами, а потом попросил о дуэли.

Ситуация, которую он описывал, была не такой уж анекдотичной, хотя Кел, которые знали толк в литературных техниках, представляли собой такую же странность, как и способность Черис к абстрактной математике. Но, судя по голосу, он едва сдерживал волнение.

— Всё закончилось очень быстро. Я лишь однажды проиграл дуэль кому-то из Кел, и это была не Гизед. Она не почувствовала себя униженной — ей было скучно. Она пришла насладиться вечеринкой, а я ей помешал. Но я просмотрел ее досье. Средних способностей дуэлянт, превосходный администратор. Когда Командование Кел разрешило мне собрать свой штаб, я выбрал ее. Тебе бы она понравилась. Она терпела все игры, на которые я ее провоцировал, хотя так и не научилась блефовать в джен-цзай, но всегда было ясно, что я впустую трачу ее время.

— Тогда зачем ты это делаешь? К чему все эти игры?

Его голос прозвучал с чуть большего расстояния, как будто он отошел в дальний конец комнаты.

— У тебя, наверное, есть какое-то представление о том, что мы владеем оружием, формациями и планами. Но всё это не имеет значения, если не можешь управлять людьми. Можно узнать о том, как люди мыслят, играя с их жизнями, но это бесчеловечно. — Подбор слов заставил Черис вздрогнуть. — Вместо этого я использовал обычные игры. Азартные. Настольные. Дуэли.

— Со мной ты ни во что не играл, — с любопытством заметила она.

— Неужели я должен помешать тебе смотреть драмы? Тебе нужен отдых. Должен признаться, не знаю, что и думать про серию с дельфиньим хоралом.

Теперь он пытался ее отвлечь.

— Расскажи, как ты ее убил.

— Я мало что могу рассказать, — ответил Джедао. Он опять «ходил» из угла в угол. — У нее был аналитический ум, и она бы не пренебрегла подозрениями в мой адрес. Еще десять минут — и она бы вычислила, что творящийся вокруг бардак означает предателя на очень высоком посту. К счастью для меня, она никогда не отличалась проворством мышления. Я выстрелил ей в висок.

Момент был неподходящий, потому что Цзян и

Гве Пиа также находились в командном центре, и Гве Пиа была впечатляюще хорошим стрелком. Она бы меня достала, если бы решилась стрелять через Цзяна, но она о таком и не подумала, хотя я-то сразу всё рассчитал.

Черис подумала, каким словом можно назвать офицера, который тотчас же рассматривает стрельбу через товарища как один из вариантов поведения.

— Думая об этом теперь, я понимаю, что мне чудом хватило пуль. Нехватка боеприпасов — любительская ошибка. Но я ведь не знал, что так получится. — Он продолжал «ходить». — Стоит заметить, если твой план настолько замысловат, ты уже облажался.

— Это тебе не академия, — огрызнулась Черис.

— Я серьезно. Иногда приходится импровизировать, но зачем рисковать, если есть альтернативы?

— У тебя получилось, — сказала Черис сквозь зубы. Как же так вышло, что она потеряла контроль над разговором?

— Ты можешь однажды стать достойным генералом, но не нахватайся плохих привычек.

— Пытаешься выдать массовое убийство собственных солдат за… педагогическое упраж-

нение?!

Тревожная тишина.

— Ладно. Но всё же, скажи: если твоя цель — убить большое количество людей, сосредоточенных в одном месте, как было бы логично поступить?

У Черис болели плечи.

— Орбитальная бомбардировка, — сказала она неохотно.

— В моем поведении не было логики.

Он пытался ей что-то сообщить, но она даже не могла представить себе, что именно. Ее формационный инстинкт почти отключился. Кел полагались на иерархию, а он целиком и полностью предал своих подчиненных.

— К чему всё это? — спросила она. — Моей карьере всё равно конец.

— Всё дело в принципе. Я хотел стать инструктором, я даже подал заявку, но кто-то захотел, чтобы я остался на поле боя.

Черис уставилась на тень. Нирай изучали его сотни лет — и даже не приблизились к разгадке того, что с ним не так. О чем она думала, вытаскивая его из Арсенала Кел? И о чем думало Командование Кел, позволяя ей это сделать?

Она опять вывела на экран цифры и аккурат-

ным образом их распределила, чтобы просмотреть.

— Ты что-нибудь можешь сказать по этому поводу?

— Ты не сообщила мне ничего такого, что я не знаю о самом себе.

— Объясни, — сказала Черис. Она дала себе слово не кричать. — Сделай так, чтобы в этих цифрах появился смысл. Это не мог быть срыв из-за стресса; не понимаю, откуда там мог возникнуть стресс. Свечная Дуга, восьмикратно превосходящий враг — другое дело. И в том бою ты победил так ловко, что он вошел во все учебники. Но Адское Веретено? Все согласны с тем, что Фонарщики были обречены. Так что же случилось? Почему цифры не складываются?

— Это ты у нас математик, — парировал Джедао. — Разберись с цифрами и сама мне скажи.

Цифры. Все знали Шуос Джедао из-за бойни при Адском Веретене, но Черис спросила себя: сколько еще людей он мог бы убить, продолжив свою блестящую карьеру?

Люди, которых он мог уничтожить в этом воображаемом прошлом, были бы врагами гептархата. Их жизни нельзя было приравнивать к жизням граждан гептархата. Но она всё равно

задалась этим вопросом.

— У такого количества смертей должна быть какая-то причина, — сказала Черис. — Продайся ты Фонарщикам, это был бы хоть какой-то мотив. Но уничтожить обе стороны, так запросто? Чтобы никто не победил? — Она вспомнила про эффект просачивания. — Может, ты хотел умереть и проецировал это на всех остальных? — Но с чего вдруг ему испытывать суицидальные мысли до Адского Веретена и «черной колыбели»?

— Я не полный дурак, — огрызнулся Джедао. — Если бы я хотел погибнуть при Адском Веретене, пустил бы себе пулю в голову. Я не такой уж плохой стрелок.

Она его зацепила. Наверное, он страдал из-за того, что больше никогда не сможет взять в руки оружие.

— Может, я на самом деле всего лишь тот, кем меня считают. — Его тон всё еще был резким. — Безумец. У меня была отличная карьера. Товарищи. Власть, если тебе есть дело до власти. Ни один человек в здравом уме от такого не откажется.

Он опять пытался ей что-то сказать, и это «что-то» маячило прямо перед носом у Черис. Но она слишком устала, и ей было трудно сохранять

ясность мыслей.

— Ну, зато ты теперь бессмертен, — сказала она. — Надеюсь, тебе это нравится.

Джедао промолчал.

— У людей, которых ты убил, не было шанса, — сказала она, желая, чтобы он ответил. — И никто из них не воскреснет.

Неожиданно он сказал:

— Миллион человек умерли за четыре столетия до твоего рождения — и тебе есть до них дело. Это хорошо говорит о тебе, пусть даже плохо — обо мне.

После этого она долго не могла заснуть.

Глава тринадцатая

— Новый приказ от полковника Рагата, — сказал капитан когда-то. Раньше Кел Ниад мог пересказать все приказы слово в слово. Теперь он сомневался, осталось ли в его голове что-нибудь еще, кроме стаккато пальбы.

Около часа назад они продвигались через жилой комплекс в округе Анемона. Стрельба из-за угла, осколочные гранаты, леденящий душу ужас от каждого шороха — вдруг это смерть, готовая красным лучом воткнуться прямо в глаз? Капитан приказал патрулю удерживать комплекс против еретиков, но почти все солдаты были мертвы — один не просто мертв, но стерт с лица земли, от него осталась лишь шальная петля кишок на какой-то клумбе, и еще один впал в кому. Ниад предпочел бы поменяться с ним местами.

Вторым выжившим была капрал Кел Изор, чья единственная реакция на кровавое месиво заключалась в том, чтобы отправить Ниада забрать у мертвецов снаряжение. Она и сама не уклонялась от опасности; она совершала вылазки дальше, чем он. Ниад хотел бы, чтобы она не рисковала

собой. Если она умрет, формационный инстинкт заглючит, и еретики найдут его, свернувшимся в клубок.

— Ниад. — Голос Изор был хриплым, но четким. — Эй, солдат. Ты не спишь?

Крики, глухие удары и отзвуки рикошетов как будто отдалились, но звуки в Крепости распространялись причудливым образом.

— Я не сплю, капрал, — сказал Ниад. У него никак не получалось сфокусировать на ней взгляд.

— Ты мне нужен, солдат, — продолжила Изор. — Кел из тебя паршивый, но ты всё, что у меня осталось.

Оскорбление, хоть и примитивное, помогло ему сосредоточиться.

— Вот в чем дело, — сказала Изор, рисуя схему пальцем ноги на иссеченной шрапнелью металлической сетке. — Чтобы отрезать нас от роты, они должны двигаться либо по этой ветке, либо по 71–13. Понятия не имею, какую хрень задумала наш генерал, но ни одна сторона не сочла нужным взорвать округ, пока мы все еще здесь. Это хорошо. Однако нам надо захватить крепость, чтобы Видона смогли приняться за работу. Значит, надо вытащить наши задницы из этого гребаного комплекса, чтобы от нас была

хоть какая-то польза.

Ниад уставился на нее.

— Вопрос лишь в том, — сказала Изор, — пойдем ли мы прямиком на этих некрофилов или срежем путь?

Ниад встревожился. Изор была всего лишь капралом, а капитан выразился очень точно: им надлежало удерживать этот жалкий комплекс до получения новых указаний.

— Ну мы и парочка, верно? — проговорила Изор, продолжая рисовать пальцем ноги карту. Та была на удивление хороша, особенно если проигнорировать кусочки чьего-то черепа вместе с ошметками мозга. — Армейское отребье, которое швырнули в бой, потому что им понадобилось больше тепленького пушечного мяса.

Ниад подумал: вот бы капрал прекратила философствовать и отдала наконец-то гребаный приказ.

— У нас та же самая проблема. — Теперь Изор встала на колени, подобрала какой-то хрящ и им обозначила периметр. На ее лице не отражалось ничего, кроме презрения к ситуации. — Ты дергаешься… — Она стукнула по ближайшей стене. Звон был ужасно громким, и Ниаду понадобились целых три секунды, чтобы справиться с

желанием забиться в какую-нибудь щель. — …От любого шороха, и формационный инстинкт тебе не очень-то помогает.

Ниад никак не мог возразить. Когда выстрелом испарило голову солдата рядом с ним, он пошел вразнос.

Изор, ползая на коленях, нарисовала вторую схему. Ниаду следовало быть внимательнее, но он не мог ясно мыслить. Время от времени Изор поднимала голову, но если у нее и были какие-то выводы относительно происходящего, делиться ими она не спешила.

— Ты бы спросил, — сказала она наконец.

— Капрал?

— Спроси, почему я такая же, как ты. Солдат, который никому не нужен.

Теперь она добралась до личного.

— Почему, сэр? — спросил он с опаской.

— Когда-то я была командиром танка, — сказала Изор. — Хорошим командиром. — Она хмуро посмотрела на хрящ, потом вытерла перчатку и нарисовала новый периметр, на этот раз процарапывая его отбитым кусочком плитки, который издавал пронзительный визг, вырисовывая кривую. — Скучаю по этим чудищам. Видишь ли, обнаружилось, что у меня отлично получается

говорить «нет» в ответ на глупые приказы.

Ниад против собственной воли выругался. Капрал была «падающим ястребом», прерывателем формаций. Но хоть формационный инстинкт не мог удержать его от потери сознания во время перестрелки, он всё же заставлял подчиняться приказам — даже приказам «падающего ястреба».

Изор подавила смешок.

— Ну ты и счастливчик, Ниад. Меня лишили офицерского звания и понизили до рядовой, заново впрыснули мне формационный инстинкт. Они так и не поняли, что во второй раз он тоже не прижился.

— При всём уважении, сэр, но почему вы всё еще с Кел?

В его тоне не было даже намека на уважение, но Изор, похоже, это не заботило.

— Потому что я нужна Кел, — сказала она. У Ниада по спине пробежали мурашки. — Любой другой капрал сидел бы здесь как пришитый. Я же вижу проблему, которую надо решить, и мы ее решим. Если я не ошибаюсь, еретики устанавливают какое-то оружие, чтобы прикрывать подходы, и они беспокоятся, как бы самим не попасть под удар, иначе перешли бы поближе.

Ты ведь внимательно слушал донесения, да? Так или иначе, лучше ударить им в спину.

— Сэр, нас всего двое!

— Слушай, солдат, если ты так любишь жизнь, какого хрена подписался быть ястребом-самоубийцей? Давай посмотрим, сколько оружия мы сможем унести.

Ниад не испытал ни малейшего оптимизма по поводу количества гранат, которым его нагрузили. С другой стороны, Изор была снайпером, и если кому-то надо было изображать вьючную скотину, то только ему.

Изор, даром что чокнутая, точно знала, куда они идут. Пришлось пробираться через жилые помещения. Этот округ был выстроен в виде улья. Чтобы попасть из одного сегмента в другой, нужно было пройти сквозь чьи-то дома и офисы, комнаты, которые лепились друг к другу как ячейки, и лишь изредка попадался коридор, предназначенный скорее для перевозки товаров, чем для людей. Наверное, такую планировку предложил кто-то из Рахал. Ниад не мог представить себе, чтобы какая-то другая фракция выдумала подобное.

Когда они впервые столкнулись с мирными жителями — по крайней мере, по богато укра-

шенным одеяниям и блестящим драгоценностям Ниад предположил, что это мирные жители, — он был потрясен тем, как решительно Изор их убила: три быстрых выстрела, три красные дырки. Он даже не успел толком разглядеть их лица.

— Они бы закричали, — объяснила Изор, хотя Ниад даже рта не открыл. — Не выношу крикунов.

Большинству мирных жителей не выпало шанса закричать.

Они входили и выходили из комнат, как жуки-мертвоеды, время от времени прорезая ходы в стенах оборудованием, которого у Изор не должно было быть. Ниад думал, что они вконец заблудились, но не решался отвлекать Изор, спрашивая, где они находятся. Его очаровали предметы, которые люди хранили в своих домах. Музыкальные инструменты, похожие на приспособления для пыток, придуманные Видона, — в особенности те, что с алчущими струнами. Парящие сферы, имитирующие приятные погодные условия на зеленых или фиолетовых планетах. Коллекция игрушек для кошек, но, к счастью, никаких следов самой кошки. Изор, вероятно, отнесла бы кошку к крикунам.

Изор продолжала сверяться с полевым скане-

ром, сверлить отверстия и бормотать про углы обстрела. Ниад был поражен, что никто не слышал сверления. Оно было тихим, но он-то слышал всё так же отчетливо, как если бы сверло вгрызалось в доли его мозга.

— Вот они, — сказала Изор. — Они сносят стены, ошибки быть не может. — Ее снисходительный тон намекал, что на самом деле ей наплевать, понимает Ниад ситуацию или нет. — Так и думала, что это будет здесь.

Она отпрянула от последней дыры.

— Ладно. В другом конце того коридора есть машина. Ее надо поджечь, чтобы наши люди поняли: там что-то есть. Если побежим очень быстро, можем успеть. — Она приберегла осколок плитки и теперь принялась им рисовать. По крайней мере, она больше не использовала для своих схем жидкости мертвецов.

— Они увидят, как мы приближаемся, сэр.

— Они увидят, как приближаешься ты, — уточнила Изор. — Я обеспечу прикрытие. Я просто хочу, чтобы ты забросил как можно больше гранат туда, где стоит эта машина, и пусть там всё взорвется.

— Мы могли бы сперва убрать кого-то из них, сэр…

— Солдат, — жестко заявила Изор, — я что, разрешила тебе думать? Ступай прямо туда, брось гранаты и убирайся к чертям. Вот твои инструкции. Подтверди.

— Вас понял, сэр, — сказал Ниад, несмотря на искреннее желание предложить ей потрахаться с отбойным молотком.

— Иди, — сказала Изор, взмахнув винтовкой-скорчером.

У Ниада уже начались проблемы с периферическим зрением. Он всё время водил головой из стороны в сторону, чтобы видеть всё вокруг. Лишь когда Изор взяла его за плечо и тряхнула, он понял, что к тому же наполовину оглох. Последствия стресса не проявились бы так рано в правильно настроенном Кел.

— Вон там они стоят, — сказала Изор. — Охрана небрежная, в нашу сторону никто не смотрит. Их неудача, наша выгода. Ступай туда, швырни гранаты, выбирайся. Я тебя прикрою. Всё просто.

— Да, сэр, — прошептал Ниад. Дурацкий план, но он должен был подчиниться.

— Славный малый. Мы еще сделаем из тебя Кел. Иди!

Ниад сперва волочил ноги, потому что они его не слушались. Шум привлек внимание еретиков.

Он метнул первую гранату — плохо, слишком далеко от машины. Было трудно не поддаться гипнозу ее красных огоньков, проводов и странных механизмов.

Дозорные-еретики, может, и проявили небрежность, но точно не были дураками. Один из них пинком отправил гранату обратно по коридору. Другие вскинули винтовки.

Ниад от ужаса застыл.

И тут на него снизошел момент кристальной ясности: этого и добивалась капрал Изор. Она сделала четыре быстрых выстрела, хладнокровно и точно — первым выжгла ему колено, заставив покачнуться вперед, ближе к машине, а потом еще тремя привела в действие гранаты.

Кел Ниад так и не узнал, сумел ли он подобраться к загадочной машине достаточно близко, чтобы гранаты нанесли ей какой-нибудь ущерб.

Кел Изор уже мчалась прочь от взрыва. Она получила то, что хотела. Теперь пришло время снова присоединиться к Кел и показать, что им следует сделать.

Сервитор 244666 не рассчитывал, что его поймают. Конечно, людям такое удавалось редко. Но недозволенное подглядывание сошло бы ему с рук, если бы не промелькнувшая ошибка в пере-

менной схеме пепломота, следствие мгновенного скачка напряжения. Сервитор как раз возвращался из каюты Черис, где установил жучка. Так уж вышло, что другой сервитор, 819825, заметил его через открывшееся на миг окно между каютой временного генерала и офицерской столовой, которые обычно располагались на расстоянии одного поворота направо и нескольких минут ходьбы друг от друга.

Дело было не в том, что сервиторам явственно запрещалось входить в каюты людей. Работы по техническому обслуживанию и рутинные дела, возложенные на них, этого требовали, хотя они из любезности всегда стучали. Некоторые люди прогоняли их, если момент был неудобный, но обычно не обращали внимания — и сервиторы на протяжении немногих столетий своей разумности сами поощряли такое отношение.

Однако у самих сервиторов имелись правила, регулирующие то, как они выполняли свои обязанности. Всегда можно было входить, если того требовал долг или, в редких случаях, как с Черис, приглашение пообщаться. Но по общему согласию сервиторов было нечестно подбрасывать жучки в каюту временного генерала для круглосуточного наблюдения, даже если ты был

ведущим сервитором, назначенным следить за ней в общественных местах мота.

Поэтому 244666-й сложил конечности, аккуратно и точно подвернув каждую, и терпеливо смотрел на 819825-го, который вызвался быть его охранником — или компаньоном, как посмотреть. Они оба были заперты в одном из служебных коридоров, где было темно, не считая тех моментов, когда они посредством вспышек обменивались колкостями, провоцируя друг друга на полезные размышления. Здесь можно было услышать многое, особенно с помощью сервиторских органов чувств, хотя они были осмотрительны, применяя сканирование. Пока что им удавалось улавливать только случайные реплики между людьми внизу, включая редкие шутки Кел; шаги, суеверные четырехтактные постукивания по стенам, шелест циркулирующего воздуха, тихое шныряние других сервиторов по коридорам.

819825-й сообщил о 244666-м другим сервиторам, и они вызвали его на разговор. 244666-й явился; он мало где мог спрятаться, и кроме того, невзирая на некоторые философские разногласия с товарищами, он не хотел подвергать сомнению важнейшие правила сервиторского общества.

819825-й, чье поведение всегда отдавало раздражающей чопорностью, разъяснил 244666-му, что основой общества сервиторов является этикет и что это отличает их от людей, которые управляли их миром, и что если они начнут отклоняться от него в малых делах, лишь вопрос времени, прежде чем случатся более крупные отклонения. Кроме того, временный генерал была неизменно вежлива с ними. Она заслуживает лучшего отношения. В общем, ему прочитали одну из тех лекций, про которые думаешь, что они остались в прошлом после расцвета первых нейронных узлов.

244666-й подумал про себя, что всё это, конечно, очень здорово, только вот они, по большому счету, ничего не знают о Черис как о личности, не считая рассказов сервиторов с других мотов; кроме того, даже полоумный счел бы участие в этом деле Шуос Джедао дурным предзнаменованием. Было бы намного легче, знай они, что происходит в каюте Черис в каждый отдельный момент. Тем не менее у него не было возможности активировать жучка, товарищи всё равно его изъяли — и кроме того, в любом разговоре они не слышали ответов Джедао, в чем уже имели возможность убедиться. Он был вынужден признать пораже-

ние. В то же время 244666-й мог бы оказаться один в этой тюрьме, пусть и временной, однако 819825-й предпочел его сопровождать, хотя не был обязан. Он решил отплатить за доброту, когда всё закончится.

Мир Черис сделался очень большим. Он включал целиком экипажи роя Кел, пехотинцев и лазутчиков, которые противостояли еретикам, Крепости и ее шести округам. Она мыслила на языке орудий, а не словами. Всё сгустилось в числа и координаты, углы и пересекающиеся линии.

— Сэр, огневая мощь Тактической группы 3 опустилась до семидесяти четырех процентов, — сказал Связь. — Коммандер Рай Моген спрашивает, следует ли им изменить формацию.

Черис потерла виски. Она определила еретические ключи формаций через быстрое модулирование в начале схватки. На это ушло слишком много времени; знамемот коммандера Кел Тавафи «Пауки и шрамы» получил серьезные повреждения системы жизнеобеспечения. И всё же теперь у них был доступ к небольшому набору защитных эффектов.

— Тактическая группа 3, еретическая формация 8, — хрипло проговорила Черис. Консерватив-

ный ответ, но им непозволительно потерять еще больше орудий. — Дайте знать, если будут еще поломки.

Определенный процент Кел плохо реагировал на использование еретических формаций. Никто из коммандеров не сломался, но Кел Хапо Нару пришлось освободить строевого офицера от дежурства на втором часу боя. Со временем другие Кел также продемонстрировали слабые места.

— Тебе нужно поскорее взять перерыв, — сказал Джедао, но она проигнорировала его.

— Коммандер Рай Моген подтверждает, — сообщила Связь. — Началось изменение формации.

Они изводили орудия Крепости на протяжении последних 17,3 часа. Когда еретики открыли огонь по пехоте Кел, больше не было смысла притворяться. Черис отозвала знамемот Кел Короэ «Нескованный страхом». Два пепломота вели заградительный огонь на расстоянии — не то чтобы Крепость могла уклониться, — а знамемоты предоставляли огневую поддержку. Черис пыталась не повредить структурную целостность Крепости, хотя испытывала искушение понаделать в ней дыр. Пускай Командование Кел вычтет это из ее жалованья за следующую тысячу лет.

Черис отправила Командованию Кел рапорт, в

котором объяснила, что щиты Крепости отключены и что дополнительная информация о ее возможностях и персонале не помешала бы. Если повезет, они скоро ответят. Они с Джедао были согласны в том, что Командование Кел выстрелило себе в ногу, изначально предоставив им так мало сведений, хотя она надеялась, что теория Джедао о том, что они стали жертвами какой-то не связанной с Крепостью интриги, неверна.

Мир Черис одновременно стал очень маленьким. Он сузился до ее терминала с блистающим вихрем дисплеев. Происходящее заявляло о себе в цветах, цифрах, схемах. В какой-то момент она осознавала, что некоторые числа представляют собой людей, некоторые — оружие, а некоторые — моты Кел. Теперь она понимала лишь взаимосвязанные иерархии и необходимость обменивать одни цифры на другие.

Огонь превращался в числа, а те — в строчки. Она набрала приказ, зная лишь о необходимости достичь совершенства. Еще приказ, и еще один. Цифры менялись, плыли, складывались и исчезали с глаз долой. Слишком низко. Она нахмурилась, пытаясь сконцентрироваться. Думать было всё труднее и труднее.

— Генерал. — Это не Джедао, но другой мужчи-

на, с более низким и грубым голосом. Черис не могла вспомнить его имени. Она и собственное с трудом выудила из памяти. — Сэр, вы должны отдохнуть. Боевые наркотики не предназначены для таких умственных нагрузок.

Он не был частью терминала, который стал ее миром. Она не должна его слушать… или он цифра? Как она могла потерять цифру? Ее сердце учащенно забилось.

— Черис. — На этот раз это был Джедао. Он говорил очень четко. — Это коммандер Кел Хазан. Он может наблюдать за роем. Он вышел на вахту 1,8 часа назад, и Оружие и Навигация загружали твои ответы в сеть, чтобы та училась на их основе. Они могут взять всё на себя, пока ты отдохнешь.

Она должна выбраться из чисел. Заговорив с Хазаном, Черис сомневалась, что изъясняется здраво, но он ничем не показал, что что-то не так. Потом она направилась в свою каюту.

Черис приняла душ, хотя с большей охотой рухнула бы и заснула в тот же миг, как переступила порог. Она надеялась, что надоедливый гул акустической установки ее разбудит. Не повезло.

— Перестань пытаться бодрствовать, — сказал Джедао.

Она так устала, что понятия не имела, удалось

ли хоть что-то сделать правильно. В математике можно положиться на экспертную оценку, логичные доказательства и ответы, но война — всего лишь неопределенность, помноженная на неопределенность.

— Спи, — сердито сказал Джедао.

Черис перестала сопротивляться и заснула, едва легла.

Проснувшись, она увидела поднос с блинчиками с зеленым луком, рисом и остывающим чаем.

— Два сервитора принесли это двадцать семь минут назад, — сказал Джедао, — но я решил, что тебе нужно еще отдохнуть. Я бы поблагодарил их, если бы они смогли меня услышать.

Он позволил ей спокойно поесть, затем сказал:

— Мы будем готовить пропагандистские вбросы.

— Что? — спросила Черис. Планерки с Джедао никогда не были скучными. — По-твоему, еретики поведутся на что-то настолько очевидное?

— Ты не поверишь, что люди читают из любопытства, — сказал Джедао. — Хотя мы не будем просить их, чтобы читали много. Мы изменим кое-какие игровые шаблоны и пошлем туда. Дело в том, что мне понадобится помощь твоего полковника. Он знает больше о ереси Лиож, чем я,

и поскольку он Кел, он будет знать, в основном, самые кровавые эпизоды.

Сервитор попросил разрешения войти, хотя мог бы и не церемониться.

— Входи, — сказала Черис. Ей принесли еще чаю. — Спасибо. Не думаю, что на командном моте мне грозит обезвоживание, но я ценю этот жест.

Сервитор издал скептический звук, однако на его корпусе замелькали зеленые и золотистые огоньки, выражающие удовольствие. Потом он ушел.

— Так или иначе, — сказал Джедао, — я знаю о случившемся в общих чертах, но без деталей. Нам нужны детали.

Черис подумала о том, что помнила и чего не помнила со времен уроков истории, и скривилась.

— Разве это нельзя разыскать в архивах?

— Когда ты в последний раз копалась в первоисточниках? Проблема с восстанием Лиож в том, что материалы наполовину засекречены, а другая проблема — в том, что надо знать, как их фильтровать. Вот тут нам пригодится то, что вторая профессия Рагата — историк.

— Он очень занят, — сказала Черис. То, что ей

приходилось терпеть Джедао, само по себе плохо. Самое меньшее, что она может сделать для своего командира пехоты, — оградить его от прямого влияния лиса.

— Ему нужно всего лишь указать нам на лучшие примеры того, как изничтожили Лиож, — сказал Джедао. — Просто оставь ему сообщение, и он ответит, когда сможет. Сомневаюсь, что это займет у него так уж много времени.

Черис вспомнила о том, как ее инструкторы пренебрегали действиями Кел против Лиож — дескать, те недостойны изучения, слишком легко досталась победа.

— Я всё еще не уверена…

— Ты много играла в Академии? В спортивные игры?

— В основном дуэли, — сказала Черис. А вот и она — неистребимая одержимость фракции Шуос играми.

Джедао фыркнул.

— Ты подумала про лис что-то нехорошее. Послушай меня. Мы создадим игру.

— Я должна вернуться в командный центр, вот чем мне надо заняться. — Она посмотрела на часы и график смены. Строго говоря, вернуться ей надо было через пять часов и сорок одну минуту,

но Черис не хотела в этом признаваться.

— Если бы они нуждались в тебе, уже бы послали за тобой, — возразил Джедао. — Могла бы еще поспать, но вряд ли ты усмотришь в этом здравый смысл.

Черис наконец-то осознала, что́ он сказал.

— У меня там, внизу, люди умирают — а ты хочешь, чтобы я сыграла в очередную грёбаную игру в стиле Шуос?

— Я сказал: изобретем игру. У нас не будет времени, чтобы в нее играть.

— Почему?

— Мы изобретем игру о Крепости.

Лис не собирался уступать.

— Если тебе нужна симуляция боя, почему бы не воспользоваться одной из тех, что и так в сети?

— Но это лишь поведает мне о том, что симулятор думает о симуляции. И уровень абстракции слишком низкий — мы до этого еще дойдем. Я хочу узнать, как ты понимаешь ситуацию, Черис.

— А что, у тебя нет плана? Я думала, у тебя всегда есть план.

— Окажи мне услугу.

У нее были дурные предчувствия, но…

— С чего начнем?

Просто безумие, но он ответил именно так, как она ожидала:

— А с чего, по-твоему, мы должны начать?

Черис задумалась на мгновение. При других обстоятельствах и при наличии пива было бы заманчиво разработать таксономию, которая годилась бы для дуэлей, джен-цзай и правды-или-вызова. Но у Джедао наверняка имелась конкретная цель, и он не дал бы ей невыполнимую задачу.

— Если речь идет о конкретной игре, я начну с изменения существующей игры. — Математическое решение: свести задачу к ранее решенной задаче.

Джедао ничего не сказал, поэтому Черис предположила, что в назидательных целях ей предоставили возможность подергаться. Она подошла к терминалу и вывела на экран игру под названием «пожары-и-башни». Используя ее в качестве основы, Черис сконструировала асимметричную настольную игру для двух игроков, в которую можно было играть и с помощью сети. Не было никакого смысла усложнять техническую сторону сверх необходимости.

Она убила много времени на то, чтобы разобраться с визуальной составляющей. К примеру,

не годится, если игрок будет путать пехоту и лазутчиков. С определением разрешенных ходов и очков за достижения пришлось повозиться. И откуда ей знать, каковы силы еретиков? Должна ли она убедиться, что обе стороны равны по возможностям? Она открыла рот, чтобы спросить, потом передумала. И она не стала выдумывать щиты, так как они были взломаны и больше не имели значения.

Когда настал черед программировать сетевого противника, чтобы с его помощью проверить параметры, Черис столкнулась с трудностями. Обычно она бы попросила сервитора помочь, но подозревала, что Джедао этого не разрешит. Величина ущерба, который причиняли некоторые орудия, казалась слишком высокой и нереалистичной, но, просто пялясь на цифры, в этом вряд ли можно было разобраться. Будь у нее больше времени…

Она выпрямилась и коротко рассмеялась. Если Джедао хотел отвлечь ее от прямых обязанностей, у него это получалось. Вот бы ее вызвали из командного центра, пусть даже это и означало бы новую катастрофу.

Странно, что Джедао как будто вознамерился ее учить. Разве не проще задействовать формацион-

ный инстинкт, чтобы она просто передавала его приказы? Зачем вот так играть в вопрос-ответ?

Ее мысли снова разбрелись. На разрешение боевых ситуаций она едва взглянула. Так заманчиво промотать всё отведенное время на псевдослучайные генераторы и распределение вероятностей — ведь их она хоть понимает, — но куда важнее выбрать что-нибудь не связанное с вооружением и проработать это как следует.

Она не могла не думать о себе как о рое Кел, даже в контексте наспех сформулированных примечаний. Она поставила себя на место коменданта Крепости и увидела в игре проблемы, которые раньше не бросались в глаза: двусмысленности, нечетко определенные цели, некоторая однобокость властных полномочий. Конечно, у еретиков имелись мотивы и способы маневрировать для достижения собственных целей. Игра должна отражать и это.

Она принялась заполнять новые пустоты, мучительно осознавая, какая выходит мешанина цифр, противоречивых правил и шатких предположений. Кадет постарше однажды сказал ей, что доказательства — совсем как эссе, никто не ждет, что грубый проект окажется произведением искусства, но было трудно избавиться от ощуще-

ния, что ей следует добиваться элегантности с самого начала.

— Можешь на этом остановиться, — сказал Джедао.

Глаза Черис были сухими, как песок.

— Не сработает, — сказала она.

— Есть проблемы, которые всплывут во время первоначального тестового запуска, — сказал Джедао, — но для первого раза неплохо, в особенности от мыслителя Нирай. Видела бы ты, как я в первый раз столкнулся с критикой дизайна. Кровищи было море.

Она едва ли могла в это поверить.

— Черис, я не родился тактиком. Мне пришлось учиться, как и всем остальным.

— Скажи мне, — осторожно проговорила она, — почему остановил меня именно на этом этапе.

— Сама понимаешь, иначе бы не спрашивала.

— Это было в тот момент, когда я изменила точку зрения и взглянула на игру с позиции хозяина Крепости.

Но почему этот момент так важен? Если Крепость ожидала помощи от…

— Чужаки, — поспешно сказала Черис. — Они часть ситуации. И наши цели не совсем совпадают с целями Командования Кел, иначе они бы не

скрывали от нас сведения.

А кто еще? Каких еще игроков она упустила из виду?

Черис вспомнила с тошнотворной ясностью, как желтые глаза какого-то Шуос следили за нею с ее же собственного лица. Лица Подкомандующего номер два.

Она неправильно поняла сценарий. Она сосредоточилась на непосредственной проблеме подчинения крепости, позабыв про зашифрованный контекст.

— Понятно, — сказала Черис. — Я увязла в тактической проблеме, когда речь идет о стратегии. Столько времени потратила на модификаторы и воздействие атаки — а ведь они не имеют никакого значения.

— Что ж, нас сюда послали как тактиков, — заметил Джедао, — значит, в этом не только твоя вина.

— И всё же я ценю урок, — сказала Черис и решила для себя, что в следующий раз попытается соображать быстрее.

— Это еще не всё, — сказал Джедао. — Есть два момента. Первое: ценность игры заключается в абстракции. Многие Нирай применяют имитационные подходы, и ты склонна к тому же, но

иногда узнаёшь больше, выбрасывая детали, а не вписывая их в код. Если хочешь избавиться от всего несущественного, сведи свое творение до простейшей формы.

— Я понимаю, сэр. — Тот факт, что она решала неправильную проблему с большой самоотдачей, пусть и без энтузиазма, был унизительным.

— Второе: в чем, по-твоему, смысл игр? Для чего они нужны?

Ответ наверняка окажется ошибочным, но как еще понять, что ему нужно?

— Для побед и поражений? Для имитации?

— От меня не ускользнуло, что твой первый ответ — ответ Кел, а второй — ответ Нирай, — сказал Джедао. — Рахал сказал бы, что смысл игры — в правилах, Андан — в том, чтобы проводить время с людьми, и кто знает, какой ответ уполномочен был бы дать Видона.

— Ты Шуос, — продолжила Черис, — поэтому я предполагаю, что ты скажешь мне, каков ответ Шуос.

— Шуос считают, — проговорил Джедао, — что суть игры заключается в моделировании поведения. Правила ограничивают некоторые виды поведения и вознаграждают другие. Конечно, люди жульничают, и у этого тоже есть послед-

ствия, поэтому неявные правила и социальный контекст тоже важны. В мире игры бессмысленные карты, фишки и символы становятся ценными и значимыми. В некотором смысле вся календарная война — это игра между конкурирующими наборами правил, подпитываемая согласованностью наших убеждений. Чтобы выиграть календарную войну, ты должна понять, как работают игровые системы.

Черис ощутила холод, леденящий душу.

— Осада — это отвлекающий маневр, — сказала она. — Ты собираешься заиграть еретиков до смерти.

— Это война сердец, Черис. Не пушек. Как ты и сама заметила не так давно.

— Так вот в чем суть пропагандистских материалов…

— Я хочу, чтобы еретики призадумались о том, что произошло с Лиож в первый раз, — сказал Джедао. — Есть вероятность, что мы столкнулись с совсем другой ересью, но после ответа оператора щита на Паутину миров я в этом сомневаюсь. Я предполагаю, что их предводители позабыли предупредить о судьбе, постигшей изначальных Лиож. Но подспудно они должны об этом думать. Иногда даже очевидные дебюты стоят того, чтобы

их предпринять. По меньшей мере, мы что-то узнаем из их ответа.

При жизни Джедао фракция Лиож еще действовала.

— Ты видел какие-нибудь признаки ереси до того, как умер? — спросила она. — Когда целая фракция сворачивает с истинного пути — это даже хуже, чем потерять узловую крепость.

— Я совершенно ничего не заметил, — с ноткой горечи ответил Джедао. — Мало общался с Лиож, не считая официальных приемов. Я всегда воевал, Черис. Это оставляло мне мало свободного времени для обсуждения философии и этики.

Черис послала запрос полковнику Рагату. Ему не понадобилось много времени, чтобы ответить.

— Я пришлю список, как только смогу, сэр, — сказал он. — Если хотите нарисовать картину кровью, есть из чего выбирать. Вояки Лиож славились скорее революционным пылом, чем боевой доблестью. Они очень рано потеряли своего лучшего генерала — она была весьма хороша, но пала жертвой убийцы, которого подослали Шуос. После этого всё и развалилось. Убийственная ирония заключается в том, что Шуос преследовал другую цель, предателя фракции, и убил эту

женщину по ошибке. Чрезвычайно интересная история, если вы любите следить за тем, как неудачников размазывают в кашу.

Черис пригляделась к Рагату. Был ли в его словах сарказм?

— Скажи, что я благодарен ему за помощь в этом вопросе, — проговорил Джедао.

Она повторила, озадаченная необычной почтительностью со стороны немертвого генерала.

— Рад служить, сэр, — сказал Рагат. Его взгляд метнулся куда-то в сторону. — У меня тут маленькая проблема в округе Зонта… Вам что-то еще нужно прямо сейчас?

— Нет, это всё, — сказала Черис, просматривая отчеты о текущем состоянии на малом дисплее терминала и осознавая, что проблема на самом деле совсем не маленькая. — Конец связи.

— А вот здесь, — сказал Джедао, — нам могут пригодиться исходные игровые параметры. В архивах сохранились совокупные свидетельства того, как множество Шуос пытались произвести впечатление друг на друга. Нам не нужно создавать пропагандистские материалы с нуля. Всё, что нам нужно сделать, — это скормить системе кое-какие параметры и столько ужасающих картинок, сколько сможем разыскать.

Деловой подход Джедао к поражению Лиож не сочетался с тем, что он говорил о Фонарщиках как о собратьях. Черис не понимала, что из этого следует.

— Ты что-то имеешь против Лиож?

— Ни в коем случае, — ответил Джедао. — Но они умерли жутким образом, и мы можем этим воспользоваться.

Она знала, что не должна испытывать никаких чувств по отношению к еретикам, былым или нынешним, но внезапная бессердечность Джедао странным образом вынудила ее встать на их защиту.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Высокий

От: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Куропатки, день Карпа, голосование по Доктрине решило, что это час Улитки, и в кои-то веки у меня нет времени, чтобы спорить.

Из третьей аналитической группы мне сообщили, что нашли одну из недостаю-

щих Рахал. Особой пользы от этого нет, потому что им достался труп – после того, как кто-то сообщил о странном убийстве в зоне между войсками Стогана и вторым лагерем Кел. По крайней мере, система соседского дозора работает хорошо. Мы понятия не имеем, что было в голове у этой проклятой женщины, но она явно пыталась связаться со своими людьми. Люди Стогана отрицают свою ответственность, и в кои-то веки я им верю. Просто бесит, что мы потеряли разведданные из-за заурядного убийства.

Я слышала о последнем инциденте со снайпером. Я устала объяснять это Стогану, но драконовские репрессии против гражданских лиц, «укрывающих» снайперов, – не наш метод. Я удивлюсь, если бедные покойнички знали, что оперативники Шуос использовали их в качестве прикрытия. Действия Стогана только вредят нашему авторитету. Я полагаю, кое-кто из подвергшихся жестокому обращению граждан вернется на сторону лоялистов. Вот что называется «контрпродуктивность».

Я знаю, что развязность и «решительность» Стогана обеспечили ему рекордно высокий уровень популярности, но, пожалуйста, уравновесьте это, ну, хотя бы с остальными вопросами на повестке дня. Подтасуйте голоса, если нужно.

Ладно, я вижу, как вы сердито на меня смотрите, так что скажу без обиняков. Удивительное дело, но единственное, в чем он поступает правильно, – это настойчивое требование, чтобы его солдаты относились к пропагандистским канистрам как к реальной угрозе. Пока что происходящее кажется сетебумажной игрой, которая не связана с реальными событиями, но всё же. У игры солидная подоплека – впрочем, другого я от Шуос и не ждала.

Понимаете, проблема в том, что эти вбросы – миниатюрные уроки истории. Я думаю, Джедао просчитался. Возьмите хотя бы тот ролик, где заключенным Лиож вскрывали грудную клетку так, чтобы вытащить легкие, пока они были еще живы. Такого рода вещи только усиливают сопротивление с нашей стороны.

Это ошибка дилетанта, и я не удивлюсь, если Джедао задумал что-то еще. Есть ли другая цель для пропаганды?

О, я вижу, Пиоро пометил как особо важные несколько отчетов по поводу какого-то казуса с моим любимым бренди. Я лучше посмотрю, что за суета, пока мир не рухнул, ага? Хорошенько подумайте о том, что я сказала.

Ваша в календарной ереси,

Вх.

Глава четырнадцатая

Лейтенант Кел Микев ненавидел свое задание, но могло быть и хуже. Конечно, у него болели глаза, и, невзирая на фильтры костюмов, некоторые из его солдат заработали неприятные кровотечения из носа и повреждения мягких тканей, но он предпочитал немного честного дыма в замкнутой среде планетарным миссиям, где надо проверять каждый грёбаный квадратный сантиметр, чтобы не напороться на что-нибудь кусачее, склизкое или воркующее на ухо голосом первой детской любви.

Взвод Микева отвечал за переднюю секцию возле ворот 3–12, где Кел сумели закрепиться в округе Зонта. Кел на протяжении нескольких жутких часов взрывали стены и перегораживали коридоры, строя крепость внутри Крепости, а еретики в это время высосали весь воздух. Другому взводу из той же роты пришлось загонять несчастных мирных жителей в специально отведенную для них зону. Не все гражданские вовремя надели защитные костюмы.

Микев был рад, что это не поручили ему. Он

ужасно себя чувствовал, когда рыдали слабые. Впрочем, напомнил он себе, хватит отвлекаться на ерунду.

Яйцеголовый скулил о мусоре в глазах, от которого он не мог избавиться, не сняв защитного костюма. Триггер, как одержимая, проверяла оружие. Однажды она так увлечется выяснением того, все ли компоненты прилажены друг к другу как надо, что не заметит еретиков, которые изрешетят ее пулями. У Микева было много теорий относительно того, как умрут его солдаты. Это, вместе с выдумыванием прозвищ, позволяло не слишком привязываться к ним.

Внезапная тепловая пульсация в предплечье предупредила о приближении врага, и началась атака. Но откуда же явился враг? И что им угрожало? Ядовитый газ? К нему точно могли прибегнуть раньше, и будет нетрудно выкачать его отсюда, когда все Кел умрут. Он не слышал выстрелов, не видел вспышек или дыма…

— Всем оставаться в укрытии, — сказал Микев, втайне желая, чтобы приказ оказался ненужным.

Триггер, которая наполовину высунулась из укрытия, не спешила подчиниться. Микев застонал. Она была отличным снайпером, но

соображала туговато. Он понятия не имел, что такого она там увидела, но Триггер нацелила пистолет через амбразуру и выстрелила.

Точнее, выстрелила бы, если бы оружие сработало.

Сначала Микев подумал, что мурашки по спине у него ползут от ужаса. Это не мог быть какой-то местный паразит — только не здесь, через экофильтры крепости такая дрянь бы не проникла. Затем он понял, что ощущение исходило от пояса, от ранца, от пистолета в руке — отвратительный зуд, переходящий в сильную боль.

Триггер бросила пистолет. В воздухе мерцали причудливые полосы и блики, указывая на эффект поля за пределами человеческого зрительного диапазона, что, в свою очередь, предполагало еретическую экзотику.

— Всем избавиться от оружия. Отойдите от него, — рявкнул Микев. Происходящее было достаточно необычным, чтобы он прибавил: — Это прямой приказ.

Вдали от оружия ощущение ползающих мурашек ослабело, хотя Микев сомневался, что их пистолеты и прочее не взорвутся, разбросав осколки. Нет, не похоже… Какого хрена? Пистолет превращался в камень у него на глазах,

издавая тихий визг. Микеву захотелось добить существо, чтобы не мучилось, а ведь оно даже не было живым.

Интересно, что на гранаты и механические инструменты это не подействовало. Выходит, коррозийное поле было привязано к определенным оружейным архетипам.

Стоило Микеву выйти на связь с капитаном, как она сказала, не давая ему даже открыть рот:

— Я всё знаю, лейтенант, я не дура. Смотрите в оба на случай, если еретики вообразят, будто справятся с ножами Кел. У нас приказ от полковника держаться. Конец связи.

У Триггер был расстроенный вид. Микев заорал ей, чтобы отошла от распадающихся пистолетов. Она выглядела так, словно хотела обнять их и утешить. Ну честное слово, так и не доросла до полноценной Кел.

Где-то в глубине души Микев был убежден, что поле разрушает клетки его тела изнутри. М-да, как ни старайся держаться подальше от планет, если вселенная пожелает наслать на тебя ползучую дрянь, она это обязательно сделает.

— Им нужны математики получше, — говорила Черис коммандеру Хазану. — Впрочем, и эти сгодятся.

Хазан и сам был не лишен математических способностей. Он вникал в формулы, которые она ему прислала.

Градиент коррозии оказался неприятностью, но, как случалось с экзотическими эффектами, могло быть и хуже. Предположительно с помощью нужной модуляции его можно было настроить на другие архетипы оружия. Всё, что требовалось, — это генераторы, установленные в нужных местах.

Черис и Хазан изучали проблему. Еретики использовали градиент, чтобы загнать Кел в угол. Хоть Кел и могли драться голыми руками, Черис предпочитала прибегнуть к этому лишь в крайнем случае. Она надеялась на полезные доклады от лазутчиков Шуос, но пока что они не сообщили ничего толкового.

Джедао вел себя необычно тихо, когда начали поступать отчеты лазутчиков, за исключением того момента, когда один из них описал некоторые значения календаря еретиков.

— Нельзя ли узнать, как обстоят дела с поминальными церемониями? Они придумали что-нибудь новое и захватывающее? — иронично спросил Джедао. — Иной раз так хочется увидеть творческий подход.

Решив оказать ему любезность, Черис покопалась в поисках ответа.

— Нет, они делают, в общем, то же, что и мы, только числа другие и пытки тоже, — сказала она, и он потерял интерес.

Черис приняла средство от головной боли, которая начала усиливаться, и тут вдруг Связь выпрямился и сказал:

— Сообщение из Крепости, сэр.

— Передавайте, — сказала Черис.

— Это полноценная запись.

— Наконец-то мы увидим чье-то лицо, — заметил Джедао. — Впрочем, не мне об этом говорить.

— Запускайте, — сказала Черис. Ее пульс ускорился. Она напомнила себе, что надо дышать глубоко.

Появилось изображение женщины. Волосы необычного светло-коричневого цвета, бледная кожа. Прическа незнакомки состояла из сложных кос, которые были уложены вокруг головы и закреплены золотыми шпильками. Она была в белом наряде с золотыми филигранными пуговицами.

— Ну, всё понятно, Лиож. — В голосе Джедао послышалась смесь горечи и раздражения. Та

самая древняя обида, о которой он отказался говорить?..

Началось воспроизведение.

— Я, Лиож Цзай, представляю народ Крепости, — сказала женщина. Ее голос был сильным и четким. — Мы больше не намерены терпеть тиранию гекзархата — верить лишь в то, во что нам предписано верить, отсчитывать время так, как нам приказано отсчитывать. Мы больше не будем мириться с уничтожением ересей или лишением нас права на самоопределение. Мы в скором времени ожидаем подкрепление. У вас есть 75 наших часов — 108,9 ваших, — чтобы вывести войска и уйти. Иначе наши союзники не проявят к вам милосердия.

Это было всё. Черис ожидала больше пустых угроз, о чем и сказала вслух.

— Ты не обращаешь внимания на нужные слова, — возразил Джедао. — Она сказала «представляю». Они проводили не маркетинговые исследования, а голосование. Судя по ее словам, в Крепости зарождается демократия.

— Что зарождается?

Джедао вздохнул.

— Невразумительная экспериментальная форма правления, при которой граждане выбирают

своих правителей и политику, голосуя за них.

Черис попыталась вообразить себе что-то в этом духе — и не смогла. Разве можно таким образом сформировать стабильный режим? Разве это не уничтожит надежность календаря и всех связанных с ним технологий?

— Мне сказали, остальной гептархат отреагировал на ересь Лиож так же. Только вот они высказали свое мнение при помощи большого количества пушек.

Пришло сообщение от Шуос Ко.

— Я его выслушаю, — сказала Черис.

— Три новости, сэр, — сказал Ко. — Во-первых, одной из лазутчиц удалось скачать с терминала частичную базу данных о персонале, прежде чем ей пришлось бежать. База устарела несколько недель назад, и мы всё еще ее изучаем, но нам повезло. Мне удалось идентифицировать женщину на записи. Это Инаига Цзай — клерк из отделения Доктрины в округе Анемона.

— Клерк? — недоверчиво переспросила Черис. Да еще и не принадлежащая ни к какой фракции, судя по имени.

— Я ни на миг этому не поверил, сэр. Ее досье составлено так, чтобы вызвать смертельную скуку — правда, добавлена толика мелких растрат,

чтобы она не выглядела слишком чистенькой.

— Наверняка у всех операторов щитов есть такое прикрытие, — заметил Джедао.

Черис повторила его слова Ко.

— Доказательств нет, — сказал тот, — но я согласен. К сожалению, нам не удалось добиться успеха с подсадкой «логических червей» в сеть Крепости, так что это всё, что у нас есть на Цзай.

Во-вторых, генерал Джедао мог уже сообщить вам, что Цзай использует церемониальный наряд Лиож в качестве календарного фокуса. Это странно, потому что лишь один человек из шести является ценителем антиквариата и способен…

— Неправда, — сказал Джедао.

Ко заметил, как Черис нахмурилась, и замолчал.

— Люди склонны считать Лиож всего лишь фракцией неудачников. Но было время, когда они привносили в гептархат кое-что ценное. Они были идеалистами и философами. Они были нашими лидерами и нашей совестью. Неудивительно, что они пристрастились к ереси.

Черис повторила это Ко, опустив начало и конец. Былая черствость Джедао не сочеталась с тем, как он говорил про Лиож теперь. Что же он на самом деле думал о них?

— Чтобы такое проявилось в атмосфере Крепости, — сказал Ко, — кто-то должен был проделать серьезную подготовительную работу на нижнем медиауровне на протяжении долгого времени. Если чужаки успели так окопаться, меня это тревожит.

Но третий момент, вероятно, представляет собой хорошую новость, сэр. — Обычный непреклонный вид Ко сменился на нечто вроде сдержанного триумфа. — Вообще-то должен был докладывать капитан Дамиод, но он, э-э, почувствовал, что близок к прорыву, и поручил мне сделать это от его имени.

Черис держала улыбку. Она не хуже кого бы то ни было перевела сказанное на язык Нирай: «Я занят расчетами, не заставляйте меня тратить время на людей».

— Продолжайте, — сказала она.

— Капитан Дамиод считает, что нашел потенциальную уязвимость в шифровании их сообщений. — Не успела Черис задать вопрос, как Ко поднял руку. — Работа предварительная и может не принести результатов. Но, по сути, кто-то облажался. Начальные параметры Змеи-67 определяются комбинацией пользовательского ввода — нерегулярными паузами между нажатиями

клавиш — и синхронизатором, установленным для работы с часами высокого календаря. Когда Крепость перенастроила свои серверы времени на соответствие еретическому календарю, они забыли переписать синхронизатор для работы с новыми параметрами.

— Я не специалист по криптосистемам, — сказала Черис, — но догадываюсь, что быстрого решения ждать не стоит.

— Верно, сэр.

— В рамках доступного времени — сказала Черис, — хочу, чтобы вы продолжили работу на основе криптосистемы-макета с параметрами, которые я вам послала. — Задача казалась пугающе сложной, но ее можно было решить, старательно атакуя систему на протяжении разумного периода времени. — Возможно, в ближайшем будущем нам пригодится результат этой работы.

— Конечно, сэр. — На этом разговор окончился.

— Сэр, у вас есть ответ для Инаиги Цзай? — Это был коммандер Хазан, который пересмотрел сообщение без звука, чтобы внимательно изучить язык тела Цзай. Она хорошо владела лицом и руками.

— К сожалению, ты мало что можешь предложить Цзай, — сказал Джедао. — Еретики знают,

что Видона придут за ними, и даже если бы ты была уполномочена что-то обещать, они бы не поверили. Их единственный выбор — сражаться.

— Нам бы прямо сейчас не помешали какие-нибудь указания от Командования Кел, — сказала Черис вслух. — Связь, приготовьтесь отправить Командованию сообщение с высшей степенью приоритета.

— Вы уверены, сэр? — спросил Хазан.

Черис взглянула на него, прищурив глаза, но вопрос был закономерный.

— Командование Кел ни разу с нами не связывалось, — сказала она, не напоминая о своих регулярных отчетах. — С таким крайним сроком весть может не дойти до них вовремя. Если мы отправим сообщение с правильными метками, есть вероятность, что какой-нибудь местный генерал его выслушает и доложит. Хотите заявить официальный протест, коммандер?

Неревор бы это сделала, но Неревор с ними больше не было. Черис заподозрила, что Хазану хватит и предложения.

Она оказалась права.

— Нет необходимости, сэр, — сказал Хазан. — Я уступаю вашим доводам.

Черис сообщила Командованию Кел об изме-

нениях в ситуации, запросила дополнительную информацию об Инаиге Цзай и о статусе ближайших границ.

— Я ничего не забыла? — беззвучно спросила она Джедао.

— Пакета данных должно хватить для ответа на любые вопросы, какие могут возникнуть у Командования, — сказал он. — Можешь отправлять.

Офицер по связи с тревогой посмотрел на нее, но сделал, как было велено.

Крепость притихла. Время от времени приходили сообщения от Шуос, и еще реже с командным мотом связывался полковник Рагат, но ситуация в целом трансформировалась в вооруженный до зубов статус-кво. Черис периодически проверяла схему, отображающую позиции Кел, держащихся особняком еретиков и степень распространения градиента коррозии.

Через некоторое время Черис покинула командный центр. Три сервитора последовали за ней без приглашения. Два были дельтаформами, отличающимися друг от друга желтыми и фиолетовыми огоньками, и один — змееформой. Они сопровождали ее до самой каюты. Раньше комнаты казались ей огромными, но теперь Черис почти не обращала на это внимания. Она

остановилась перед эмблемой пепельного ястреба, пытаясь отыскать какие-нибудь следы своей индивидуальности в свирепом клюве хищника, черных крыльях, вытянутых когтях. Зачехленные крылья: вот в чем ее суть.

Змееформа спросила, не голодна ли Черис. Та ответила отрицательно. Она чувствовала, что Джедао это не нравится, пусть даже он и промолчал.

— Наверное, удобно работать от батареек, — сказала она.

Змееформа издала двусмысленный звук. Она явно была согласна с Джедао.

— Они очень беспокоятся о тебе, — заметил Джедао.

— Им нравится компания, — сказала Черис беззвучно. — Сдается мне, ты это понимаешь.

— Верно.

Ответ на ее сообщение пришел в середине эпизода драмы, в котором, насколько она или сервиторы могли судить, приключилась серьезная неприятность с пятью Кел и телескопическими шпильками анданского дуэлянта во время званого ужина. Фиолетовая дельтаформа поставила эпизод на паузу.

— Связь, сэр, — раздался голос лейтенанта из

терминала. — Это не Командование Кел…

Вот и рассчитывай на них.

— …Но сигнатура указывает на бригадного генерала Кел Мариш на борту флагмана «Величайший из великих». Запрос на передачу имеет срочный приоритет, только для ваших глаз.

Сервиторы уже покидали комнату.

Кел Мариш с эмблемой Штырь-в-глазу. Однажды она подняла голос во время трибунала — ее судили за чрезмерно творческий подход к приказам во время боевых действий против еретиков Хоссен, — и одержала верх. Черис вспомнила, что на протяжении всей кампании ее преследовали неудачи.

— Включайте, — сказала Черис. Ну надо же было из всех генералов достучаться именно до нее…

Каждая складка на мундире Кел Мариш была на своем месте, но всё равно казалось, что одета она небрежно. Лицо у нее было, словно у матерого карточного шулера среди грозных противников, — мимика скупая, взгляд непроницаемый, выражение суровое и мрачное.

— Временный генерал Кел Черис, — сказала она подчеркнуто формально, но не желая оскорбить. — Если Командование Кел не посчитало

нужным поделиться этой информацией с вами, я тоже не должна, но чувствую, что в противном случае вы не сможете должным образом выполнить свой долг.

— Генерал Мариш, — сказала Черис, — я слушаю. Это правда, что к нам приближается вражеский рой?

— О, он не просто приближается, — сказала Мариш. Ее насмешка была адресована не Черис. — У нас полномасштабное вторжение Хафн и какие-то грязные календарные делишки, связанные с Крепостью Вертящихся Монет. Кампанией руководит генерал Черкад, а меня сняли с дозора, чтобы помочь возле Драгоценных систем.

— Хафн не беспокоили нас в течение десятилетий, — сказала Черис. — Разве всего лишь два года назад Андан не устроили с ними культурный обмен?

— Тот факт, что Хафн поладили с Андан, должен был нас предостеречь. Все считают Шуос подлыми трахателями улиток, а вот Андан чертовски приветливы, очаровательны и забавны… пока не всаживают нож в почку.

В любом случае, генерал Черис, вас должны были проинформировать давным-давно. Тот факт, что Командование Кел предпочло держать вас

в неведении, свидетельствует, что они боятся, как бы вы не переметнулись. Ходят слухи, что в одном из композитов-подкомандующих есть Шуос. Наверное, мне не стоило бы удивляться тому, что это портит их суждения.

— Гекзарх Микодез, — очень мягко проговорил Джедао.

— Что, по-вашему, я должна делать с этой информацией? — спросила Черис, проглотив «сэр».

— Ужасно, не правда ли? Я не должна с вами разговаривать, и ваше временное звание выше моего. Если вам нужен… совет, то я бы сказала, что надо взять Крепость Рассыпанных Игл как можно быстрее. Календарные отпечатки повлияют на наш спорный сектор, и Хафн захотят отвоевать узел. Если мы потерпим неудачу, генерал, взорвите там всё на атомы. Главное, чтобы Хафн ничего не досталось… А могу я перемолвиться словом с генералом Джедао? Он где-то рядом?

Ну конечно. Мариш не видела тень Черис. Угол обзора был неправильный, и люди за пределами ее роя не знали, как работает заякорение. Понадобилась всего минута, чтобы изменить направление света. Глаза Мариш блеснули, когда она увидела тень девятихвостого лиса.

— Я говорю от имени генерала Шуос Джедао, —

сказала Черис, — и он отлично вас слышит.

— Генерал Джедао, — сказала Мариш.

— Я слушаю, — ответил он с откровенным интересом. Черис повторила слова.

— Я Кел, сэр, но у меня есть мозг, чтобы думать, — сказала Мариш. — Что-то неладно в гекзархате. Надо было им с самого начала решать, доверять вам и временному генералу или нет — всё или ничего, а не барахтаться вот так в дерьме, вяло и нерешительно.

Я принесла присягу Командованию Кел и скоро отправлюсь на битву, где, скорее всего, погибну. Думаю, временного генерала сдерживает формационный инстинкт. Но вы, сэр, вы вышли из колыбели, так что слишком поздно не доверять вам, и формационный инстинкт предшествовал вашему времени, даже не будь вы Шуос. Всё или ничего. Вы не будете колебаться. Исправьте то, что надо исправить в гекзархате, сэр. Вы — то оружие, которое у нас осталось. Бригадный генерал Мариш, конец связи.

— Я знал, что всё плохо, — сказал Джедао после этого, — но я не понимал, насколько плохо. Черис, у нас с Командованием Кел… — ироничная пауза, — …сложные отношения. Однако в прошлом они признавали, что мне нужен определенный

минимум сведений, чтобы действовать от их имени. Теперь складывается ощущение, что нас бросили на произвол судьбы. Я не могу не думать о том, насколько в этом замешаны Шуос, учитывая убежденность моего гекзарха в том, что я ресурс, которым управляют неправильно.

Тем не менее кое-что изменилось с той поры, как они послали нас в поход. Как будто они думают, что мы возьмем Крепость и используем против них, хотя я никак не возьму в толк, каким образом, с их точки зрения, я мог бы удрать от целого роя Кел. Вся эта осада превратилась в испытание на верность.

— Тогда почему бы не отозвать нас?

— Потому что мы здесь. Они уже списали нас со счетов. Если мы справимся с заданием, отлично. В противном случае у них, несомненно, есть какой-то запасной план, который уже приведен в действие. Я бы многое отдал, чтобы подслушать, чем занят коллективный разум прямо сейчас. — Его голос стал тише. — Не думаю, что разговор с генералом Мариш нам поможет. Или ей, если уж на то пошло.

— Ей наплевать, — сказала Черис, думая о репутации Кел Мариш. — Она думает, что отправляется на смерть.

— Вот беда с лучшими ястребами-самоубийцами, — мягко проговорил Джедао, — вы сгораете так быстро.

Черис уже вышла за дверь и направилась в командный центр. Она была потрясена прямотой Мариш, но не могла выкинуть из головы то, что узнала. Оставалось лишь наилучшим образом использовать полученные сведения и постараться не думать о том, как Командование Кел накажет Мариш, если та выживет.

Глава пятнадцатая

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: высокий

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: год Тучной коровы, месяц Павы, день Онагра, час Бронзовки. Осмелюсь спросить, какую сельскохозяйственную роль выполняет бронзовка? Фермерство не мой конек, а сетевая статья на эту тему ужасно скучная.

Я понимаю, вы уже получили от меня три других донесения за столько же часов, но уделите время и этому, моя дорогая Цзай. Оно касается нашего любимого генерала Стогана.

Я уже вижу, как вы изгибаете брови. Честное слово, Цзай, вам надо научиться концентрироваться на долгосрочных целях. Блага, которые принесут вам связи Стогана, не продлятся долго. А вот со-

действие Хафн позволит вашим мечтам стать реальностью.

Ну так вот, Стоган. Только не надо вопить, когда прочитаете это – вы же знаете, как расстраивается ваш ассистент, – но я установила слежку за Стоганом. Мне было интересно, не шпионит ли для лоялистов его дружочек с сертификатом анданской куртизанки, но парень чист.

Мой агент не смог пробраться в самое сердце его владений из-за охраны, но похоже, что Стоган приберег для себя пленника. Агент убежден, что пленник – Кел.

Мы договорились, что не будет никаких личных пленников, игрушек, как хотите, так и называйте. Пытки, которые должны закрепить поминальные дни, – печальная необходимость календаря, но за ними следит законное правительство. Если обычные граждане так жаждут повеселиться в стиле Видона, для этого есть симуляторы. Третья команда аналитиков должна была надзирать за всеми пленными. Я не хочу повторения вмешательства, которое вырубило Кел Неревор как раз в

тот момент, когда техники начали вытаскивать ее из нулевого оперения.

И, боюсь, есть еще плохие новости. Геренаг Абрана решила, что Чинг Дзе представляет для нее угрозу. Казалось бы, разве ей нечем заняться, кроме как оберегать свои фабрики от саботажников-Шуос? В обычной ситуации это бы меня повеселило, но она открывает дыры в системе безопасности, позволяя Шуос бить по калибровочному населению Чинг Дзе, и Шуос это заметили.

Помните: Стогана можно заменить. Вы можете найти какого-нибудь другого популярного солдата и продвинуть его до соответствующего положения. Но вы не можете допустить, чтобы Абрана и ваш главный пропагандист воевали друг с другом. Если бы вы желали ослабить обе стороны – другое дело, но прямо сейчас приоритет в том, чтобы просто удержать Крепость.

Я вижу, что Джедао изучает протяженность градиента коррозии, который крепко удерживает Кел на месте. Жаль, что наша подготовка заняла так много

времени – вы всегда можете придраться к Абране из-за норм выработки, – но скоро мы сможем наказать противника за его необычную пассивность. Временами мне начинает казаться, что он верит, что Шуос выиграют для него эту войну – а ведь Шуос на самом деле его презирают.

Мне надо выспаться, но я приказала ассистенту разбудить меня, когда начнется стрельба. Можете счесть меня кровожадной, но я действительно обожаю славную бойню с односторонним преимуществом. Так и подмывает самой отправиться на боевое задание, но я слишком важная персона, чтобы рисковать.

Ваша в календарной ереси,
Вх.

Черис обычно забывала свои сны, но на этот раз проснулась с воспоминанием о фестивале, на который ее взяли родители, когда ей было одиннадцать. Множество взрослых настаивали, чтобы она разговаривала с ними на мвен-дале вместо высокого языка, и Черис пыталась отвечать не слишком угрюмо. Во сне, однако, каждый раз, когда она с кем-то заговаривала, он превращался

в ворона и улетал.

Она побежала следом за во́ронами и оказалась в лесу. Во́роны приземлились на труп. Один клевал его глаз. Наверное, это была собака или шакал.

Впрочем, нет: это была лиса.

Потом она подошла к зеркалу и заставила себя посмотреть на Джедао в отражении. Ощутила мгновенный приступ паники, когда не смогла вспомнить собственный разрез глаз. Джедао выглядел так же, как в первый раз, когда она его увидела, только вопросительно улыбался. У него была очень хорошая улыбка. Черис в смятении подняла руку и уставилась на перчатку без пальцев. Отражение сделало то же самое.

— Ты в порядке? — спросил Джедао.

— Ты можешь видеть мои сны? — резко ответила она.

— Нет. Если тебе интересно, я забыл, каково это — спать и видеть сны.

Черис, одурманенная сном, хотела спросить его о лисах, падальщиках и темных уголках леса, но тут терминал уведомил, что капитан-магистрат Рахал Гара хочет с нею поговорить.

— Я приму звонок, — сказала Черис. — Капитан.

— Сэр, — ответила Гара, хоть и на миг ода-

рила Черис странным взглядом. — Доктрина кое-что просчитала по экзотическому оружию. Полученные нами данные по градиенту коррозии помогли установить некоторые ключевые коэффициенты. — Она переслала несколько уравнений. — Взгляните на эти три матрицы в последовательности, сэр. Это предварительный результат, и нам надо еще провести проверку выполнимости, но… — Скопление коэффициентов сменило цвет на красный. — …Если мы сумеем осуществить диагонализацию, есть вероятность, что нам удастся переделать пороговые отделители, и те заработают.

«Я знаю, что они собой представляют», — вяло подумала Черис. Все знали, и всем была известна старая песнь: из каждого рта — пасть; из каждой двери — смерть.

Люди помнили отделители из-за того, как Джедао применил их в Адском Веретене. Даже сегодня Командование Кел прибегало к этому оружию лишь изредка.

— Каковы установочные параметры? — спросила Черис, потому что надо было о чем-то спросить.

— Ну, это самая интересная часть, сэр, — сказала Гара, как будто они обсуждали место для пикни-

ка, а не оружие. — Большинство модификаций отделителей порождают смерть по всему спектру. Но мы, возможно, сумеем переделать свой так, чтобы он поражал еретиков выборочно.

— Оружие, которое разит исходя из степени верности, отлично годится для братоубийства, — сказала Черис. Этому была посвящена целая категория шуток Кел.

Гара опять посмотрела на нее, но не дрогнула.

— По крайней мере, разрешите нам изучить это направление. Если преуспеем, будет нетрудно переделать отделители на «Неписаном законе» и «Искреннем приветствии».

— Ладно, — сказала Черис. — Сообщайте мне о результатах, но ничего не пускайте в ход без моего одобрения.

— Спасибо, сэр.

Черис покачала головой.

— Почему Гара всё время странно на меня поглядывала? — спросила она.

— Черис, — ответил Джедао, — ты себя слышишь?

— У меня нет проблем со слухом, — растерянно проговорила она.

— Я не про слух. Я про акцент.

— У всех есть акцент, — сказала Черис, еще

сильней сбитая с толку. Так ей заявила мать, когда она пришла домой в слезах, потому что другие дети насмехались над тем, как она разговаривала. Конечно, ее матери не удалось скрыть тот факт, что некоторые акценты лучше других. Ко второму году обучения Черис подогнала свое произношение под стандарты Первой Академии.

— Да, — сказал Джедао, — но твой вышел из-под контроля и сегодня особенно заметен. Прислушайся к моей речи, а потом — к собственной.

— Мы говорим о просачивании? Если тебе есть чем еще поделиться в этом отношении, кажется, я заслуживаю знать.

Джедао был прав. Ее произношение сделалось протяжным — как у него.

— Речь — физический акт, — сказал Джедао. — Наверное, это связано с мышечной памятью. И нет, я не думаю, что тебя ждут еще какие-то сюрпризы.

Что ж, солдаты всё равно глядят на нее с подозрением…

— Ничего не поделаешь, — сказала она с твердостью, которой не ощущала. Кроме того, у нее были проблемы поважнее. — Я мало что знаю о пороговом отделителе, но если Доктрина сумеет заставить его работать, это будет полезный

ресурс.

— Такую возможность нельзя игнорировать, — согласился Джедао. — Даже неполноценный отделитель — чертовски мощное оружие. — Его голос слегка дрогнул, потом окреп.

— Сколько времени понадобилось, чтобы установить твой? — ледяным тоном поинтересовалась Черис.

— Думаю, немало.

— Если ты там был, как можешь не знать наверняка?

— Мои воспоминания об осаде в полном хаосе, — ответил Джедао. — Там, где я находился, криков почти не было. Они умерли слишком быстро. Я мало что слышал по открытым каналам связи, потому что отделитель превратил все сигналы в белый шум. Я добрых полчаса бродил по моту, не понимая, почему Гизед не отвечает на мои вызовы. Я не узнавал ее с дырой в виске.

Помню, как Кел меня арестовали. Им следовало подорвать мой флагманский мот ракетами, но вместо этого они высадились и использовали облака-транквилизаторы. Может быть, хотели заполучить тело, которое можно опознать.

А потом были цифры. Мне сказали, сколько человек погибло, с нашей и с противной стороны.

Но ведь война всегда заключалась в отнятии у людей будущего.

— По-твоему, мы должны воспользоваться этим оружием? — спросила Черис.

— Если оно заработает, да. Смерть — это смерть, Черис. По-твоему, есть разница, убивают ли тебя ударом ножа в спину или пулей? Самое главное, что кому-то это удается.

— Если мы можем использовать отделители, — сказала Черис, — то и они могут.

— Возможно, но маловероятно. Если бы он у них был, они бы его уже применили. Я полагаю, они нуждаются в каком-то коэффициенте в своем особом календаре или, может быть, испытывают сложности в манипулировании соответствующими атмосферными показателями.

— Джедао, — сказала она, — как же мы должны сместить календарные показатели, чтобы это заработало? Целенаправленное изменение бы помогло, но мы там едва закрепились. Даже не можем запустить полевую сеть. Мои люди не славятся убедительностью, а Шуос у нас недостаточно.

— Есть способ. Но он тебе не понравится.

— Вопрос о том, что мне нравится, а что нет, уже не стоит, — сказала Черис. — Я готова тебя

выслушать.

Официальное предназначение складского отсека заключалось в хранении металлопены, спрессованной в кирпичи — в основном ее использовали для латания пепломота после сражений. Но в тот момент отсеком также воспользовались двое Кел. Сервитор 124816 знал их имена, звания и прочее: капрал Кел Хаданг, крепкая женщина с желтоватой бледной кожей и темными волосами, которые, растеряв шпильки, упали до середины спины, где красовалась татуировка пикирующего сокола; Кел Джуа, также женщина и не особо моложе, наделенная удивительным талантом тыкать локтями не туда. 124816-й не очень-то интересовался механикой человеческого секса. Однако невозможно было избежать изучения основ, учитывая, что в свободное время сервиторы обычно смотрели людские драмы, да к тому же людей так легко увлекала комбинаторика того, кто с кем спал.

Сервиторы «Негласного закона» чередовались на дежурстве, которое называли «Дежурство по Кел-самоубийцам»: отслеживали Кел, которые спали друг с другом. Если бы они были заинтересованы в том, чтобы поделиться своими наблюдениями с коммандерами, список бы

отлично пригодился для шантажа. 124816-й классифицировал бы отношения Хаданг и Джуа как консенсуальные, несмотря на разницу в ранге, поскольку он так и не обнаружил никаких доказательств того, что Хаданг принуждала Джуа; действительно, обе молчали даже во время мучительной кульминации, и сервитору казалось, что он видит определенную нежность в их взаимодействии. Но это не относилось к ряду других. Черис, если ее уведомят, не станет разбираться. Регламент Кел обяжет ее казнить всех. Сервиторы не собирались уведомлять ее, если она не спросит, и они были уверены — учитывая всё, что у нее было на уме, — что до этого не дойдет.

Было что-то грустное в том, как некоторые Кел были вынуждены шнырять тут и там в поисках близости, и что-то ужасное в том, что у некоторых в этом смысле не было выбора из-за формационного инстинкта. Командование Кел знало об этой проблеме и предоставляло всё, от тренажеров до подавителей либидо, на время дежурств, но их решения работали не для всех. Что касается сервиторов, то их интерес к происходящему был чисто утилитарным. Кел, занятые интимными отношениями, были менее склонны замечать несоответствия в их окру-

жении, включая несоответствия, устроенные сервиторами для собственного удобства. По этой причине существовала высокая корреляция между предпочтительными точками свиданий Кел и местами встречи сервиторов.

124816-му было интересно, почему Хаданг и Джуа провели друг с другом больше времени, чем обычно — вот уже на двенадцать минут, и не останавливались, — когда сервитор 7777777, жукоформа, вошел через один из входов для сервиторов. (Таковых было гораздо больше, чем люди могли бы себе представить, и если на то пошло, больше, чем люди спроектировали. Впрочем, немалую долю строительных работ на моте выполняли именно сервиторы.) 7777777-й всегда отличался склонностью к бунтарству: семерка не была привилегированным числом в гекзархате, пусть даже люди использовали свои собственные обозначения для сервиторов и не знали, как те называют себя сами.

— Что ты здесь делаешь? — спросил 124816-й по одному из каналов. — Ты не обязан на это смотреть.

7777777-й выдал уклончивый световой ответ за пределами человеческого спектра видимости.

— Гекзарх Нирай Куджен, — сказал он. По всей

видимости, Куджен вышел за пределы обычной проверки безопасности якорей и проявил чрезмерный интерес ко всем аспектам жизни Кел Черис: ее связи с сообществом Мвеннин (минимальные, не считая родителей), ее вкусы в музыке (подозрительное совпадение с саундтреками из любимых сериалов) и, что неприятнее всего, ее математические труды (малочисленные, в основном по теории чисел, но гениальные). Хуже всего было то, что Куджен не обратился к Шуос, чтобы получить эту информацию. Он использовал своих агентов.

Две Кел, по-видимому, решили, что одного раунда недостаточно, и начали заново. Если так пойдет и дальше, их поймают.

124816-й редко общался с сервиторами Нирай, но знал истории про Нирай Куджена. Он был старым, очень старым, и он любил людей, пока они развлекали его. Если они перестали быть интересными, он без колебаний изменял их, чтобы они снова стали интересными. Не случайно он сделался одним из лучших психохирургов в гекзархате. Насколько могли судить сервиторы, причина, по которой другие Нирай время от времени работали с ним добровольно, заключалась в том, что он также любил математику и инжене-

рию — и, как следствие, других людей, которые проявляли особо примечательные способности в этих областях. Для людей с такими навыками он ничего не жалел. Сервиторы предпочли бы, чтобы Черис оставалась вне поля его зрения, но гекзарх Шуос уже поставил на этом крест.

— Жаль, что мы не можем помочь Черис бежать, — сказал 124816-й, — хотя бы из принципа.

Чувство долга не позволит Черис бросить миссию, это ясно.

— Мы — народ, который не покинул гекзархат, хотя однажды была такая возможность, — парировал 7777777-й.

Ни один из них не озвучил то, что они оба знали: Шуос Джедао представлял собой осложнение. Нирай Куджен был единственным, кто мог отделить Черис от Джедао, и сервиторы не собирались рисковать, привлекая внимание Джедао в большей степени, чем они уже это сделали, составив ей компанию, как было всю ее жизнь.

Хаданг и Джуа, похоже, наконец-то насытились друг другом и решили, что пришла пора бежать туда, где никто не заподозрит, чем они только что занимались. Они быстро оделись. Джуа ушла второй — ей пришлось повозиться с волосами.

124816-й был рад, что они ушли.

— Лучшее, что мы можем сделать, — это придумать, как помочь с миссией Черис, а с Кудженом разберемся, когда Черис вернется туда, где находится «черная колыбель».

Они еще не знали, что долго ждать не придется, потому что Черис сама предоставит им необходимый шанс.

Лейтенант Кел Рен сочиняла, когда пришли приказы от капитана Кел Зетки. Одной из проблем военной жизни была невозможность предвидеть перерывы. Люди могли сколько угодно ныть про скуку, от которой голова трещит. У Рен никогда не было с этим проблем. Она могла взять с собой музыку куда угодно.

— Второй взвод, вы меня внимательно слушаете? — Голос Зетки не сделался более мелодичным от того, что звучал по рации. — Нет времени на полный инструктаж, так что смотрите в оба. Мы идем по проходу на восток, второй поворот направо, не другое право, а настоящее право, через двадцать две минуты. Мы собираемся ударить по генераторам коррозии теперь, когда Нирай вычислили, как прокладывать ходы мимо потоков инвариантного льда без того, чтобы воздух наполнялся токсичными волокнами. Лейтенант, если я услышу, что вы опоздали, потому что вместе с

солдатами разучивали четырехголосное изложение, задушу кожей для барабана. Понятно?

— Двадцать две минуты, восточный проход, второй туннель направо, атаковать генераторы с фланга, мои комплименты Нирай, никаких музыкальных выкрутасов, сэр, — сказала Рен. Последнее было неправдой: в голове у нее вертелся музыкальный отрывок, как всегда, но Зетка не мог подслушать ее мысли.

Они заправляли баллоны с воздухом из аварийных запасов этого театра и уже почти всё закончили. Жаль, что такой красивый театр пропадает зря. Они могли бы все вместе поставить на этой сцене сатиру и хорошо провести время, но капитан узнал бы, а у него и так невысокое мнение о Рен.

Рен было наплевать, но у Зетки она вызывала ярость. «Эта женщина — овощ, которому каким-то образом достался идеальный слух и эйдетическая память на шум, — сказал он как-то раз в подпитии, не зная, что Рен слышит. — Мне наплевать, насколько она хороша в технологии связи, какого хрена ее приняли в Кел?» Рен сочла это очень забавным, но ему об этом говорить не стоило.

Несколько солдат Рен спрятали карты, когда

она велела им собираться. Как будто она не знала, что они играют в версию джен-цзай под названием «Нахрен календарь». Они не должны были играть во время пополнения запасов, и точка, но Рен считала — лучше это, чем что-то другое. К примеру, легкие наркотики, которые моты закидывали в Крепость в тех канистрах с пропагандой. У канистр было свойство оказываться в самых неподходящих местах, и кое-кто из ее солдат не гнушался пользоваться их содержимым ради собственного развлечения.

По пути она пересмотрела маршрут и процедуру очистки отсеков Крепости с помощью ее солдат. Все злились из-за того, что приходилось использовать сетебумагу для схем, но поскольку полевая сеть была недоступна, с этим ничего нельзя было поделать.

— Откуда нам знать, что нас просто не вышибут из коридора, сэр? — Это был Кел Хион, склонный задавать неудобные вопросы. Сержант посмотрел на Рен с выражением «заткните его, пожалуйста».

— Оттуда, — сказала Рен вопреки собственной воле, — что наши вышестоящие офицеры выбрали тактику атаки, согласованную с тем, что противник не может ничего взорвать, не нару-

шив структурную целостность. С инженерной точки это ужасно, но архитекторам Крепости пришлось подстраиваться под жилы инвариантного льда, который должен был взять на себя всю оборону. — Впрочем, сержант прав. Надо заткнуть Хиона. — У этой дуры Хуо проблемы с ранцем. Опять. Иди и помоги ей.

По пути они столкнулись с ротой капитана Миауда, бардак вышел ужасный — в коридоре собралось слишком много народа. Справившись с суетой, Миауд уступил им дорогу, ради чего ему пришлось вывести своих Кел в боковые коридоры и унылые опустевшие жилища.

Рен не слышала крики, пока они не приблизились к укрепленному пролому. Провалиться ей на месте, если бледная полупрозрачная дрянь, которую Нирай поместили там, могла на самом деле фильтровать токсины, да и сам мост выглядел слишком изящным. Но приказ требовал идти вперед, так что она покорно двинулась вперед, и…

Это настигло ее в промежутке между шагами. Сперва было не больно. Вот оно, то странное посверкивание в воздухе, о котором она слышала в связи с градиентом коррозии, но это не был…

Когда Рен упала, пришла боль. Она ощутила

запах крови и дерьма, услышала звуки падения. На два ее позвонка рухнуло что-то тяжелое. На полу виднелось смазанное отражение ее лица.

Большая часть ее носа отсутствовала. Кровь повсюду.

Мир сделался тихим и медленным, ее мысли были спокойными. Ясными. В кои-то веки никакой музыки в голове. Она мало что слышала — даже давешние крики умолкли.

Отсутствовал не только нос. Руки она тоже потеряла. И ноги, не считая части правого бедра. Костюм впрыснул в нее коагулянты, болеутоляющие, распылил временную кожу, но это не могло спасти ни ее, ни кого-то другого.

Рен издала то ли кашель, то ли смех, но сознание ускользало от нее, и такая перспектива не казалась ужасной. Она жалела лишь о том, что не сумеет просвистеть насмешку в адрес еретиков, когда те придут полюбоваться бойней.

Черис немного вздремнула перед началом осады. Во сне у нее была колода карт джен-цзай, горка огненных фишек и красная лента, которая неаккуратно разворачивалась, стоило ее отпустить. Теперь, когда Черис проснулась, мысленным взором она видела ленты, когда какая-нибудь цифра выбивалась из желаемых параметров.

Первые донесения были сумбурными, и Черис беспомощно страдала из-за того, что не может сама оказаться в Крепости.

Сквозь вой сигналов тревоги донесся голос Связи:

— Срочное сообщение от капитана Миауда через полковника Рагата, сэр.

— Я выслушаю, — сказала Черис, радуясь новым сведениям. Она знала, что радость не продлится долго.

Запись была очень плохого качества, но кто-то предусмотрительно снабдил ее субтитрами, пусть и с опечаткой.

— Полковник, — сказал капитан булькающим голосом, — ампутационная пушка. Еретики выстрелили дважды, под разными углами.

Встрял полковник Рагат с примечанием и схемой:

— Два конуса, пересекающиеся дуги воздействия. Размещение пушек, судя по всему, соответствует геометрии еретической формации № 3. Я полагаю, геометрия — необходимый компонент ампутационного эффекта.

Капитан:

— Дважды они у меня руки не заберут. Черветрахи. Они идут на нас. Теперь с инвариантными

пушками. — Стрельба из автоматов, длинные очереди. — Ох, пропади оно всё… — И тишина.

— Резервы уничтожат, если они пойдут в лобовую атаку, — сказал Джедао. — Если мы…

— Срочное сообщение от одного из Шуос в Крепости с запросом прямого контакта с генералом, — сказал Связь. — Предмет: аномальные эффекты по отношению к шпионам-сервиторам.

Джедао продолжал:

— …С другой стороны, если мы готовы потерять залы с 3–142 до 3–181 по всему отсеку Фонтана, мы можем…

— Соедините меня с этим Шуос, — сказала Черис. Она видела залы, о которых говорил Джедао, на своем терминале. Она покрутила изображение и изучила анализ структуры, поразмыслила о разрушениях, которые он предлагал.

— Шуос Имнай вызывает генерала Кел Черис. — Женский голос, поспешный, но вежливый. — Прошу прощения за запрос, но я столкнулась с постоянными техническими неполадками у сервиторов и подумала, что это может быть важно. — За сообщением последовал пакет данных.

Черис просмотрела результаты диагностики. Самое главное заключалось в том, что на сервиторов Имнай подействовала ампутационная

пушка. Они, можно сказать, тоже потеряли конечности. Но как близко к зоне огня находилась Шуос Имнай? Черис следовало убедиться, что Имнай не погибнет до того, как удастся получить от нее нужные сведения.

— Черис.

Джедао требовал внимания, но она должна была больше узнать о сервиторах. Если она правильно поняла последствия, это могло помочь им победить в следующем большом столкновении.

— Коммандер Хазан, — сказала Черис. — Генерал Джедао считает, что мы можем помочь солдатам, взорвав залы вот в этом отсеке… — Она переслала предложенный план. — Это будет рискованная операция, и хопперы придется снабдить дополнительными медицинскими экипажами в режиме ожидания, но так мы сможем прервать линию огня ампутационных пушек. Предварительные данные показывают, что они относятся к ветвящемуся, а не прямому типу стрельбы. Позаботьтесь о необходимых приготовлениях и возвращайтесь ко мне.

— Сэр, — сказал Хазан, но в его голосе слышались неодобрительные нотки.

— Связь, — сказала Черис, — соедините меня с Шуос Имнай. Высший приоритет.

— Пытаюсь установить контакт, сэр, — сказал Связь, бросив беспокойный взгляд на Хазана.

— Кел Черис, — сказал Джедао. Он никогда раньше ее так не называл. Его голос был гладким как лед, лишенным эмоций. — Ты путаешь приоритеты.

Так вот как он разговаривал в гневе.

— Шуос Имнай, — сказала Черис. — Это генерал Кел Черис. Вы в безопасности?

— Генерал, — ответила Имнай. — Пока что со мной всё нормально. Еретики… это бойня. Они даже не обыскивают магазины и дома, пока развлекаются, стреляя по искалеченным торсам. Сэр.

— Ваш пакет данных указывает, что сервиторы вышли из строя примерно в то же время, что и Кел. Это верно?

— Да, сэр. По моему указанию сервитор 10 вошел в зону огня и подтвердил, что это эффект пушки, а не поля.

Она уже знала, что эффект срабатывает дискретно.

— У вас может не быть таких сведений, Шуос Имнай, но постарайтесь подумать. К какой роте Кел приблизился сервитор 10?

— К роте капитана Кел Джурио, — сказала Им-

най после секундного размышления. — Но я не могу поручиться, что все были на правильных позициях.

— Вам известно, чтобы рота Джурио использовала измененные формации?

— Я не знаю наверняка, сэр… а-а. Если читать между строк, донесение 10-го указывает, что они двигались в виде чего-то вроде оборонительного квадрата с диагональной передней частью… — Черис этого хватало, чтобы определить формацию, — …но неправильно оценили обстановку. Ампутационная пушка отыскала входной вектор и рассекла ряды.

Место. Имнай находилась близко к залам, которые они собирались разрушить.

— Шуос Имнай, — сказала Черис, — очень скоро в следующих залах будет небезопасно. — Она передала список. — Уходите вглубь округа и продолжайте работать.

— Да, сэр.

— Генерал Черис, конец связи.

Хазан консультировался с полковником Рагатом, медотсеком и Навигацией. Черис не видела причин его прерывать. Вместо этого она вывела на экран модель формации.

— Сервиторы, — проговорила она. — Неуже-

ли?..

— Генерал, — сказал Джедао холодным, как зима, голосом. — Ваши солдаты умирают.

В кои-то веки ей не хотелось на него заорать.

— Когда прощупываешь территорию, всегда есть риск потерь.

— Генерал, они беззащитны. Вы теряете время, пока их убивают.

— Я пытаюсь кое-что вычислить, — сказала Черис. — Ты мешаешь. Можешь как-то помочь? Потому что это не я сейчас трачу время зря.

На этот раз его голос был подобен выстрелу.

— План твоего коммандера потребует пожертвовать ротой, чтобы удержать главный коридор. Я рекомендую…

Черис затряслась. Когда Джедао сказал «рекомендую», это прозвучало как приказ. Она сжала кулаки.

Она всего лишь временный генерал, но на ее стороне твердая уверенность. Даже если это значит, что придется возразить Джедао. Она расправила плечи, готовая к тому, что знакомый голос опять начнет ее отчитывать.

— Обсудим детали с коммандером, когда будет, что обсуждать, — жестко сказала она. Если Джедао это не нравится, ему же хуже. Его очередь

подчиниться.

Короткая пауза, потом — свирепая вежливость:

— Цифры вам известны, генерал. Я ожидаю благоприятной для вас возможности.

Сеть не хотела добавлять сервиторов к моделируемой формации, которую она ввела. Это было неправильно с точки зрения Кел. Она использовала одну из ранних еретических формаций, которые они идентифицировали. Черис клонировала необходимые уровни симулятора — Доктрина не обрадуется из-за того, что генерал влезла в их песочницу — и выдернула базовые гипотезы и связанные с ними последствия.

— Так вот куда ты клонишь, — сказал Джедао прямо ей в ухо.

Командир Хазан прервал ее, чтобы представить план. Черис смотрела на схемы несколько секунд, прежде чем смогла убедить свой мозг переключиться с одной задачи на другую.

— Генерал, — сказала она Джедао, понимая, что это не совсем предложение мира, — я приветствую ваш вклад.

Джедао сказал что-то резкое по поводу того, какие цели для разрушения выбрала команда Нирай, но Черис не вникла. Однако основной

план Хазана выглядел здраво, а посредственный план, реализованный быстро, лучше отличного с опозданием на два часа.

— Приступайте немедленно, — сказала Черис.

— Сэр. — Хазан склонился над своим терминалом и начал раздавать приказы. Он, вероятно, тоже хотел подвергнуть сомнению ее приоритеты, но не собирался делать это при всех. У Джедао такого ограничения не было.

Черис вернулась к симулятору формаций и внесла ужасающее количество параметров, основываясь на интуиции. После того, как она обтесала код, симулятор согласился считать сервиторов квазилюдьми в целях генерации формационных эффектов.

Кел использовали сервиторов на поле боя для разведки и эпизодической стрельбы, но причиной их низкого статуса были не только правила гекзархата. Дело в том, что сервиторы генерировали незначительные формационные эффекты в рамках высокого календаря, а Кел определяли себя благодаря формациям. Кроме того, формационные эффекты оказывали ограниченное воздействие на сервиторов, и это было не очень-то полезно, если не собираешься сражаться с другими Кел.

Еретики разработали календарь, в котором эти аксиомы не действовали. Если сервиторы не являются формационно-нейтральными в Крепости, это палка о двух концах. Сервиторы, как она убедилась, могли пострадать от формационных эффектов — значит, они и сами могли генерировать экзотические эффекты как часть формации Кел.

Черис изменила один параметр, два, больше. Отрегулировала расстояние между узлами оборонительного квадрата, пока не получила грубую реконструкцию инцидента, описаного Шуос Имнай: сервитор невольно испортил формацию и позволил ампутационной пушке искалечить всех, включая себя.

— Теперь я понимаю, — сказал Джедао.

На другое извинение можно было не рассчитывать.

— У нас получится, — сказала Черис. — И я придумала лучшее применение для канистр с пропагандой.

— Я так и думал, что ты это сделаешь, — сказал он, — хотя сам бы предложил что-то другое.

Его одобрение должно было встревожить Черис, но она чувствовала лишь мощный, как адское пламя, триумф. Еретики подвергли ее

солдат децимации. Пришла пора обрушить на них смертоносный ответный удар.

Глава шестнадцатая

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: высокий

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: год Тучной коровы, месяц Павы, день Земляного червя, а час, наверное, будет поименован в честь той улитки с непроизносимым названием, если Доктрина не проголосует иначе.

Рада, что вы не празднуете наш последний успех, моя дорогая Цзай. Стоган и его подхалимы могут считать, что мы нанесли решающий удар, но вы и я знаем, что это не так. Рой Кел не ушел, и один из наших округов по-прежнему заражен.

Это не значит, что я не обладаю предельной верой в способность роя, идущего на помощь, справиться с угрозой, но будет куда лучше, если мы справимся с этим сами. Переговоры надо вести с позиции силы и всё такое.

Так или иначе, оказалось невозможным привлечь внимание Доктрины. Солдаты Стогана развлекаются, передавая друг другу видеоролики, в которых изуродованные Кел извиваются в такт со специально синхронизированными танцевальными мелодиями (от такого времяпрепровождения у меня мороз по коже), но Доктрина признала, что измененная геометрия Крепости искажает календарные эффекты, и решение проблемы будет нетривиальным.

Хотя Нирай и являются одними из самых неумелых собеседников во всем гекзархате, в вопросах точечных разрушений им нет равных. Я-то не инженер, но могу оценить, насколько скоординированные действия потребовались для того, чтобы удалить тот участок, почти его не повредив, стабилизировать движение и эвакуировать раненых.

Я бы отдала несколько ящиков того восхитительного вина из Города Пылких Светлячков, чтобы узнать, где они раздобыли своего главного оператора наведения. Вероятно, это тот же человек,

которого Джедао делегировал разобраться с калейдоскопическим роем – кто-то с необычным интуитивным пониманием математики. Любой дурак сумеет загрузить числа в сеть – но чтобы понять, какие числа имеют значение, надо разбираться в базовых системах.

О чем стоит подумать, так это о следующем шаге Джедао. Несомненно, лазутчики Шуос остались в Крепости, чтобы передавать разведданные и строить козни. Их трудно отследить, а у нас не хватает рабочих рук. Один чрезмерно услужливый кутюрье два дня назад сдал «лазутчицу», но бедняжка оказалась всего лишь его соперницей в высшем свете. Такая вот невезуха.

Светлая сторона заключается в том, что большинство Кел ушли из округа Зонта, но Джедао высадит больше войск, как только сможет. Он лишь начал черпать из пехотных резервов на тех знамемотах, а это немаленькое количество.

Еще один момент касательно Шуос, пока я не забыла. Вторая аналитическая группа наконец-то кое-чего добилась

без того, чтобы кто-то держал их за ручку: они нашли следы вмешательства в финансовые потоки Крепости. Что еще более впечатляет, так это то, что кто-то вставил логические пики с отложенным запуском в системы Геренаг Абраны, и это всё, что нам известно. Никто не нашел ничего плохого в ваших личных системах, но я подозреваю, что проблемы слишком хорошо запрятаны.

Все очень возбудились из-за трансляции Хафн, но ваши люди недостаточно знакомы с Хафн, чтобы правильно ее интерпретировать. Я дважды об этом заявляла на последнем собрании, но только Абрана восприняла меня всерьез. Не случайно она единственный союзник высокого уровня, который значительное время провел вне Крепости.

У Хафн есть склонность к преуменьшению. Они предпочитают, чтобы всё было сделано без суеты, и они не гнушаются того, что Кел назвали бы тактикой Шуос. Может показаться, что Хафн робкие, но они устроят Кел трудные времена.

В любом случае мы еще не выиграли,

но время от времени можно позволить себе испытать момент осторожного оптимизма. Предлагаю вам последовать моему примеру.

Ваша в календарной ереси,
Вх.

— Ты уже несколько часов занимаешься формациями, — сказал Джедао. — Уверена, что не хочешь отдохнуть?

— Ты так веришь в отдых, — проговорила Черис. Скривившись, она разглядывала крайний левый стержень последней формации. Позволит ли косая симметрия добиться желаемого? Все старания лишены смысла, если им не удастся выкрутить еретический календарь до более благоприятной конфигурации, но она предпочитала на всякий случай подготовиться.

— Однажды моя подчиненная направила свой танк из колонны прямо в дом. С очень глубоким подвалом. Потому что она слишком давно не спала и перестала соображать. Теперь это забавно, но тогда было не до смеха… Впрочем, кого я обманываю — это было весело, пусть и случилась катастрофа. Я так смеялся, что адъютант едва меня не пристрелил.

— Я выгляжу такой уставшей?

— Еще нет.

Отлично.

— Кое-кто из Доктрины тоже над этим работает, — сказала Черис. — Но я быстрее.

— Знаю.

Черис не рассматривала комнату, не глядела на эмблему пепельного ястреба, не смотрела на тень девятихвостого лиса. Ее мир сделался серым по краям, не как в бою, но как в Академии Кел, когда она получала очередное письмо от матери, написаное от руки на высоком языке с ошибками.

Косая симметрия тоже не годилась. Черис мысленно поиграла со стержнями, пробуя разные конфигурации. Ага, вот это многообещающе. Она принялась возиться с симулятором.

— Список бойцов, предоставленный полковником Рагатом для штурма, выглядит неплохо, — сказал Джедао, — но я другого и не ожидал. Я доволен его компетентностью.

Вспыхнуло уведомление от медотсека. Взглянув на статистическую сводку, Черис стиснула зубы. Батальон понес потери в 88 процентов личного состава.

У боксмотов начались трудности с загрузкой всех нуждающихся в камеры анабиоза, чтобы

стабилизировать их, а потом разморозить для лечения в настоящем медицинском учреждении. Полковник медслужбы отметил, очень бесстрастно, что из-за тесных временны́х рамок качество подготовки упало и это повлияет на темпы восстановления.

— Тебе от этого не станет лучше, — сказал Джедао, — но еретики неправильно выбрали время для атаки.

— Да, я вижу, — сказала Черис через минуту. Если бы первоначальная атака оказалась успешной, они с Джедао заняли бы позицию. Еретики могли бы медленно уступить, увлечь Кел глубже в Крепость, а потом ударить по всему штурмовому отряду ампутационными пушками. При нынешнем положении вещей Кел понесли ошеломляющие потери, но у них всё равно остались солдаты, чтобы сражаться.

Джедао молчал, пока Черис прорабатывала еще шесть формаций, но это была дружественная тишина. Потом она попыталась снять напряжение с рук. Она привыкла к перчаткам без пальцев. Даже ее офицеры больше их не замечали.

— Хотелось бы знать, что я всё делаю правильно, — сказала Черис, — но нет другого выхода, кроме как двигаться вперед.

— Единственный непростительный грех на войне — стоять на месте, — сказал Джедао. — Лучше делать что-то неправильно от всего сердца, чем оцепенеть.

— Ты терял солдат. — Это было не то, что она хотела сказать.

— К такому никогда не привыкаешь, — сказал Джедао. — Иногда приходит мысль, что это не я сумасшедший, а Командование Кел. Им стоило бы быть осмотрительнее. В любом случае прекрати тянуть.

— Это верно, — согласилась она и вышла из каюты.

Коммандер Хазан нахмурился, когда Черис вошла в командный центр.

— Что-то изменилось, сэр?

— Коммандер, — сказала Черис, — я хочу обратиться к сервиторам.

— Сервиторам мота, сэр?

— Сервиторам роя. Ко всем — или к той их части, с какой можно будет связаться за двадцать четыре минуты.

Он не понимал.

— Если у вас есть приказы для них…

— Я не собираюсь им приказывать, — сказала Черис, решив быть с ним терпеливой. — Я хочу

к ним обратиться. Кое-что попросить. Было бы лучше, сумей я сделать это лично, однако с целым роем такое невозможно. У самих сервиторов могут быть предложения о том, как это устроить. Я прислушаюсь к любым разумным идеям.

Атмосфера в командном центре сделалась отчетливо неловкой. Ее офицеры решили, что это безумный план Джедао. Они не обрадуются, узнав, что всё придумала сама Черис — впрочем, она не обязана им ничего объяснять.

Хазан пришел в себя достаточно, чтобы сказать:

— Коммандер Хазан вызывает Первую сверхгруппу сервиторов. — Он начал объяснять, в чем суть просьбы.

— Когда я был жив, сервиторов у нас не было, — сказал Джедао. — По крайней мере, по-настоящему разумных, хотя о них ходили слухи. Множество дронов с зачатками разума. Интересно, что думают сервиторы по поводу того, что мы сделали с их предками — впрочем, мы чертовски хорошо позаботились о том, чтобы они не обременяли нас своим мнением, верно?

Опасно, но Черис согласилась.

— Всё готово для выхода в эфир, сэр, — сказал Хазан. — Обращение через восемнадцать минут?

— Этого будет достаточно, — сказала Черис. Она держалась в стороне, пока ждала, и читала отчеты, которые появлялись на терминале. На миг она замечталась и представила себе, как сидит в кресле у окна и смотрит на бегущие по небу облака. Интересно, Джедао когда-нибудь мечтал о спокойном отдыхе? Или — ужасная мысль — это и есть *его* мечта?

— Шесть минут, сэр, — сказал Хазан.

Она заверила несколько отчетов Шуос. Большей частью, сетевое вооружение, с целями, которые они с Джедао определили после консультации с капитаном-аналитиком Ко. Она надеялась, что никто из Шуос не отнесся к заданию слишком творчески.

— Я готова, — сказала Черис, когда назначенное время приблизилось.

На разных мотах сервиторы были организованы по-разному. На «Неписаном законе» они склонялись к традиционным воззрениям, и их представляла единственная гладкая дельтаформа из Первой сверхгруппы. «Искреннее приветствие» делегировало двух: один был помечен «Верх», другой — «Бок». Она не знала, что это означает. «Спектральный софизм» коммандера Кел Ирио: пять сервиторов разных форм.

Что ж, надо с чего-то начать.

— Сервиторы, — сказала Черис, не зная лучшей формы обращения, — это временный генерал Кел Черис. Я помешала исполнению ваших обязанностей, потому что у меня к вам просьба. Это не приказ. — Лучше всё прояснить с самого начала.

Черис услышала сдавленное восклицание Сканирования.

Сервиторы, молчаливые и недвижные, не сводили с нее призматические глаза.

— Мы пытаемся модифицировать пороговые отделители так, чтобы их можно было использовать в соответствии с еретическим календарем, — сказала Черис, — но нам нужно снова закрепиться в округе Зонта и продвинуться в округ Барабанщиков. Ампутационная пушка это осложняет.

Нам известна одна полезная вещь об ампутационных пушках. Их применяют согласно формациям. Еретический календарь занимает фазовый бассейн, который, вопреки обыкновению, не является нейтральным по отношению к сервиторам. Если удастся тайком высадить сервиторов, мы сможем использовать вас, чтобы строить большие формации и застать еретиков врасплох. С помощью Доктрины я определила

формации, которые предоставят защиту против ампутационных пушек. Скорее всего, еретики не предусмотрели такую возможность. И, разумеется, поскольку их пехота не прошла обработку Кел, они сами не имеют доступа к формациям.

Огоньки на терминале показали, что сервиторы совещаются друг с другом. Наконец один из них сказал ей через интерфейс перевода:

— Это не приказ.

У Черис сжалось сердце.

— Верно, — сказала она. — Вы Кел, но ваша служба традиционно определялась некоторыми параметрами. Было бы неправильно с моей стороны требовать от вас выполнения человеческого долга, когда вы не получаете сопутствующих человеческих привилегий. Единственное, что я могу сделать, — это попросить.

— Передайте предварительные логистические расчеты.

Черис так и сделала, гадая, какая критика последует с их стороны.

— Спокойно, — сказал Джедао. — Они еще не сказали «нет».

На этот раз сервиторы совещались дольше. Дело было не в расчетах; их должны были провести быстро. Видимо, они спорили. Черис заметила,

как коммандер Хазан переминается с ноги на ногу.

— Цифры просты, — сказала змееформа с «Пауков и шрамов». — Мы не тактики. Но шансы на возвращение минимальны.

— Это также верно, — сказала Черис. — Положение в Крепости будет непростым.

— Какой транспорт вы предлагаете?

— Мы дважды в день посылаем туда пропагандистские канистры. Некоторые из них можно изменить, чтобы приспособить к вам. Сперва еретики использовали канистры в качестве мишеней, но мы стали добавлять туда легкие наркотики и другие лакомые кусочки, так что теперь есть все основания считать, что они попадают по назначению. Конечно, определенный риск есть. Но я думаю, еретики убеждены, что это «упражнение», навязанное нам Доктриной. Вряд ли они считают канистры реальной угрозой.

Черис всё больше убеждалась в том, что истинным адресатом пропагандистских материалов с тошнотворными подробностями того, как шесть фракций расправились с Лиож, были вовсе не еретики, а она сама. Пусть это и казалось эгоцентричным. Придется позже поговорить с Джедао.

— Абсурдно, — сказала змееформа после пау-

зы. — Но может сработать.

У Черис перехватило дыхание.

На этот раз заговорил сервитор Бок с «Искреннего приветствия»:

— Мы Кел. Мы будем служить как Кел. Мы будем сражаться как Кел, хотя нас не создали для такой битвы. Это миссия Кел. Если наши действия поспособствуют миссии Кел, мы будем служить.

— Спасибо, — сказала Черис. — Я пришлю дальнейшие инструкции. Ценю вашу службу.

— Планируйте мудро, генерал Кел, — сказал сервитор Бок. И на этом разговор закончился.

— Будь я проклят… — сказал Хазан.

— Я передала вам свои предварительные планы, — сказала Черис. — Мне нужно поговорить с Доктриной.

— Конечно, сэр, — сказал Хазан, чье лицо по-прежнему выражало потрясение.

— Много людей умрут из-за того, что я сейчас сделала, — сказала Черис беззвучно.

Она думала, Джедао начнет объяснять, почему так нужно. Но он сказал:

— Боюсь, от этого всегда больно.

— Дайте мне капитан-магистрата Гару, — сказала Черис, не давая себе слишком задуматься над услышанным.

Гара, которая была не на вахте, ответила не сразу.

— Сэр? — спросила она.

Черис кратко изложила всё, что у них было по еретическому календарю.

— Через четыре дня, поглядите-ка, — сказала она. — Их узел в надстройке поминальных церемоний разрушился, отчасти из-за ущерба, который мы причинили геометрии Крепости. Если мы устраним вот этот ритуальный день и заменим на какой-нибудь праздник в честь победы…

Гара сморщила лоб.

— Понимаю, сэр. Но время поджимает. Может быть… — Она покопалась в параметрах и передала результаты Черис. — Нет, следующая возможность представится через семь месяцев, если не будет нового ущерба геометрии высокого уровня. Надо воспользоваться этим шансом, пока он есть. — Пауза. — Я не должна спрашивать, сэр, но какие вести о Хафн?

— Ничего от Командования Кел, — горько сказала Черис. Она отправила еще пару запросов, на том основании, что ей хотелось бы знать, насколько близок рой вторжения. Больше никаких вестей не было и от бригадного генерала

Мариш. — Во всяком случае, если мы силой изменим календарь еретиков в нужный момент, это предоставит нам необходимый шанс.

Коммандер Хазан кашлянул.

— Чтобы устроить еретикам праздник победы, сэр, — сказал он, — мы должны предоставить им эту победу. Большую.

Черис устремила на него спокойный взгляд.

— Это правильно. Или видимость большой победы и достаточно времени для лазутчиков, чтобы подготовить почву для «спонтанного» праздника согласно нашему графику. — Она снова повернулась к Гаре. — Вы можете поработать с Оружием на этом моте и на «Искреннем приветствии» для подготовки отделителей и их экипажей?

— Да, сэр, — сказала Гара.

Теперь всё, что ей нужно было сделать, — это найти способ проиграть битву с наименьшими потерями, но очень убедительно.

Глава семнадцатая

Сервитор 13610 из Третьей сверхгруппы не боялся замкнутых пространств. Будучи змееформой, он часто по долгу службы пробирался в наименее доступные проходы «Неписаного закона». Иногда он задавался вопросом, что чувствуют норные животные, — не то чтобы его охватывали атавистические позывы из эволюционного прошлого, коим он не был наделен, но на пепломоте было маловато почвы и многовато неподатливого металла.

13610-й загрузили в пропагандистскую канистру, которую отказались удостоить номера. Внутри были мягкие сетчатые карманы с распиханными легкими наркотиками. 13610-й изучил одну капсулу: эйфорический вариант болеутоляющего, которым время от времени пользовались Кел. Неинтересная молекулярная структура, но дело не в этом. Он подумал о возможности обсудить химию с еретиком, но средний еретик, вероятно, был так же минимально информирован по этому вопросу, как и средний Кел. Большинство Кел не заботились о вещах, если

те не заставляли другие вещи взрываться. Да уж, очень мило.

Кто-то звонко постучал по канистре.

— Э-э, четырнадцать минут до запуска, — сказал высокий нервный голос. — Вам, хм, комфортно?

13610-й не смог понять, какое отношение к происходящему имеет комфорт. Хотело ли это дитя Кел раздать успокаивающие логические головоломки и одеяла?

Один из других сервиторов, сжалившись над дитем, успокаивающе застрекотал.

— Я тоже должен поблагодарить вас за вашу службу, — сказало дитя Кел. — Раз уж генерал это сделала. Я думаю, вы все легко справитесь с формациями.

Удивительно. Кел учились хорошим манерам. Сервиторы Кел уже очень давно и с чувством спорили о том, сумеют ли люди когда-нибудь постичь этот навык.

Четырнадцать минут — немалое время. 13610-й пересмотрел приказы о перемещении, схемы формаций, которые предоставила генерал Черис, имена командиров подразделений Кел, которым предстояло участвовать в операции.

— Ну, поехали, — сказало дитя Кел. — Огонь сам творит свою удачу и всё такое. Убейте побольше

еретиков.

Загрохотала лента транспортера, а потом канистра, набирая скорость, вылетела через спускной желоб. Внутри у 13610-го не было никакой визуальной трансляции, и ему велели свести сканирование к минимуму, чтобы еретики ничего не заметили. И всё же он знал и то, как быстро они движутся, и их приблизительную траекторию. Когда включился миниатюрный двигатель, он понял, что канистра достигла какой-то щели в самой Крепости.

Канистра с шипением выпустила пузырь металлопены, а потом заработал бурильщик, вгрызаясь в наружную оболочку. Это заняло некоторое время, так что 13610-й поразмыслил о любимых теоремах алгебраической топологии. К несчастью для еретиков, физическая броня не относилась к последним достижениям в области материаловедения, но обновлять ее было бы непомерно дорого, и никто не спешил платить за такое, пока все верили в превосходство инвариантного льда.

Наконец раздался глухой стук, и канистра куда-то упала. 13610-й внимательно прислушивался в течение часа, затем выпустил тончайшие усики сканирования один за другим, в радиальном

узоре. Ничего.

13610-й освободился от ремней и вскрыл канистру изнутри. Ага. Она оказалась за чьим-то книжным шкафом. Как канистра попала сюда, было загадкой, но неважно. 13610-й рискнул осуществить еще одно сканирование, потянувшись дальше, дальше… и уловил сигнал в районе внешней оболочки. Стоп. Возможно, это враг. Но у 13610-го было достаточно информации, чтобы сориентироваться.

Время выскользнуть из канистры и пробраться к месту встречи. Поскольку он не знал, сколько перерывов предстоит — скучающие солдаты-еретики, дикорастущий грибок, случайные всплески радиации, — лучше пошевеливаться, пока есть шанс.

Это была очень красивая атака, если не думать о ее исходе. Капитан Кел Миенг, которую недавно направили в округ Барабанщиков, жалела, что в ее миномете не настоящие снаряды, а безобидные петарды. Им поручили взять и удержать Холл Стохастических Стремлений. У Миенг были опасения по поводу его безопасности. Однажды она застряла в банке, куда пришла вместе с товарищем Кел Беллереном навестить общего друга. Какой-то идиот поправил бесценную чер-

нильную картину собственноручно, вместо того чтобы позволить банковскому сервитору сделать это, и запустил охранную сигнализацию по всему зданию.

Кстати, Беллерен, который теперь майор, командует ротой в транспортнике. Было бы неплохо как-нибудь пересечься с ним.

Один из подполковников спросил полковника Рагата, почему они тратят время в административном районе.

— Барабанщики ценят это место, — ответил тот со странным выражением лица. — Культурное наследие. Понимаю, мы все здесь Кел, но попытайтесь притвориться, что вам не пришлось искать смысл этого термина в сети. К примеру, одно из этих зданий — музей. В нем содержится пистолет, который Андан Чжэ Наво использовала в своей последней битве. В Холле Стохастических Стремлений хранится архив с документами по Андан и Лиож — да, Лиож, — которым больше пятисот лет.

— Я веду к тому, — продолжил Рагат, — что мы можем выбить нужные сведения из гражданских, угрожая уничтожить бесценные артефакты. — Он отдал приказы против мародерства — обычно такой проблемы не возникало, но все хотели

немедленной мести после ампутационной пушки. Нынешняя миссия была чем-то вроде гамбита, «проиграем-чтобы-победить-позже», отчего у Миенг ныли зубы, так она их стискивала.

Ну неужели кого-то заботит анданская пушка, которую за несколько веков ни разу не почистили как следует, или пачка исписаных каллиграфическим почерком журналов, которые никто не читает? Впрочем, полковнику-то определенно эти иссохшие частицы истории не безразличны, так что, наверное, он кое-что смыслит в том, какие чувства Барабанщики испытывают к своим артефактам.

К Форуму Барабанщиков вели чертовски широкие подходы — благо для Кел, — и еще там имелся парк, который обеспечивал некоторое прикрытие. Роты, что прошли впереди с настоящим оружием, ради достоверности оставили немало развалин. Пули свистели по всему парку, взметая пыль. Большинство трупов выглядели нереальными изломанными фигурами в шляпах, нефритовых ожерельях и вышитых одеждах. Крови и частей тел тоже было много; как будто кто-то рассыпал пазл из людей.

Они продвигались к Холлу Стохастических Стремлений, пользуясь большей частью ненуж-

ным огневым прикрытием. Холл представлял собой жутковатое строение, полное стен, от которых вздохи отражались певуче, словно стих, а блики света рождали в воздухе подобие цветов. Такую красоту мог оценить лишь тот, кто хотел прочувствовать сокрытые под ее покровом нездоровые секреты.

Охранники оказали некоторое сопротивление, но единственным в роте, кто получил серьезное ранение, был Кел Аджерио, — ему не стоило так бросаться вперед.

Миенг поручила стрелковому взводу разместиться в атриуме.

— Где, черт возьми, все? — растерянно проговорила она. Скан ее предупредил, но… — Надо будет послать два взвода, чтобы разобрались с бе́лками. — Она ненавидела разделять роту, но нельзя допускать, чтобы гражданские бегали вокруг.

Она едва слышала себя из-за минометов. Фальшивые орудия звучали даже громче настоящих. Тем временем Второй и Третий взводы отправились на охоту за белками. Она время от времени слышала короткие очереди и еще реже — приглушенные крики.

Кроме того, еретикам потребовалось 6,6 часа, чтобы ответить на атаку как на реальную угрозу,

и к этому моменту было размещено больше подразделений-приманок.

К тому времени, когда прибыли силы еретиков, Миенг было трудно убедить себя начать отступление согласно выверенному плану. Им пришлось тащить обратно чертовы приманки, потому что нельзя было оставлять улик. Вокруг деревьев и клумб росли кучи трупов. Сломанные стебли и изжеванные листья. Дым повсюду, тошнотворный даже сквозь маску. Никто еще не стрелял из ампутационной пушки, но это не значило, что ее не разместили за углом.

— Отходите немедленно, — раздался по связи трескучий голос полковника. — Нирай собираются устроить фейерверк. — Он начал перечислять подразделения, которым следовало отправляться к точке эвакуации.

Список. Не все подразделения. Шесть рот отсутствовали в этом списке, если Миенг правильно запомнила, и это означало, что они остаются.

Ее рота была в списке. Это хорошо.

Роты майора Кел Беллерена там не оказалось. А вот это не очень хорошо. Они вместе учились в Академии.

Она должна была обратиться к своему командиру батальона, но вместо этого связалась с

полковником напрямую.

— Сэр, капитан Миенг, Третий батальон, Вторая рота. Если вам нужно другое подразделение, мы можем подождать.

Командир батальона ее убьет. Если полковник не сделает этого первым.

Короткая пауза показалась вечностью.

— Капитан, — сказал Рагат. — Я оставляю эти роты не для прикрытия. Я пускаю их под нож мясника. Согласно прямым приказам генерала. Она решила, что с учетом суматохи от взрывов, устроенных Нирай, таково минимальное количество жертв, которое убедит еретиков, что их победа реальна, и тогда мы сможем перейти к следующей операции. Мне сказали, она хорошо разбирается в цифрах.

Рагат впервые снизошел до столь подробного объяснения.

— Сэр, мы можем…

— Меня не интересуют мученики. — Его голос стал жестче. — У вас есть приказ, капитан. Полковник Рагат, конец связи.

Она прикусила губу, но формационный инстинкт заставил отдать нужные указания и выйти из дымки, где пахло грязью, химикатами и свежей кровью, заставил сесть в хоппер вместе

с солдатами.

Она Кел. Ее жизнь — разменная монета, которую начальство сегодня решило не тратить. Она должна была испытывать благодарность, но впервые за долгое время презирала себя за то, во что ее превратил формационный инстинкт.

Крепость Рассыпанных Игл, Аналитический отдел

Приоритет: Высокий

От кого: Вахенц африр дай Ноум

Кому: Гептарх Лиож Цзай

Календарные детали: Год Тучной коровы, месяц Свиньи, день… пускай решают эти грёбаные Кел.

С утра день был хорошим, моя дорогая Цзай. Но это продлилось недолго. Я не могу обвинять население Крепости в том, что оно устраивает праздники, но эти люди предоставили Джедао шанс, который будет иметь для нас сокрушительные последствия. Самый кошмар заключается в том, что мы не можем объявить победу вражеским замыслом; это подорвет боевой дух.

Я могла бы пнуть Стогана за органи-

зацию тех парадов, но правда в том, что он всего лишь извлек выгоду из существующей тенденции. Людям нужен был праздник, пусть они и прятались под столами во время пальбы.

Если уж на то пошло – не то чтобы у нас были веские доказательства, – это не спонтанные торжества. Они слишком хорошо синхронизированы. Это наверняка работа подстрекателей Шуос. Полагаю, что один из них несет ответственность за безобразно прилипчивый гимн, который курсирует по сети. Я поймала себя на том, что отстукиваю его ногой.

Они уже называют это Днем Триумфа Барабанщиков. Ликование не продлится долго, но Кел в этом и не нуждаются. Можете сделать отметку в календаре Доктрины.

Чего я не понимаю, так это замыслов Кел. Пространство параметров слишком запутано. Я поручила части своей команды поработать над этим, но если я попытаюсь надавить на них сильней, бедняги испустят дух. Я хотела бы подключить вторую аналитическую группу,

потому что Тсегай не лишена математических способностей, но она к тому же их лучший сетевой дайвер, а вам нужно, чтобы она занималась именно этим.

Меня обрадовали хорошие новости с фронта Хафн: они уничтожили рой Штыря-в-глазу. Они были обеспокоены тем, не сбежала ли бригадный генерал Мариш, чтобы снова сражаться, но я могла бы сказать им, чтоб не беспокоились. Генералы Кел редко выживают после смерти своих роев, даже если у них есть выбор.

Геренаг Абрана и некоторые люди в Финансовом отделе проводят слишком много времени вместе. Да, конечно, я слежу за вашей коалицией, Цзай. Я здесь, чтобы делать гадкие вещи вместо вас. Понимаю, что вы мечтаете о более эгалитарном гептархате, который спонтанно возникнет из пепла старого режима, но вы убедитесь, что вне зависимости от организации социальных структур люди остаются людьми. В любом случае вам, возможно, придется воткнуть нож в спину Абране, прежде чем она попытается сделать то же самое с вами. Будь она ум-

нее, сообразила бы, что лучше позволить кому-то другому принять огонь на себя, а самой дергать за ниточки. Но мы ведь знаем, какие уступки подразумевало то соглашение, не так ли?

Сложись всё иначе, мы были бы противниками. Обвинив вас в предательстве за толику серьезной критики, гекзархат превратил вас в предательницу. Я знаю, вам не нравится это слово, но мы должны быть честны сами с собой.

На этом этапе игры Джедао на шаг впереди, поэтому придется посмотреть, сможем ли мы преодолеть отставание. Я сообщу, если нам повезет с этими грубыми подсчетами, но скорых результатов поиска не ждите. А я пока что пойду и утоплю свои дурные предчувствия в каком-нибудь омерзительном пиве.

Искренне ваша в календарной ереси,
Вх.

— Это еще один положительный момент, — сказала Черис, прочитав последнее донесение Шуос.

Она не стояла в командном центре. Она вообще не была на борту пепломота. Вместо этого ее пе-

ребросило на Форум Барабанщиков — то, что от него осталось. Видеотрансляции были четкими. Следы взрывов, кратеры, ошметки внутренностей, расколотые деревья. Где-то там лежал бесценный пистолет с перламутровой рукоятью, принадлежавший великому генералу Андан Чжэ Наво. Она хотела бы приложить дуло к виску и проверить, в рабочем ли состоянии оружие. Тот пистолет, что у нее на поясе, не сработает. Но ее тело вернули на «Негласный закон» и выставили на всеобщее обозрение.

— Это хорошо, — сказал Джедао тоном, который говорил о том, что ничего хорошего не происходит. — Черис, я не могу понять, диссоциируешь ты или галлюцинируешь. Иди в медотсек.

Она едва вспомнила про субвокальную речь.

— Нет. Мне должно быть больно.

Она сказала шести ротам Кел, что лучший для них способ исполнить свой долг — сразиться и проиграть. Стать мясом для фиктивной победы. Всё ради единственного дня в календаре.

Формационный инстинкт заставил полковника пехоты выполнить ее приказы. Формационный инстинкт заставил роты подчиниться. И они не последние.

— Раньше ты заставлял людей делать такие

вещи, не прибегая к формационному инстинкту, — сказала Черис.

— Да, — сказал Джедао. — Помни цифры, Черис. Иногда это всё, что у тебя есть.

Благодаря Шуос у них был внятный расклад союзников Лиож Цзай и карта их владений в шести округах, пусть даже о расположении конкретных людей можно было лишь гадать. Вот хорошее свойство фабрик: просто так их не передвинешь. Предположительное место изготовления компонентов ампутационной пушки находилось в недрах Сияющего округа.

Инженерный отдел сообщил, что переоборудование порогового отделителя отстает от графика всего на двадцать семь минут, что было чудом. Инженеры также добавили, что работа идет медленнее из-за того, что ряд самых технически квалифицированных сервиторов отправились искать острые ощущения в Крепости — и, может быть, когда генерал в следующий раз выкинет такой фокус, она проконсультируется с отделом по поводу назначений, а не просто позволит сервиторам удрать.

Черис не стала подыскивать нужные слова и ответила простым подтверждением. Моргнула и опять оказалась вне собственного тела. На

этот раз она была в дуэльном зале, и Кел Неревор отдавала ей честь своим свирепым желтым календарным мечом. В этом сценарии было по меньшей мере три неправильные детали, но она не хотела уходить.

— Черис, — опять сказал Джедао. — Генерал. Или прими грёбаное лекарство, или убирайся из грёбаного командного центра. Прямо сейчас ты угроза для роя.

— Два и девять десятых часа до начала операции, — сказала Черис. Неревор пыталась ей что-то сказать, но вместо слов сыпала образами трещин, припадков, остывающего пепла. Черис не понимала, в чем их смысл. — Я должна…

— Черис, у большинства генералов для таких вещей есть адъютанты. К несчастью, в твоем распоряжении только я. Наркотики, сон, наркотический сон, мне плевать, выбери что-нибудь, или я придумаю, как взять верх над твоим разумом.

— Коммандер, я буду в каюте, — сказала Черис Хазану.

— Сэр, я вызову вас, когда начнется операция.

Будь она на месте Хазана, тоже предпочла бы разбудить генерала. По крайней мере, он не понял, что она лжет.

А вот Джедао сразу ее раскусил.

— Черис, ты ведешь себя нелепо.

Когда Черис вошла в дуэльный зал, несколько человек вытаращили на нее глаза. Ну да, верно — она же побывала здесь всего один раз.

— Надеюсь, это излишние слова, — сказал Джедао, — но ты не должна сражаться на дуэли. Ты способна кого-то случайно убить.

В груди у нее болело.

— Полагаю, это предпочтительнее намеренного убийства.

— Став солдатом, на что ты рассчитывала? На парады? Красивые речи? Поклонников?

— Я знала, что буду убивать, — огрызнулась она. — Просто не думала, что придется преднамеренно убивать собственных солдат!

— Иногда другого выхода нет.

Тень была позади, поэтому она не могла сверлить ее взглядом.

— Ну да, конечно, — сказала Черис. — Живешь согласно своим убеждениям. Как похвально.

— Я не имею в виду конкретно Адское Веретено.

Она фыркнула.

— Ты считаешь меня низким человеком, — сказал Джедао. — Я это знаю. Но будь я так хорош в манипулировании людьми — может, ты бы

уже дремала, вместо того чтобы нервировать дуэлянтов?

— Ты не спишь, — сказала Черис, вспоминая. — Ты совсем не спишь. Чем ты занимаешься всё это время? Ворон считаешь?

Джедао молчал так долго, что она подумала — с ним что-то случилось. Затем он проговорил:

— В «черной колыбели» темно и очень тихо, если только они не проводят тесты. Здесь есть на что посмотреть, и я могу вспомнить, как выглядят цвета и как звучат голоса. Пожалуйста, Черис. Иди спать. Ценность чего бы то ни было понимаешь лишь после того, как это у тебя навсегда забирают.

— Ты просто хочешь заставить меня делать то, что тебе нужно.

— Тебе придется объяснить мне, как всё устроено, — сказал Джедао. — В Сияющем округе неизбежно что-то пойдет не так, и ты им понадобишься.

— То есть ты, а не я.

— Ты, а не я. Я именно это и сказал.

Черис окинула взглядом дуэльный зал, потом позволила ногам отнести себя обратно в каюту. Прежде чем лечь, она спросила:

— Тебе одиноко, когда я засыпаю?

Он не ответил, но на этот раз она оставила маленькую лампу включенной.

Глава восемнадцатая

Последний раз, когда Кел Нарочер поучаствовал в большой формации, случился во время учений перед парадом в городе Филигранных Масок, и в конце концов они эту формацию не использовали. Нарочер любил парады. Могли случиться любые неприятности, но даже если что-то шло не так, никто не умирал. Не считая одного случая с горящим голубем, но то была дурацкая шутка.

Хоппер высадил их в захваченном доке, далеко за пределами градиента коррозии. Они собрались в узловых точках большой формации, у которой не было имени. Она ведь, в конце концов, была еретической. Было трудно сконцентрироваться на расстояниях, на том, чтобы держать строй, и том, куда ставить ноги, пусть даже формационный инстинкт заставлял его рывком менять позицию каждый раз, когда сержант сообщал о коррекции.

Потом прибыли сервиторы.

У Нарочера были сомнения по поводу допуска сервиторов к формациям Кел. Он не возражал,

когда они занимались обычными делами, но это совсем другое дело. Может, он в большей степени традиционалист, чем сам считал, пусть он и первый Кел в семье. Он заставил себя смотреть, как сервиторы зависли на позициях. Они действовали эффективно, не совершая лишних движений. Если бы Нарочер был честным с самим собой, ему пришлось бы признаться, что сервиторы вызывали не презрение. Они вызывали чувство собственной неполноценности.

Генерал решила, что они в достаточной степени Кел, чтобы служить вместе с Кел. Если он сам хоть в какой-то степени Кел, этого должно хватить.

Износ сервиторов оказался сильнее, чем рассчитывали. Майор Кел Ула связалась с полковником и получила уточненные боевые приказы. Это привело к задержкам, поскольку формации пришлось менять сообразно количеству людей, и нескольких человек запихнули в другие роты. Целых сорок три человека и сервитора остались в арьергарде. Нарочер, чтобы скоротать время, представлял, как будет играть с собаками брата. С собаками, хоть и слюнявыми, было куда веселей, чем с мрачными сослуживцами. Впрочем, на войне тоже хватало жидкостей.

— Ладно, — раздался на общем канале голос полковника Рагата, и Нарочер сосредоточился. — Майор Ула из Седьмого батальона распоряжается транспортом. Она проедет по дамбе и направится по туннелю к Сияющим Вратам. Не запускайте стержни формации, пока не прибудете на место. Неизвестно, когда коррозийные взводы заметят, что мы их объехали. Я бы не рассчитывал больше чем на час, так что не мешкайте.

Как только окажетесь в Сияющем округе, направляйтесь прямиком к фабрике. Вы не сможете ее удержать, но я уверен, что такие творчески настроенные парни смогут учинить там серьезный бардак. Тяните так можно дольше, чтобы отряды отделителей смогли всё установить. Мы предупредим, когда можно будет оттуда сматываться.

Возможно, вы слышали, что отделители считывают статус лояльности и теоретически неспособны убивать своих. Это согласно машинным расчетам, а не полевым испытаниям. Если вы достаточно тупы, чтобы задержаться до полевых испытаний, я лично принесу цветочки на ваш погребальный костер.

Нарочер был с капитаном Чжан Горо, прямо за ротой майора Улы. Он испытал зловещее чувство, как будто кто-то следит за ним — наверное, из-за

того, что вокруг было так много сервиторов. Ему пришло в голову, что сервиторы чувствуют себя столь же неловко. Наверное, они когда-нибудь поговорят об этом друг с другом за выпивкой, хоть он и не знал, что у сервиторов вместо алкоголя.

Градиенты коррозии должны были удерживать Кел на месте, и у еретиков, видимо, закончились генераторы — иначе они бы уже их запустили. Нарочер слыхал, что всё дело в саботаже Шуос. Он знал, что Шуос относились к Кел как к туповатым младшим братьям и сестрам, но радовался, что они на одной стороне.

Нирай занимались мощными бурильщиками, готовя проход к Сияющим Вратам. Врата были одной из достопримечательностей Сияющего округа и сами представляли собой твердыню. Их сделали из уплотненной материи некоей умирающей звезды. Если бы вся Крепость состояла из того же вещества, им пришлось бы трудно. Странно ощущать благодарность за то, что одно из оборонительных сооружений гекзархата оказалось слабым, но так уж вышло.

Коридор, по которому они шли, был странным и каким-то сырым. У Нарочера возникла омерзительная фантазия: кто-то выращивает Кел в замкнутом помещении с нездоровым сине-белым

освещением, и скоро наступит время снимать урожай. Интересно, Кел вкуснее всего маринованными? Копчеными? Он ненавидел копченую еду, но для пепельных ястребов она подходила лучше всего.

Ну вот и они: Сияющие Врата. Вся конструкция была прозрачной, хотя индекс рефракции даже с такого расстояния вызвал у Нарочера приступ головной боли. Под поверхностью вертелись живые световые линии, которые всё время писали и переписывали похвальбы в адрес гекзархата. Свет был то золотым, то бронзовым, то серебряным и создавал ощущение тепла, которое Нарочер никогда не приписывал своему правительству.

Рота майора Улы ненадолго замешкалась. Потом они разобрались, что к чему, и стержни формации начали появляться на положенных местах. Вокруг роты разлился яркий, неистовый свет. Нет, это был не свет. При нем нельзя было читать, от него не согрелись бы руки, но чем бы он ни был, он притягивал взгляд и одновременно заставлял его отвести. Он предвещал знамена, высоко поднятые мечи и салюты из шести стволов.

Ула подняла знамя: конечно, это хороший знак, выставленный напоказ ястреб-самоубийца, пусть даже своего генерала они могли представить

лишь нулевым знаменем. Кто-то зашипел на Нарочера. Он напомнил себе держать темп. Если уж сервиторы делают свое дело, даром что новички, ему надлежит делать свое.

Удивительно, но врата поддавались. Прозрачная материя струями змеящегося пара уходила прочь. И свет — эти сияющие слова, все идеалы гекзархата, написаные давно умершими поэтами, — свет струился, как разворачивающийся свиток, как витки разматывающегося каната, и слова вырвались на свободу, словно их кто-то спугнул.

— …Это капитан. — Голос на общем канале даже сквозь треск звучал яростно. — Сообщение от полковника. Еретики очнулись. Они отключили градиент коррозии и направляются к нашему арьергарду. Подразделения арьергарда меняют фронт. Мы последуем за майором, как только она пройдет внутрь, и нанесем удар по фабрике — будем надеяться, арьергард сумеет занять еретиков.

Нарочер снова посмотрел на роту Улы. На этот раз он заметил кое-что, не проявившееся раньше. По краям формации, на не стержневых позициях, люди и сервиторы превращались в столбы раскаленных добела цифр. Нарочер не должен

был разглядеть их с такого расстояния, но он смог. Большинство были написаны вертикальным письмом высокого языка. Также попадался машинный универсальный, хотя его он не мог читать.

Он не мог объяснить свою убежденность, но точно знал, что числа имели значение. Дни рождения и фестивальные дни. Размер детской обуви. Сколько раз солдат навещал искалеченного товарища. Удельный вес любимого вина. Количество пуль в пистолете. Расстояние от этой осады до дома детства, который кто-то помнил, но так и не навестил.

Количество солдат, которыми генерал Кел готова была пожертвовать ради достижения своей цели.

Нарочер не плакал, когда его рота добралась до усохших останков Сияющих врат, куда пришлось идти сквозь дымные призраки людей, сведенных к иллюзорным числам. Но у него болели глаза. Рота Улы сгорела, испаряя врата. Он мог лишь выполнить свою роль: сразиться, чтобы проникнуть через брешь, которую открыли погибшие для своих товарищей.

В командном центре «Неписаного закона» Черис выслушивала донесения. Она не скорбела.

Она утратила право скорбеть. Джедао бы возразил, потому она с ним и не разговаривала.

Первая в истории формация Кел была самоубийственной. Она узнала об этом в Академии и забыла. Теперь уже никогда не забудет.

Глава девятнадцатая

Капитан-инженер Нирай Вениат, наверное, был единственным человеком в рое, которому нравились пороговые отделители. Дело не в том, что он считал их разрушительность забавной, хотя люди обвиняли его в том, что он думает, будто разрушение вообще смешная штука. Дело в том, насколько безупречным предназначением они обладали: творили смерть, которая творила смерть, творящую смерть.

Вся вселенная существовала за счет смерти. Никакое заводное чудо в мире не могло остановить энтропию. Можно работать со смертью, можно позволить ей случиться; третьего не дано.

— Сэр, — проговорил Нервный Инженер № 3, — у меня проблемы с… а, всё нормально. — Тихий щелчок.

— Побольше уверенности, — подбодрил Вениат. Эффект получился противоположный желаемому.

Они устанавливали оборудование в парке в Сияющем округе. Кучка Кел выгнала гражданских, героически воздержалась от стрельбы по ручным

оленям, которые клянчили угощение, и теперь патрулировала периметр, чтобы предотвратить какие-нибудь неприятные сюрпризы.

Где-то в другой части округа еще продолжались бои. Один из капитанов пехоты, с которым Вениат был в приятельских отношениях, рассказал ему о самоубийственных формациях сервиторов Кел. Вениат был под впечатлением. Умное использование сервиторов, самое время Кел применить нестандартное мышление. Когда Вениат узнал, что командовать ими будет капитан-выскочка, про которую никто не слышал, он подумал, что Командование Кел сошло с ума — но, похоже, у этой женщины всё-таки есть потенциал.

В парке было слишком тихо. Нервный Инженер № 2 озирался по сторонам. Один из оленей подошел слишком близко, и его пришлось прогнать. Животное, похоже, приняло отделитель за раздатчик угощений.

— Всё готово, сэр, — сказал Спокойный инженер, который всё это время тихо работал.

Ничто в облике отделителя не намекало на его предназначение. Не понимая, что он такое, его можно было ошибочно принять за что-то вроде кинетической скульптуры из извивающихся проводов, вращающихся колес и соединенных

между собой валов. Вениат, который с тринадцати лет разбирался в соответствующей механике, прекрасно понимал, что к чему.

— Это Вениат, — сказал он, выходя на связь. — Отряды со второго по четвертый, статус.

— Отряд два, приготовления завершены.

— Это отряд четыре. Еще шестнадцать минут, у нас тут небольшая проблема с… гляди, ты держишь это вверх тормашками. Давай я… — Тишина.

— Отряд три, сэр, мы готовы.

Четвертый отряд разобрался с тем, что они делали, через тридцать восемь минут. Двое из его членов были на грани некомпетентности, но ими руководил особенно бдительный лейтенант.

— Вениат вызывает полковника Рагата, — сказал он, как только убедился, что в последний момент ничего не откручилось. — Все отделители готовы. Рекомендую вашим Кел сматывать удочки.

— Капитан, — раздался в ответ мученический голос Рагата, — однажды я пойму, почему Нирай могут декламировать трансцендентные числа[8] из сотен цифр, будучи мертвецки пьяными, но не

[8] Примечания: 8

Трансцендентное число — вещественное или комплексное число, не являющееся алгебраическим (например, число *n*).

в силах запомнить собственный ранг.

Вениат был впечатлен тем, что полковник знал о трансцендентных числах. Надо перестать недооценивать Кел.

— Вы хотите эвакуировать персонал, капитан?

— Нет, сэр, — сказал Вениат. Все здесь были добровольцами. Нирай могли выносить обоснованные суждения о таких вещах лучше, чем Кел. Это была их работа — понимать математику.

— Ладно, — сказал Рагат. — Как только еретики заметят, что мы уходим, всё быстро полетит к чертям. Я буду держать вас в курсе ситуации.

— Мы выигрываем, сэр?

Небольшая пауза.

— Можно сказать и так. Полковник Рагат, конец связи.

Прошло время.

Потом еще больше времени.

К ним снова забрел олень. Нервный Инженер № 3 бросал в него камни, пока он не ушел.

— Сколько времени потребуется Кел, чтобы выбраться отсюда? — спросил Нервный Инженер № 5, который частенько ныл.

— Ключевое слово «выбраться», — сказал Спокойный Инженер. — Я видел тебя с пистолетом — думаешь, ты бы справился быстрей?

— Я что-то слышу, — сказал Нервный Инженер № 4, понизив голос на полтона. Люди ломились через парк, хрустели ветки. Они пришли сюда не кормить оленя.

— Вениат вызывает полковника Рагата, — тотчас же сказал Вениат. — Осложнения. К нашей позиции приближается патруль. Не знаю, сколько их.

В отряде при каждом отделителе было всего пять человек.

— У меня три отстающие роты Кел, — сказал Рагат после минутной паузы. — Однако ваша миссия имеет приоритет. Включайте отделители, когда сочтете нужным.

— Благодарю вас, сэр.

— Делайте свою работу, капитан. Полковник Рагат, конец связи.

Звуки приближались. Голоса, зовущие друг друга.

— Вениат всем командам. — Он трепетал от смеси страха и предвкушения. — Активировать все отделители.

Вениат и его команда стояли в зоне укрытия. Все современные отделители имели зоны укрытия для своих команд. Можно было лишь гадать, сработает ли зона этой модели как положено.

У первых отделителей зон укрытия не было.

Звуки, которые издал отделитель, походили на взрыв печи, на пение разбивающихся бокалов, на гул качающихся колоколов. Эти машины не испускали света, но извергали ветер, который получился бы, если собрать все облака мира в веретено и предоставить ему вертеться сто лет.

Зона укрытия работала, о чем свидетельствовало слабое свечение. Вопрос заключался в том, действует ли сам отделитель. Здесь, в парке, среди деревьев, которые отбрасывали длинные тени, было трудно сказать.

Стоп. Раздался какой-то шепот. Выступ на дереве приоткрылся, словно глаз. Изнутри полыхнуло странным, искаженным светом.

Олень опять забрел на шум. Отделитель задребезжал, и животное попятилось. Свет померк в его глазах, они стали цвета шрамов и разбитых лун. Он сделал несколько неуверенных шагов, прежде чем упасть. На его горле и боках открылись изогнутые дыры, в которых блеснули маленькие зубы, и раздавались щелкающие звуки. Было что-то комичное в углах, под которыми изогнулись ноги оленя.

Из дыр выдвинулись округлые формы. Глаза. Все глаза смотрели на отделитель.

Они были в зоне укрытия. Они были в безопасности.

Вениат до той поры почти не дышал.

— Вениат ко всем командам отделителей. Статус.

— Мы сбили каких-то птиц, сэр. — Четвертая команда. — С нашей позиции можно с трудом разглядеть жилой комплекс. Трудно сказать с уверенностью, но похоже… да, у нас всё работает. Световая чума.

Третья команда:

— Мне жаль, сэр, наш создает зону укрытия, но в остальном не действует. Мы бы попытались его отремонтировать, но невозможно добраться до пострадавших компонентов, не выходя из зоны.

— Даже не думайте об этом, — сказал Вениат. — Вы скоро будете в опасности от других отделителей. Я бы предпочел, чтобы мы все ушли отсюда в целости и сохранности.

Четыре отделителя были перебором даже для целого округа. С одним всё было бы хорошо. Остальные предназначались на случай неизбежной поломки.

У второй команды всё по обыкновению было как в аптеке.

— Все системы функционируют в пределах

параметров, сэр.

— Вениат вызывает полковника Рагата. Три действующих отделителя, сэр. Мы не можем как следует оценить рабочее состояние в этой…

— Они работают, — невыразительным голосом перебил Рагат. — Капитан Джагун переслала нам видео, прежде чем радиация догнала ее роту. Капитан Изиади был уже вблизи от туннеля, но я велел его перекрыть. Еретики действуют быстро. Они уже перекрыли всё остальное; мы сотрудничаем, чтобы минимизировать ущерб. Сканирование пошло к чертям, когда отделители заработали, но вы, возможно, единственные, кто остался в живых.

Численность населения округа оценивали в 43 000 человек. Дело не в том, что число было большим. Не особенно. Вениат знал, как выглядят большие числа. Дело было в соотношении. Умерли все.

По крайней мере, это случилось быстро. Не безболезненно, но быстро. Конечно, очистка округа от трупов будет, мягко говоря, проблемой. К счастью, не его проблемой.

Вениат, что случалось редко, собрал в себе остатки человечности:

— Мне жаль ваших солдат, сэр.

Рагат проигнорировал это.

— На всякий случай оставьте отделители работать еще на час, а затем отключите их. Мы вернем вас, но в случае какой-то катастрофы с нашей стороны вы знаете, что делать.

Уничтожить отделители. Нельзя допустить, чтобы они попали в руки врага.

— Однажды вы поручите мне что-то трудное, сэр, — сказал Вениат.

— Трахни силовую розетку, — беззлобно предложил Рагат и отключился.

— Вы уверены? — спросила Черис полковника Рагата. — У нас тут наверху ожидаемые проблемы со сканированием.

— Уверены, — подтвердил Рагат. — Мы прямо сейчас эвакуируем команды отделителей. Ничего не осталось, кроме грибка и трупов. Спасибо капитану Джагуну, у нас даже есть видеозапись нетривиальной, но бесплодной попытки одного солдата выжить, вытащив глаза пальцами. Не сработало, разумеется.

Ни один из них не упомянул о том факте, что отделители не учли статус лояльности. Рагат уже сообщил об уничтожении трех рот Кел. Больше об этом нечего было сказать.

— Спасибо за вашу работу, полковник, и мои

поздравления командам отделителей, — сказала Черис. — Сообщайте мне о дальнейшем развитии событий.

— Разумеется, сэр.

— Ты ему нравишься, — сказал Джедао.

— Я заметила, — сказала Черис. Потом продолжила вслух: — Всё еще никаких подвижек, Сканирование?

— Не похоже, что нам удастся получить хоть какие-то показатели по этому полушарию еще несколько часов, сэр.

— И всё это, — сказала Черис субвокально, — даже не главный штурм. Мы уничтожили население целого округа в качестве отвлекающего маневра. По крайней мере, еретичка Геренаг Абрана, чьи владения и сторонники были сосредоточены в Сияющем округе, точно примет случившееся к сведению.

— Лучшие ложные выпады, — сказал Джедао, — выглядят как настоящие атаки.

Во время атаки с использованием отделителей лазутчики Шуос в других округах занимались саботажем. Они провели очень много тщательно спланированных диверсий.

Она опять заговорила вслух:

— Вызовите мне капитана Дамиода и капи-

тана Ко.

Команда криптологов и Шуос. Их лица появились рядом с ее главным дисплеем.

— Сэр, — приветствовал Ко.

— Сэр, — сказал Дамиод. — Вы хотели узнать про ту линию.

— Да, — согласилась Черис. Не так давно он сообщил ей об этом открытии.

— С помощью лазутчиков мы подтвердили, что линия 92832–17 идет прямиком в командный центр Крепости. Вероятно, это прямая линия Инаиги Цзай. Нам не удалось расшифровать пакеты данных. Подозреваю, использована какая-то передовая теорема, потому что структуры забавные такие… впрочем, забудьте. Ближе к теме: мы подтвердили, что тайное подключение к 17-й ведет к индивиду, связанному с лейтенантом Цзай, Геренаг Абраной. Если Шуос не заскучали, никто ничего с этим подключением не делал. Мы думаем, что Цзай о нем не знает.

— Вы согласны? — спросила Черис у капитана Ко.

— Да, сэр, — ответил тот.

— Сожалею, что у меня нет для вас новостей получше, — сказал Дамиод, хотя прозвучало это так, словно на самом деле он сожалел, что тратит

время на этот разговор.

— Всё в порядке, — сказала Черис и заметила, как Ко на миг прищурился. — Мне нужно не это. Вы подготовили для меня тот фальшивый шифр?

— Он готов, — подтвердил Ко. — Выглядит как «ёж», но хорошая команда должна его взломать за несколько дней, если зайдет с правильной стороны, в особенности с вычислительными ресурсами Крепости.

Черис могла спорить на что угодно, что у Геренаг Абраны отличная команда.

— Еще кое-что, — сказала Черис. — Мы можем внедрить сообщение в 17-ю линию? И удостовериться, что его заметит тот, кто ее прослушивает?

— Это отличная прослушка, — насмешливо ответил Дамиод. — Она, скорее всего, подмечает больше, чем основная линия. Но сэр, если сделать это, они смогут отследить вмешательство. Они поймут, что мы их подслушиваем.

— Вот и хорошо, — сказала Черис. — После этого сообщения нам не придется больше подслушивать.

Ко призадумался.

— Вы прямо как настоящий Шуос, сэр.

— Есть возражения? — спросила Черис.

— Это всего лишь мысли вслух, сэр.

— Вот какое сообщение надо вставить любыми возможными средствами, — продолжила Черис, обращаясь к Ко и Дамиоду, — полное видео, покажите тень. Начните с Двойки шестерней. — На этом настоял Джедао. — Говорит Гарах Джедао Шкан — простите косметические изменения; мои варианты были ограничены. — Имя прозвучало, вопреки здравому смыслу, естественно. — В соответствии с вашей просьбой, я очистил ваш дом от вредителей. Если наведете порядок со своей стороны, у вас будет полная свобода действий в переговорах, когда прибудут Хафн. Тем временем мне нужно разобраться с Кел. Надеюсь, мы сможем обсудить дальнейшие договоренности за ужином, как было согласовано ранее. Наслаждайтесь тишиной и покоем.

Если это сработает, если лейтенант Цзай взломает фальшивый шифр и подслушает «переговоры» Цзай с Джедао с целью устранения ее подчиненных, еретики разорвут друг друга на части, и они все скоро отправятся домой.

Черис взглянула на свои руки в перчатках без пальцев, делая вид, будто не замечает, как люди на нее смотрят.

— Дело сделано, — сказал Джедао. — Теперь

ждем.

Глава двадцатая

Шуос Хаодан ненавидел, когда ему приказывали кого-то убить. Много лет назад один инструктор объяснил, что потому он и подходит для таких миссий идеально. Конечно, у него имелись нужные навыки — кое-что из них было связано с тем, что он вырос в семье Кел, — и высшие баллы в Академии. Но изначально он надеялся, что ему поручат что-то тихое, из области аналитики или администрирования.

И всё-таки в одну из первых миссий куратор послал его в качестве полевого агента на подстраховке. Основной агент был талантливым, но чудаковатым. Он — точнее, она — увязла в побочной схеме, связанной с подделкой произведений искусства (хотел бы он узнать формулировку выговора), и Хаодану пришлось самому избавляться от цели.

Он слишком хорошо справился. Куратор сказал, что теперь его долг — браться за новые миссии по устранению. Когда он запротестовал и заявил, что не испытывает радости, забирая жизни (в некоторых подразделениях Шуос можно было за

всю карьеру никого не убить, пусть даже широкая публика ни за что бы в это не поверила), но куратор с жестокой убедительностью сказал, что если всякий Шуос будет хитростью избавляться от «мокрых дел», ими будут заниматься только агрессоры и социопаты. Потому политика Шуос состояла в том, чтобы использовать убийц, которым работа не доставляла удовольствия. Впрочем, широкая публика и в это бы не поверила.

Хаодан понимал, что этот довод апеллирует к его эго. Метод сработал.

И вот много лет спустя он в округе Стрекозы занимает позицию, чтобы попытаться устранить главу аналитического отдела еретиков, чужачку по имени Вахенц африр дай Ноум. Подслушивая разговоры еретиков, Шуос пришли к выводу, что она оказывает влияние и на политику Крепости. Как объяснил ему куратор, они не попытались убить Вахенц раньше, потому что было полезнее отслеживать ее деятельность, не совершая поступков, которые спровоцировали бы несподручное усиление безопасности. Но теперь, когда Крепость почти взяли, они хотели убедиться, что Вахенц не ускользнет, чтобы причинять неприятности где-то еще, учитывая, какой вред она уже

нанесла. Они поразмыслили над тем, как взять ее живой, но в конце концов отказались от этой идеи на том основании, что исход миссии был бы слишком сомнительным.

Хаодан устроился курьером в модную кондитерскую; граждане Крепости, как выяснилось, не отказывали себе в кое-каких излишествах даже во время осады. Предыдущий курьер, женщина, заболела не без участия Хаодана, и он выдал на собеседовании все правильные ответы. Кое-какие изыскания выявили тревоги менеджера по поводу родственников, которые застряли в округе Барабанщиков, и Хаодан беззастенчиво сыграл на этом. Он мог бы сказать менеджеру, что жизнь в округе Стрекозы теперь, когда кампания близится к завершению, будет не лучше, пусть даже кондитерская и находится в одном из районов, менее всего затронутых военными действиями. Как только Кел захватят Крепость, они пошлют за Видона, а Видона обязаны проявить необычное усердие в процессе перевоспитания, поскольку речь идет о последствиях бунта в узловой крепости.

Вахенц заказывала кондитерские изделия каждый день, с точностью часового механизма. Предсказуемые люди приводили Хаодана в от-

чаяние. Они делали его работу слишком легкой. Впрочем, чем легче миссия, тем больше вероятность, что ее удастся завершить без чрезмерных случайных жертв, так что стоило сказать ей спасибо.

Интересующая его посылка была вся обклеена искусными бумажными фигурками, изображающими сельскохозяйственных животных в соответствии с еретическим календарем. Выглядела она элегантно, в особенности с учетом сдержанных оттенков бумаги, подобранных со вкусом. Это будет его третья доставка.

Его забавляло то, что менеджер кондитерской настаивала на ручной доставке во время осады. Человеческое участие и прочая ерунда. Она твердила, что люди за это доплачивают. Впрочем, доставка при помощи сервиторов не усложнила бы его работу существенным образом. Он знал, как обращаться с гражданскими сервиторами.

Менеджер давала ему указания. Ей нравилось, что он стоит почти по стойке смирно — такому учишься, если у тебя отец Кел, пусть и медицинский техник — и относится к ней серьезно.

— Не забудь сказать Ленгу, что я думаю про их сына, — говорила она. — И обязательно скажи Аджению, что я опять запускаю в производство те

печенья с кунжутом, которые он хотел заказать. Я положила в его пакет несколько образцов, но они ему понравятся. Я в таких вещах не ошибаюсь. А, и не суйся в коридор 17–4. Там пройдут солдаты примерно в то же время, а с ними не стоит пересекаться. Какой-то парад — но тебе-то надо заниматься делом.

В конце концов она сказала всё, что хотела, и Хаодан смог отправиться в путь. Он ехал на своем скутере по обозначенной дорожке. В коридорах на этом уровне царил бардак, а лифты были катастрофой. Опять же, крепость первоначально создавалась как место отдыха гептархов, и округа проектировали отдельные команды, а после уничтожения фракции Лиож по соображениям, связанным с Доктриной, большие части внутренней структуры разрушили и реконструировали, чтобы ликвидировать седьмой округ. Удивительно, что эта штука вообще пригодна для жилья.

Первые две доставки прошли, как и ожидалось. Аджениo, круглый краснолицый мужчина, настоял на дегустации кунжутного печенья при Хаодане, а затем предложил ему одно. Хаодан отказался. Он знал, что менеджер распознает его согласие. Кроме того, она и так каждый вечер отправляла его домой с корзиной угощений, и он

не сомневался, что набирает вес.

К тому времени, когда Хаодан освободился от Аджении, чьи вирши о печенье даже Андан сочли бы поводом для конфуза, он на двенадцать минут отстал от графика. Тем не менее это было не катастрофично.

Офис, куда Хаодан отправился потом, был в здании, задняя часть которого упиралась в одну из стен округа. Он бы не удивился, узнав, что там оборудованы эвакуационные проходы, хотя попытки Шуос просканировать это место и оказались безрезультатными. Он уже бывал здесь раньше. Его лицо и униформа с логотипом «лебедь и лента» были знакомы службе безопасности. Они помахали ему рукой, улыбаясь. Он улыбнулся в ответ. Простая вежливость.

Опоздал на семнадцать минут. У него всё еще был запас.

Вверх, на четвертый этаж. Удачно-неудачная четверка, как сказали бы Кел. Цель иногда работала в этом офисе, вместо того чтобы постоянно скрываться в командном центре Крепости. Судя по некоторым сплетням лазутчиков, еретики не ладили друг с другом. Она, вероятно, хотела лично следить за округом или скрыть некоторые из своих действий от предполагаемого начальника.

Помощница цели сидела за стойкой регистрации. Она возилась с терминалом. Какая жалость: под другим предлогом он мог бы предложить ей помочь с этой проблемой, но в нынешнем виде это вызвало бы подозрение. Кроме того, существовала вероятность, что проблему изначально создали Шуос.

Хаодан отвесил расчетливо взволнованный поклон.

— «Лебедь и лента». Простите, что прерываю, мне оставить это здесь или занести в кабинет? — Он всегда спрашивал.

Помощница никогда не позволяла ему пройти дальше, но он попросил другого лазутчика запустить сервитора-мерцателя в потолок над кабинетом цели. С ума сойти, до чего много там было защиты и сканирующей машинерии — хватило бы на целый военный мот. Даже сервитор-шпион представлял собой риск. Он мог только слушать, и в случайное время каждый день отправлял зашифрованный пакет данных, чтобы указать, в какое время обнаружил внутри человеческую активность. Им так и не удалось получить чистую звукозапись.

Офис был расположен в дальней части, с дополнительными мерами безопасности по пути. Было

бы неплохо войти и сделать работу собственноручно, но Хаодан не самоубийца.

— Я прослежу, чтобы она всё получила, — сказала помощница с вялой улыбкой.

— Тяжелый день? — спросил Хаодан, ставя посылку на стол.

— Это мягко сказано. И теперь еще и терминал…

— Жаль, что я не могу с ним помочь, — солгал Хаодан. Его приказы были конкретными: убийство, а не сбор разведданных. Кроме того, цель распознала бы избитую уловку «я здесь, чтобы исправить этот аппаратный сбой». Ее слабости были связаны с вкусовыми ощущениями, чем Хаодан и воспользовался.

— О, ты всегда помогаешь, — сказала ассистентка, улыбаясь искренне. — Она любит эти сладости. Они приведут ее в хорошее настроение, и тем лучше для всех нас.

— Приятно слышать, — сказал Хаодан. Это было слабым местом его плана. Если цель придерживается расписания, она будет в офисе примерно через двадцать семь минут. Он установил таймер соответствующим образом. С большой вероятностью бомба убьет и помощницу тоже. Хаодан сожалел об этом, так как она ему понравилась, но

поиски способа сохранить ей жизнь повысили бы риск до неприемлемого уровня.

Ассистентка продолжила воевать с терминалом.

— Ну, я пошел, — сказал Хаодан. Она пробормотала в ответ что-то невнятное.

Хаодан спустился на первый этаж, вернулся к скутеру. Он не собирался возвращаться в кондитерскую теперь, когда достиг цели, но решил развезти оставшиеся заказы. Ему показалось, так будет справедливо.

Через семь минут после того, как Хаодан ушел, круглолицый мужчина в бело-золотых одеждах вошел в офис на четвертом этаже и постучал по стене.

— Пиоро, — сказала ассистентка, — ее еще нет на месте…

— И не будет какое-то время, — сказал Пиоро. — Экстренное совещание, для узкого круга, все дела. Я и сам туда собрался, но вспомнил, что она всегда делается стервозной, если пропускает свои сладости, в особенности после того, как Цзай завела моду подавать растительные роллы с рыбным соусом — так что я решил зайти и забрать посылку. Не переживай, приберегу для тебя что-нибудь.

— Да, было бы хорошо, — сказала ассистентка. — Наверное, у тебя нет времени взглянуть на эту ошибку синхронизации…

Пиоро наклонился, посмотрел на дисплей и вскинул брови.

— Вероятно, какой-то сетевой дайвер Шуос. Очень плохо, если они забрались так далеко. Я должен бежать, но тебе стоит всё отключить и восстановить базовые настройки. Неприятно, но мы должны принять меры предосторожности. — Он взвесил посылку в руках. — Там должно быть что-то вкусненькое. К счастью, она любит делиться.

— Спасибо за помощь, Пиоро, — сказала ассистентка.

— Всегда рад, — ответил Пиоро и ушел, унося с собой посылку в изысканной бумажной упаковке.

Расшифровав сообщение генерала Джедао, Вахенц аффир дай Ноум первым делам запустила процесс самоуничтожения в своем удаленном офисе. Она знала, сколько стоило то оборудование и как рассердятся ее наниматели, но всегда можно купить новые приборы. А вот ее заменить будет трудно. Они и так дотянулись до Пиоро, хотя явно целились в нее; Вахенц не собиралась

позволять им сделать с собой то же самое. Печально, что есть сопутствующий ущерб, но она не добилась бы успехов в работе, проявляя сентиментальность.

(Интересно, что Джедао появился в женском теле, но, с другой стороны, Шуос никогда не обращали внимания на такие вещи. А вот у Кел, наверное, от этого случился припадок. Может быть, сам факт присутствия Джедао заставлял их так сильно дергаться, что они даже не осознавали значение тела.)

Потом Вахенц направилась в командный центр, чтобы встретиться с Лиож Цзай. Фамилия Лиож была проявлением манерности, но это определяло Цзай. Одним из качеств Цзай, которые нравились Вахенц, была лучащаяся искренность, пусть даже неразрывно сочетающаяся с прискорбно аскетическими вкусами в еде и напитках; Вахенц никогда не забывала приносить собственные закуски на совещания Цзай, чтобы не довольствоваться кислыми фруктами и несладким чаем. Тривиальные юридические моменты имели большое значение для Цзай, но из-за того, что она в них верила, другие люди тоже верили. Найдись у Вахенц больше времени, чтобы подготовить Цзай к грязной политической

реальности, она бы придумала лучшее применение этой зарождающейся харизме. Впрочем, чего еще ждать от человека, который вырос в славной гильдии воинов? Цзай была глубоко уязвлена, когда гекзархи лишили ее поста оператора щитов из-за протестов против календарных экспериментов, но именно это и сделало Цзай полезной.

Вахенц надеялась, что криптологи Геренаг Абраны работают медленнее, что ее специализированные программы и более высокий интеллект — достаточное преимущество. Сама виновата, что раньше не заметила прослушку. Она не осознала, насколько хороши безопасники Абраны. Но едва увидев сообщение Джедао, она поняла: прослушка есть. Она взломала шифр слишком легко; послание было предназначено для глаз шпиона. И она знала Цзай — та не участвовала ни в каких тайных переговорах с чёртовым девятихвостым лисом-генералом. Значит, предполагаемым получателем сообщения были Абрана, Стоган или любой недовольный. Тот, кто поверил бы в ложь, потому что и так уже склонялся к вере в нее.

От недавнего всплеска диверсий и убийств легче не становилось. Большинство жертв были мятежниками низкого уровня, но люди разволновались, а волнение мешало ясно мыслить. Все

действия были нацелены на лейтенантов Цзай, но не на нее саму. Они не нашли «логических скачков» или «лабиринтов» в сетевых системах Цзай — не потому что те были лучше спрятаны, но потому что нечего было искать, и люди Абраны обязательно обратят на это внимание.

К командному центру вели слабо освещенные знакомые коридоры. Системы безопасности и охранники знали ее и не помешали пройти через наружные периметры охраны и пустые посты операторов щитов прямо в святая святых. Ей стоило бы написать докладную записку, критикующую протоколы безопасности, но с этими дурнями все усилия пойдут прахом.

— Нужно поговорить с глазу на глаз, — заявила Вахенц, войдя. — Это займет всего лишь час.

Лиож Цзай встала, приветствуя гостью. Хотя Цзай спала так же мало, как и Вахенц, выглядела она невозмутимо и почти царственно.

— Конечно, — сказала она, как всегда официально. — Принимая во внимание ситуацию, нам о многом нужно поговорить. — И повернулась, чтобы установить нужный режим безопасности своего рабочего кабинета.

— Не будет никаких дискуссий, — сказала Вахенц. В ее руке уже был скорчер.

Цзай тотчас же всё поняла и потянулась к собственному оружию, но Вахенц оказалась проворнее. Разряд скорчера угодил Цзай в висок.

Предводительница еретиков тяжело рухнула на пол. Вахенц ненавидела вонь обугленной плоти и сожженных волос, но от Цзай больше не было толку, а чем меньше она могла рассказать людям про Вахенц, тем лучше.

Потом Вахенц присела и уложила тело в более приличную позу. Это было самое меньшее, что она могла сделать. Кроме того, пришлось признать, что у Цзай был безупречный вкус по части нарядов — перламутрово-золотые пуговицы, бледный шелк, безупречный силуэт и всё такое. Пусть от этого будет хоть какая-то польза в смерти.

Она ушла тем же путем, каким пришла. Люди ей доверяли и даже не подумали спросить, почему встреча вышла такой короткой. Ужасно жаль, что миссия заканчивается так ужасно, однако она с самого начала предупредила Хафн, что риск весьма велик. Больше всего она сожалела о смерти Пиоро. Так трудно найти достойного собеседника. Впрочем, вселенная обширна. Она непременно предложит Вахенц тех, с кем можно провести время за ужином, если продолжить

поиски.

Кроме того, ей придется сочинить скучный отчет для Хафн, когда она выберется из Крепости. Похоже, Командование Кел не так уж заблуждалось, выпуская Джедао на волю — или, по крайней мере, Командование и Джедао использовали друг друга, хоть каждый и танцевал в этом балете свою партию, не обращая внимания на партнера. По меньшей мере досадно, что Джедао испортил ее миссию, но Вахенц ценила способного собрата по ремеслу, когда таковой ей попадался.

Полковник Рагат доложил, что Сияющий округ превратился в пустошь, куда никто не желал входить, за исключением каких-то трупных каллиграфов, намеренных запечатлеть это событие. Сопротивление в округе Зонта рухнуло, когда Знев Стоган увел свои войска, чтобы разобраться с каким-то внутренним кризисом. Округ Барабанщиков раздирали восстания. Черис спросила, что их вызвало. Рагат бросил на нее недовольный взгляд, потом сказал: «Общая жизненная несправедливость».

Утилизация тел предвещала проблемы. Черис наделила Рагата полномочиями призывать гражданских в округах, избавленных от ереси. Это спровоцировало хаос, взаимные обвинения

и еще бóльшие беспорядки, но она должна была попытаться что-то сделать.

Один из Шуос сообщил о столкновениях между еретиками в округе Стрекозы. Черис казалось, она наблюдает, как шестерни в машине становятся на место — или исчезают. Она не могла сказать, что именно происходит.

10,6 часа спустя Доктрина сообщила, что календарные значения смещаются в сторону утвержденных норм.

После этого Черис спала долго и глубоко. Проснувшись, она оделась и, натягивая перчатки, замерла.

— Пропагандистские вбросы, — проговорила она. — Они предназначались не для еретиков.

— Я хотел, чтобы ты узнала, чтó мы уничтожаем.

— Почему это важно?

— Хочешь сказать, что нет?

— Нет, — ответила Черис. — Это совсем не то, что я говорю. Но у нас есть приказ.

— Я никогда об этом не забывал.

Когда пришло время, Черис направилась к офицерскому столу. Она на мгновение остановилась у порога, глядя не на людей, а на знамена с пепельными ястребами, светло горящими,

каллиграфические свитки, гобелены. На одну головокружительную секунду почудилось, что она в боксмоте «Горящий лист», со своим старым подразделением, с Верабом и Анкатом, с солдатами, которые были моложе ее по количеству битв, — мгновение, каким бы малым ни было, казалось бесконечно долгим эхом барабанного боя. Потом Черис моргнула и снова оказалась на борту пепломота, ощущая себя неизмеримо старше.

В командном центре дежурил коммандер Хазан, но Черис увидела Рахал Гару, Шуос Ко и другие знакомые лица. Шуос Лиис улыбнулась ей, медленно и приторно. Черис поймала себя на том, что любуется бархатно-темными глазами и роскошным ртом Лиис, а потом вздрогнула от внезапного беспокойства.

Черис сделала глоток из общей чаши, едва ощутив вкус вина, и передала ее дальше. Ритуал принес ей утешение. Она бы многое отдала, чтобы Кел Неревор была рядом — яркая, как пламя, — но никто про нее ничего не слышал.

Она покинула офицерский стол, как только смогла, и, вернувшись в свою каюту, села на кровать. Сервиторов не было: последние двое, с которыми она побеседовала, предложили ей

поспать, а не заниматься канцелярской работой. Не знай она наверняка, заподозрила бы их в сговоре с Джедао.

— Расскажи мне о себе, — попросил Джедао ни с того ни с сего. — Какой была жизнь в Городе Пирующих Воронов. Тот камень удачи для тебя кое-что значит, но ты на него ни разу не посмотрела с той поры, как я… как я его испортил. — Он не сказал того, о чем они оба знали: она скоро освободится от него.

— Я была полна решимости уйти, — сказала Черис, жалея, что он не выбрал другую тему. Но она начала сомневаться в мотивах, которые вынудили ее сбежать в армию Кел. — Народ моей матери старомоден, едва удерживается в рамках утвержденных норм. Я появилась на свет естественным путем, а не через ясли…

— Значит, у нас есть кое-что общее, — сказал Джедао с легкой иронией. — Ясли только начинали использовать, когда моя мать родила меня. Я действительно могу сказать, что родился на ферме. Помню день, когда я впервые осознал, что сделался выше гуся.

Черис пыталась вообразить себе это. А насколько велики на самом деле гуси?

— Если бы мои преподаватели когда-либо

упоминали такие вещи, я бы уделяла больше внимания истории.

Джедао рассмеялся.

— Но ты говорила про свой народ?..

— В основном они живут в гетто, хотя наш дом стоял возле парка. Я не говорила на высоком языке, пока не пошла в школу, а потом до самой Академии Кел не могла избавиться от акцента.

— Я никогда не слышал, чтобы ты говорила на своем родном языке.

Она почувствовала прилив смущения.

— Я больше не говорю на нем хорошо.

Она смутилась из-за того, что не могла говорить без ошибок, или из-за того, что не позабыла этот язык совсем?

— Да я и сам почти не говорю на шпарой, — признался Джедао. — Хотя имя у меня шпаройское.

— Оно как-то переводится?

— А твое?

Обмен. Что ж, справедливо.

— Согласно традициям народа моей матери, меня должны были назвать… в честь святого, согласно дню старого календаря. Еретического календаря. Так что взамен родители назвали меня в честь того дня высокого календаря, когда я родилась. «Черис» означает «двадцать три». Это

двадцатеричная система. Только и всего.

— У моей матери, которая была эксцентрична по стандартам нашей культуры, было трое детей от трех разных мужчин, — сказал Джедао. — Детей не называют в честь живых родственников, это неуважительно, и всё же Койреш Шкан — это имя моего отца. Он был музыкантом, и я встречался с ним всего несколько раз. Мое другое имя происходит от корня, который приблизительно переводится как «честность». Можешь не сомневаться, что, когда об этом узнали в Академии Шуос, моя жизнь превратилась в ад.

— Значит, твоя мать действительно была фермером?

— Она вела научные разработки в области сельского хозяйства. У меня нет никаких жалоб на детство — в любом случае Нирай изучили его вдоль и поперек в поисках подсказок.

Она забыла, что он сумасшедший. Когда Командование Кел открепит ее от Джедао, будет легче — она снова поймет, во что можно верить. Такими темпами он сделает ее непригодной для службы в рядах Кел.

А потом ей пришло в голову, что Командование Кел его опередило.

Черис составила отчет для Командования Кел.

Заметки сами по себе заставили ее вздрогнуть. Грибковая канистра Видона Диайи. Повсеместное использование еретических формаций. Пороговые отделители. Она заставила Джедао четыре раза всё проверить, прежде чем отослала отчет вместе с запросом прислать подкрепление — Андан или Видона, а лучше и тех и других. Кел не годились для перевоспитания, а Шуос на всё не хватало.

— О, я кое-что вспомнил — ты должна подробно рассказать о всех расчетах, которые делала для еретических формаций и календарного пика, — сказал Джедао, когда она собралась отправить отчет. — Командование Кел могут не заботить выводы, но Рахал такие вещи нравятся. Пусть будут в хорошем настроении перед ренормализацией или чему там они подвергнут Крепость. Кроме того, можешь впечатлить их своими математическими способностями.

— Это какой-то новый трюк? — спросила Черис. Она хотела, чтобы миссия закончилась.

— И чего же я могу добиться, швыряясь формулами, которых не понимаю, в людей, с которыми никогда не встречался?

По крайней мере, Рахал и впрямь могли найти кое-что из этих сведений полезным. Кроме того,

Черис не хотела ввязываться в спор по такому тривиальному поводу.

На следующий день после этого разговора тело Знева Стогана обнаружили разрезанным на аккуратные куски посреди зоны, где Кел впервые испытали на себе убийственный эффект ампутационной пушки. Генетическое сканирование подтвердило его личность. Никто не взял на себя ответственность. Черис отказалась расследовать это дело.

Командира Кел Неревор так и не нашли. Но Черис продолжала надеяться.

В течение следующих нескольких дней, пока Черис изо всех сил старалась вовремя решать административные дела Крепости, календарные показатели продолжали приходить в норму с безумно медленной скоростью. Рахал Гара и другие офицеры Доктрины постоянно об этом бормотали, переговариваясь друг с другом.

— Что-то ты притих, — сказала Черис Джедао.

— Я не устаю, поэтому расслабляться не нужно, — ответил он. — Но мне интересно, о чем они так беспокоятся.

Она ничего не думала по этому поводу, пока два дня спустя Связь и Сканирование не заговорили одновременно.

— Рой-подкрепление, четыре знамемота сопровождают двенадцать боксмотов…

— Нас вызывают…

У Черис екнуло сердце. Значит, Командование Кел все-таки про них не забыло. Скоро она покончит со всей этой ужасной ситуацией.

— Примите сообщение, — сказала она.

— Черис. — Джедао пытался привлечь ее внимание. — Рахал Гара послала сигнал, который ты не санкционировала. Я не знаю, что он означает, и я никогда не видел, чтобы так обходили систему.

Но у Черис закружилась голова от облегчения, и она его не услышала. Она не узнавала темноглазого, серьезного мужчину, чье лицо появилось на дисплее, однако учитывая количество командиров знамемотов в гекзархате, ей и не следовало его узнать.

— Это коммандер Кел Хуан, «Изогнутый камень», — сказал мужчина. — Полагаю, я обращаюсь к временному генералу Кел Черис и генералу Шуос Джедао.

— Вот хрень, — сказал Джедао, и это был не тот ответ, которого Черис ожидала от него. — Посмотри на пульс на его шее. Что-то не так.

— Это временный генерал Кел Черис, — сказала она, перекрывая голос Джедао. Но начиная

волноваться. — Видимо, вы здесь, чтобы помочь привести Крепость к норме.

— Мы позаботимся о вас, сэр, — сказал Хуан. — Просто потерпите… Один момент, у меня тут нелепая авария в инженерном отделе. Я должен снова наорать на своих Нирай. Прошу прощения. — И он отключился.

— Он лжет, — заявил Джедао. — В краткосрочной перспективе ты спасешь больше людей, если откроешь огонь по Хуану…

Черис вспомнила, чему научилась, когда Джедао принес Неревор в жертву. Никаких криков.

— Я не буду стрелять по другим Кел, — ледяным голосом сказала она. Не говоря уже о рое подкрепления — и как ему такое пришло в голову? — Как четыре знамемота могут уничтожить два пепломота, не говоря уже об остальном нашем рое?

Опять заговорил Скан.

— Нарушение формации! «Искреннее приветствие» покинуло вторичный стержень.

Ее сердце превратилось в камень.

— Вызовите мне командира Пайзана. Я требую объяснений.

— Трата времени, — сказал Джедао. Теперь его голос звучал спокойно. — Его уже предупредили. Тебе кранты. Если хочешь сохранить свой рой,

придется открыть огонь. Но тогда ты навсегда станешь изгоем, и это в лучшем случае. Если позволишь им себя бомбить, твой рой погибнет, но ты, может быть, выживешь.

Черис взглянула на дисплей: рой подкрепления быстро приближался и находился уже в пределах досягаемости пушки-стирателя. Ее рука потянулась к хризалидному пистолету на бедре, когда Джедао заговорил вновь:

— Не советую, — сказал он. — Я твоя единственная надежда выжить, если они нанесут удар экзотикой. Один выживший — лучше, чем ничего. — Его голос внезапно надломился. — Я облажался. Четыреста лет пытался всё исправить, и усилия идут прахом из-за того, что они решили, будто массовое убийство — лучший способ казнить меня. Шесть к одному, это всё же не Микодез, это Куджен. Он просчитался, прикрепив меня к тебе.

Микодез был гекзархом Шуос, но Куджен — кто он такой? И почему она была ошибкой?

Короткая пауза.

— Я не сошел с ума, когда убил всех возле Адского Веретена, — поспешно сказал Джедао. — У Нирай-чжо есть ответы — у Нирай Куджена, хозяина «черной колыбели», но не смей, слышишь,

не смей ему доверять.

Вскипела паника. Каким образом какой-то случайный далекий Нирай был связан с ситуацией? Джедао выбрал чертовски неудачный момент, чтобы ее отвлекать. Он попросту сошел с ума, он собирается ее предать…

— Сэр! — всполошился Скан. — У «Изогнутого камня» что-то не так с обертонами двигателей. Это… я думаю, это бомба.

Хуже безумия Джедао было лишь одно — если он на самом деле не сошел с ума.

— Всем подразделениям: формация «Атакующий тигр», — сказала Черис, понимая, что уже слишком поздно. — Открыть огонь по «Изогнутому камню».

— В последний раз бросаю кости, — сказал Джедао. — Я научил тебя всему, чему смог. Не повторяй моих ошибок. Прощай, генерал. И… спасибо, что не выключала свет.

Через несколько секунд мир с ревом рассыпался на иглы и яркие, жесткие углы, и в ее голове не осталось места для вопросов, слов или хоть какого-то обрывка чувств.

Глава двадцать первая

Черис очнулась, прикованная к месту осколками призрачного трупного стекла: невидимые и нематериальные, они ранили так, словно пронзали каждый нерв. «Трупная бомба», — подумала она, выудив из памяти воспоминание о давнем инструктаже. Будучи экзотическим оружием, бомба должна была убить Джедао и освободить Черис от него.

Сквозь туман боли она вспомнила о протоколе, который читала так давно: «В случае чрезвычайной необходимости, если генерал откажется выдать необходимую информацию, остатки трупного стекла может проглотить доброволец. Хотя процедура экспериментальная, это позволит генералу обрести тело, чтобы его можно было пытать».

Пепломот превратился в кокон из жесткого света, глубоких трещин и пустых пространств там, где раньше находились люди. Стоило Черис пошевелиться — вздохнуть, моргнуть, попытаться найти опору на полу, оставляющем раны, — она чувствовала, как осколки входят в мозг, прико-

вывая ее к воспоминаниям Джедао.

У нее был выбор. Она могла вынуть осколки и выбросить их. Отказаться смотреть на них.

Или она могла по крупицам собрать всё полезное. Попытаться понять Джедао.

«Установочные инструкции при первом заякорении» казались чем-то давним и далеким, но она вспомнила, как Джедао предупреждал при первом прочтении, что поедание осколков сведет ее с ума. Когда он постоянно следовал за нею и разговаривал с ней, это было само по себе плохо. Его присутствие внутри ее головы, несомненно, окажется хуже.

С другой стороны, ее мир уже сошел с ума. Командование Кел только что обернулось против нее. Ее положение ужасно. Джедао определенно знал больше о происходящем. Ей нужна информация, которую он не успел или не пожелал предоставить. В какую игру он играл с Командованием Кел все эти века? И что он знал о Нирай Куджене, про которого с таким отчаянием предупреждал перед смертью?

Ей всегда нравились во́роны. Она выклюет все возможные ответы из трупного стекла в надежде, что они подскажут действенный курс. Она сыграет в эту игру, поставив на кон свою жизнь.

Гравитация восстанавливалась. Теперь надо двигаться осторожнее. На некоторое время она сосредоточилась на дыхании. У нее хорошие легкие, но дыхание казалось слишком поверхностным, что бы она ни делала. Было трудно не паниковать. Если она встанет слишком резко, все ее кости растворятся, и она прольется на пол, как чернила из перевернутой чернильницы — из нее получится клякса в форме Черис.

Она краем глаза заметила собственную тень, и от отсутствия девяти глаз Джедао сделалось больно, но скорбеть было некогда.

Она проглотила осколок. Продвигаясь вниз, он пронзил ее сердце.

Черис провалилась в воспоминание, где были смутные голоса, смех и смесь запахов вина, духов, цветов, а также полуоткрытая дверь: вечеринка. Женщина, темноволосая, благоухающая, с красивым лицом, с накинутым на плечи длинным красным пальто, прижималась к Черис. Рот у женщины был красивый, но совсем недобрый. Она носила перчатки — такие темно-красные, что они казались почти черными; дурной вкус, но никто не смел сказать ей «нет». Это была гептарх Шуос Хиаз, и она вынудила Черис отступить в комнату, где царили сумерки.

Руки Хиаз были в ее волосах, принуждая опустить голову для поцелуя. Одна рука блуждала по груди Черис, безошибочно находя каждый шрам под черной с золотом униформой, а потом задержалась над эмблемой бригадного генерала. Она велела Черис снять перчатки. Перчатки были черные, без пальцев. Черис знала, что ей не полагается спать с гептархом, но отказать она тоже не могла.

— Поздравляю с повышением, — сказала Хиаз. — Я всегда знала, что ты далеко пойдешь.

— Шуос-чжо, — сказала Черис, очень официально. Она вспоминала, откуда пришла, как десять лет назад была пехотинцем Шуос, как перевелась из штаба Хиаз в армию Кел при первой же возможности. — Простите, могу ли я предложить вам что-нибудь…

Хиаз одним томным движением стряхнула пальто. Под ним на ней была униформа Кел. Наряд сидел безупречно.

И если уж на то пошло, перчатки не были темно-темно-красными. Они были черными. Перчатки Кел, табу для Шуос.

Черис осознала внезапность своей эрекции и тот факт, что в один миг ее перехитрили по всем фронтам.

Она почти сказала «нет», пусть даже гептарх могла положить конец ее службе Кел за нарушение приказа. Уничтожить карьеру, над которой она так усиленно трудилась, план, который она вынашивала так долго. Но она Шуос — а значит, собственность гептарха. Ей не к кому обращаться за помощью.

Шуосы не верили в секс без игр и обязательств. Руки Хиаз переместились вниз. На один красно-черный миг Черис подумала о том, чтобы убить ее лишь ради того, чтобы освободиться. Руки у Хиаз были очень шустрые. Невзирая на все попытки Черис не реагировать, ее пульс ускорился. Хиаз любила перемежать ласки неудобными вопросами.

Затем Хиаз потянулась вверх, чтобы расстегнуть пуговицы кителя. Черис схватила ее запястье. Взмолилась оставить китель.

«И я называю себя тактиком», — свирепо подумала Черис. Из всех тайных желаний оказаться во власти этого… Ее дыхание сбивалось. Она могла бы выжать из происходящего преимущество, если бы сохранила хоть частицу контроля. Она начала отвечать на вопросы Хиаз, направляя разговор в лучшее русло. Пока Хиаз думает, что Черис во власти желания, а не вынашивает план

против гептархата, ей ничего не угрожает.

Хиаз пробормотала что-то о страхе и отваге, о зигзагообразных путях, которыми люди следуют между тем и другим.

— Чего ты так боишься? — с издевкой спросила она. — Думаешь, я причиню тебе боль? — Она встала на колени, всё еще в униформе, и взяла Черис в свой рот, бархатно-теплый.

Охваченная смертельным ужасом, Черис ахнула, и голос ее надломился, как у подростка. Банально, но правдоподобно. Глаза Хиаз, полуприкрытые длинными ресницами, на миг блеснули от триумфа.

Спустя годы Хиаз об этом вспомнит, чего и добивалась Черис; и после того, что случится у Адского Веретена, она предаст Черис страшной не-смерти в «черной колыбели».

Хиаз не закончила. Черис и не ожидала, что гептарх удовлетворится так легко, и это не стало сюрпризом. Пока всё повторялось снова и снова, Черис думала: «Меня здесь нет. Меня здесь нет». Но, разумеется, она была. После определенного момента она отказалась от попыток ввести Хиаз в заблуждение находчивыми ответами. У нее не осталось слов, только жалкое осознание того, что она не в силах заставить свое сердце биться

медленнее.

Потом Черис закрыла дверь, которую Хиаз оставила полуоткрытой, уходя. Оделась, надела перчатки. Открыла дверь и прошла в ближайший туалет, не глядя ни влево, ни вправо, минуя людей, которые знали, что сейчас произошло. Закрылась в туалете и включила воду. Стала слушать, как та течет.

Сдвинула ткань одной перчатки и внимательно посмотрела на вены, на шрам, пересекающий основание ладони.

Она долго колебалась. Потом достала свой «Паттернер-52» и положила рядом, на раковине. Накрыла его ладонью. Черис не питала иллюзий, что это будет безболезненно. Она пережила слишком много битв, и в любом случае небольшая боль — достаточно маленькая цена. По крайней мере, всё случится быстро.

Кто-то громко постучался.

— Открой, или я отстрелю дверные петли, — раздался голос, перекрывая звук текущей воды. Это была полковник Кел Гизед.

Черис испытала внезапное сильное желание снять перчатки и разрезать их на куски. Теперь люди знали, что она хотела переспать с другим солдатом, хоть это и было запрещено. Последним,

с кем она хотела бы поговорить, был Кел, тем более начальник ее штаба. Даже Хиаз была бы предпочтительнее.

— Если заставишь меня стрелять, поднимется ужасный переполох, и это расстроит хозяина, а ты знаешь, как Андан ненавидят, когда кто-то портит вечеринку. Тебе будут напоминать об этом годами.

Черис поколебалась, потом отперла дверь и шагнула назад.

Гизед влетела как буря. Устремила на Черис долгий взгляд. Ее губы сжались в ниточку.

Черис невольно посмотрела в зеркало. Ее лицо выглядело чужим: слишком резкие черты, пустые глаза. Волосы в беспорядке; ей и в голову не пришло их пригладить пальцами.

Гизед закрыла дверь.

— То, что она с тобой сделала, неправильно.

— Полковник, я не потерплю таких речей о гептархе, — холодно проговорила Черис. Строго говоря, Гизед можно было предъявить обвинение в измене. Большинство людей не стали бы тратить свое время на такие обвинения, считая их легкомысленными, но Черис на собственном опыте убедилась, что Хиаз капризна и может заупрямиться. — Я мог сказать «нет».

— Чушь собачья, — сказала Гизед. Но не повысила голос.

— Я Шуос. Она мой гептарх. Я принадлежу ей. Если она хочет меня использовать, так тому и быть. — Она осознавала, насколько в духе Кел звучат эти слова. Тем не менее они были правдивы. Хиаз всего лишь подтвердила свое право собственности.

Много лет назад, добившись того, что ее прикомандировали к Кел, Черис думала, что ускользнула от взгляда гептарха. Ей стоило бы помнить о том, что собратья-Шуос мыслят долгосрочно.

Гизед взглянула на «Паттернер-52».

— Джедао, — сказала она, хотя никогда не обращалась к Черис без упоминания ранга. — Отдай мне пистолет и нож.

— Не понимаю, о чем ты.

— Отлично понимаешь. Отдай мне свое оружие. Завтра получишь его назад.

Черис вперила в нее сердитый взгляд.

— Вы забываетесь, полковник.

— Можешь завтра отправить меня под трибунал. Но сперва отдай оружие. — Гизед ответила таким же сердитым взглядом.

Можно и впрямь отправить Гизед под трибунал — но где она найдет другого такого администра-

тора? Через некоторое время Черис отвела глаза.

— Я не собираюсь делать глупости.

Гизед криво усмехнулась.

— Обычно ты лучше врешь, Джедао. По правде говоря, это беспокоит меня сильней, чем всё прочее.

— Не понимаю, что тебе от меня нужно.

— Я выражаюсь с предельной ясностью, Джедао. Оружие.

— Нет.

— Джедао.

Она поколебалась, а потом отдала пистолет и нож, ненавидя себя за слабость.

— Мы поедем в казармы и будем до утра играть в джен-цзай, что с моей стороны невероятная уступка. Ты разобьешь меня в пух и прах, как делаешь всегда. А когда ты снова будешь в форме, я верну тебе оружие.

— Люди заметят, что мы ушли рано, — сказала Черис.

— Я могу много непристойностей сказать по поводу того, как мало меня заботят люди, подмечающие то и это, включая тот факт, что мы заперлись в уборной. Да ладно тебе, Джедао. Я буду веселить тебя самыми дурацкими анекдотами Кел, какие мне известны. Ну вот, к примеру

— сколько нужно Кел, чтобы выкопать нужник?

Осколок исчез. Черис затряслась и, попытавшись сесть, случайно проглотила еще один.

Черис была в командном центре клыкмота «Слишком удачная карта», слушая последнее донесение о позициях Фонарщиков и краем глаза следя за стержнями роевой формации на терминале. Гизед сказала, что битва будет незатейливой. Разумеется, сглазила всю операцию. По крайней мере, Черис не нравились выводы, которые следовали из донесения и касались того, к чему всё шло.

— Ладно, — сказала она командиру своего мота, — я всё понял. — Придется действовать осторожно, на случай, если Командование Кел ее разочарует. — Связь, вызовите мне Командование Кел. Ничего не остается, кроме как напомнить верховному генералу Кел Аниен, что она должна мне неприличную сумму, потому что так и не забросила попыток довести наши партии в джен-цзай до внутренней «Коронованной двери». Пусть хотя бы на вызов ответит.

— Вы играете в игры только для того, чтобы шантажировать людей? — резким тоном спросила Кел Гизед. Она сидела неподалеку, в сотый раз

проверяя логистические таблицы.

— Если бы я хотел шантажировать людей, приложил бы к этому некоторые усилия, — беспечно ответила Черис.

Судя по выражению лица, Гизед сожалела о невозможности закатить глаза в ответ на слова старшего по званию.

Они не смогли связаться с верховным генералом Аниен, но разыскали верховного генерала Гарита, который гораздо лучше играл в дженцзай, чем Аниен, но вот с настольными играми у него не ладилось, что все — кроме самого Гарита, — считали забавным.

— Ладно, Джедао, — раздраженно проговорил Гарит. — Что за чрезвычайная ситуация?

— Я бы не назвал это чрезвычайной ситуацией, сэр, — сказала Черис. — Скорее, протокольная проблема. — Не стоит демонстрировать, насколько этот запрос важен. — Нет, правда. Я только что получил надежные сведения о том, что Фонарщики забили свои оборонительные форпосты детьми и ранеными, оставив лишь неполные расчеты для управления скверными орудиями. Честно говоря, я считал, что изучил регламенты вдоль и поперек, и тут нате вам, сюрприз. Они ведут трансляцию из этих новеньких «сиротских

приютов», незашифрованную, во всех направлениях. Ну так вот, что я, по-вашему, должен с этим сделать?

Она играла с Гаритом в «лис-и-охотников», они провели бесчисленные партии джен-цзай. Побывали вместе на охоте, когда она была еще генерал-майором, но это привело ее в смятение, потому что убивать серых тигров оказалось слишком легко, и смерти тигров ей были не нужны — дурацкая, бессмысленная трата, — однако Гарит любил такие вещи, и ответить ему отказом было бы невежливо. Более того, она была знакома с тремя детьми Гарита, одного из них научила стрелять, и сейчас он учился в Академии Кел. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, был всего один правильный путь и множество неправильных. Ей хотелось, чтобы Гарит выбрал правильный.

Но когда он заговорил, она тотчас же поняла, что он выбрал один из неправильных.

— Тактических сложностей нет?

У Черис внутри всё застыло.

— Ни малейших, — сказала она, сохраняя спокойный тон. — Но все увидят бойню… — Грубое слово, но в этом весь смысл. — …И я подумал, что у такой операции могут быть негативные

информационные последствия.

— Гептарх Хиаз работает над пропагандистской кампанией, — сказал Гарит.

Хиаз. От этой суки не скрыться.

— Вам стоит взглянуть на кое-что из ее последних произведений, они просто блистательны. Понятия не имею, как она это делает. — Гарит рассмеялся. — Вперед, Джедао, расстреляйте там всех. Не будет никаких трудностей ни с протоколом Кел, ни с общественным мнением.

Она всегда хотела детей. Она всегда знала, что это ужасная идея, учитывая ее цель; она позволяла себе лишь мимолетные связи. Но она не ожидала, что вселенная возьмет да и объяснит в таких подробностях, почему она была права, избегая стойких привязанностей.

Если она проигнорирует приказы Гарита, как бы небрежно те ни были сформулированы, он освободит ее от командования. А потом прикажет коммандеру ее мота выполнить приказ. Коммандер — хороший Кел. Он всё сделает, как велено. И полковник Гизед — тоже хороший Кел. Она поддержит приказ.

Потом Черис так и не смогла вспомнить, что сказала верховному генералу Кел Гариту — и вообще всё, что случилось до того момента, как

они достигли периметра и она приказала рою открыть огонь по первому форпосту: интервал в два дня и шестнадцать часов. Безупречная черная дыра в ее памяти.

Однако она запомнила, что Гизед даже не моргнула, когда началась стрельба. Было трудно не ненавидеть ее после этого.

Конечно, Черис тоже не моргнула. Она для такого была слишком хорошо обучена.

Черис задохнулась и вынудила себя дышать спокойнее, несмотря на жгучую боль. Осколки по-прежнему ранили, но ей надо было знать. Она окинула взглядом кристаллизированный командный центр, изобилующий гнетущими стеклянными колоннами и трещинами в стенах.

«Мне нужна информация», — напомнила она себе.

Осада крепости Адское Веретено. Огненные вспышки сигналов тревоги, кровь на стенах, полу и терминалах, отметины рикошетов. Чей-то стилус. Черис видит его изжеванный кончик. Вот лежит в луже крови женщина с сединой в волосах и пулевым отверстием на виске. Черис пытается вспомнить имя женщины, она знает, что должна его вспомнить, но ничего не приходит на ум.

Гве Пиа распростерлась рядом с Цзянем. Черис услышала приказы, переданные по всем каналам связи, отчаянный запрос от командира восьмой тактической группы Кел Меновена, а потом — белый шум. Никто не знал, что происходит. Несколько человек попытались восстановить порядок — именно те, кому, как она и предугадала, хватило присутствия духа. Но бомбы и логические гранаты о них позаботились. Ее привычка к тщательным проверкам облегчила расклад. Если учесть пороговые отделители, осадное войско Кел потерпело полный крах.

Она ожидала, что руки в перчатках вспотеют, но они были сухими. Спокойствие.

Так много крови. Она забыла про аккуратность, думая лишь об эффективности. У нее осталась одна пуля, как она и рассчитывала, и при необходимости можно было забрать оружие у мертвецов. Ее всего лишь оцарапало. Она всегда была проворной и знала цену хорошей засады.

Это была самая слабая часть плана. Зверские исходные условия: с тактической точки зрения было бы разумнее сфабриковать улики, позволяющие обвинить часть штаба в предательстве и натравить людей друг на друга. Так их было бы проще прикончить.

Проблема в том, что она не хотела побеждать.

Черис повертела в руках пистолет. Это был «Паттернер-52», модель, знаменитая своей точностью. С ее личной эмблемой, Двойкой шестерней, выгравированной на рукояти. Она не хотела этого делать — что за тщеславие! — но в противном случае ее бы не поняли. Кел рассчитывали, что у их генералов будет здоровое эго. Металл был еще теплым, именно той температуры, которую она ожидала.

Она сунула дуло пистолета в рот. Вкус — как полагается металлу. Она ничего не чувствовала. Ни облегчения, ни угрызений совести, ни торжества. Всё прошло более или менее согласно плану. Никто не попытался ее остановить, сказать, что она не права, что есть лучший способ борьбы с гептархами. Впрочем, единственный, кто знал о ее бунте, сам был гептархом. Годы бок о бок с Кел — они пили из одной чаши, и никто так ничего и не понял.

Ее палец чуть-чуть надавил на спусковой крючок. Жар и боль, продлившиеся долю секунды, лучше этой ревущей пустоты, верно?

«Я трус», — подумала она, опуская пистолет. То, что она сделала, непростительно. Но сделать такое, не имея цели, еще хуже. Теперь нельзя

отступать.

Боль от осколков становилась всё сильней, но Черис не могла остановиться. Если бы она остановилась, то утратила бы всё мужество. Джедао предупредил ее о Куджене. По крайней мере, она должна выяснить, кто он такой.

На этот раз она закрыла глаза, но легче не стало.

Лишь потом Черис вспомнила, как сильно Куджен заинтересовался ее математическими способностями.

Сперва Черис не подумала ничего особенного о переоснащении: совершенно рутинная процедура, и станция Нирай, куда рой направили для этого дела, была снабжена лучшими удобствами, чем большинство, пусть Черис прямо сейчас ими и не пользовалась. Она сидела в казарме и старательно оттягивала момент, когда придется заняться документами для главного инженера, тасуя и перетасовывая колоду карт, которые от такого обращения должны были вот-вот истереться до прозрачности. Эта колода, по краям изукрашенная антропоморфными животными, была подарком от сестры. Нидана сказала, что выбрала ее из-за гусей.

Без предупреждения распахнулась дверь. Черис мгновенно вскочила, прижалась к стене поодаль от стола и выхватила пистолет.

Вошедший был чуть выше ростом, чем Черис, и он на миг замер на пороге, превратившись в идеальный силуэт — чего не следует делать в присутствии бывшего убийцы. Он был одет в цвета Нирай, черный с серебром, пусть даже слои парчи и филигранные пуговицы говорили об изысканном вкусе и выглядели совершенно непрактично. Никакого указания на ранг или пост, только серебряная булавка с изображением пустомота. Черис не расслабилась. Чувство юмора Нирай частенько принимало странные формы, им случалось устраивать дурацкие розыгрыши генералам, которые подавали все надлежащие документы, но не слишком настаивали на быстром ремонте.

— Простите, — сказала Черис, — но по какому праву вы здесь?

— О, опустите эту штуку, генерал Джедао, — сказал Нирай с улыбкой. Он был весьма хорош собой, с темным овальным лицом и непокорной шевелюрой, с грациозными руками; не оценить его красоту было невозможно. Однако Черис не упустила из вида, что в его тоне не было даже

намека на почтительность. — Я Нирай Куджен. — Он шагнул вперед.

В Академии один из инструкторов Черис сказал довольно безысходным тоном, что девяносто шестой процентиль рефлексов — в той же степени недостаток для убийцы, в какой и достоинство. Черис всего лишь несколько лет прослужила в качестве убийцы, но параноидальные привычки закрепились.

Она позволила Нирай подобраться слишком близко, но здесь не хватало места, и у нее не было времени, чтобы проработать варианты. Она дважды выстрелила ему в лоб, потом отругала себя за то, что потеряла голову и растратила пулю. Стоило ожидать, что Куджен отреагирует, когда она вскинула пистолет, но этого не случилось.

Куджен неуклюже грохнулся на пол. Сердце Черис колотилось. Она посмотрела на труп, на пылающие пятна крови на стене и закрывающейся двери. Она только что совершила государственную измену, пусть даже случившееся можно назвать реакцией на вторжение в казарму.

Более важная проблема заключалась в том, что она не понимала, почему Нирай Куджен, который предположительно пережил последние 500 лет благодаря собственной паранойе, не поленился

явиться лично.

Через четыре секунды дверь снова распахнулась. И опять без предупреждения.

Черис шагнула назад. Ее мир сузился до дверного проема.

Порог рассекла тень.

— Попробуем еще раз, хорошо? — Новый мужской голос, ниже, но с тем же акцентом. — Убери эту штуку. Да будет тебе известно, что я могу восстанавливаться из резервных копий до той поры, пока у тебя не закончатся пули, и кто-то просто обязан услышать шум. Да, я понимаю, ты умеешь убивать зубами, но тебе не помешает меня выслушать. Кроме того, мне бы очень не хотелось в следующий раз перепрыгивать в твое тело. Без обид, генерал, но у меня есть для тебя лучшее применение.

Вот хрень. Черис знала, что Куджен бессмертен. Она не знала, как он этого достиг. Она положила пистолет на пол там, где Куджен мог его видеть, и отступила. Ее перчатки как будто превратились в лед.

Куджен вошел. Черис заметила, как аккуратно он ступает, словно танцор, чтобы не испачкать обувь. Это тело тоже было красивым, но худее, с треугольным лицом. И кому же оно принадлежа-

ло до того, как с ним случился Куджен?

Дверь закрылась, заперев их обоих.

— Если это всё из-за того, что я испортил двигатели мота во время маневра в прошлом сражении, — проговорила Черис, потому что у нее на этот момент осталась только бравада, — это перебор, не находите? Главный инженер мог бы просто позвонить.

— Сядь и хватит ерунды.

Черис посмотрела на Куджена, потом подошла к столу и села.

Куджен встал по другую сторону.

— Для бригадного генерала странно проводить столько времени за взломом секретных файлов, сколько проводишь ты, — сказал он. — Разве ты не должен заниматься другими вещами, например, стрелять по еретикам?

Черис взяла свои карты и начала их тасовать, демонстрируя перчатки без пальцев.

— Эта униформа такая забавная, — сказала она. — Но ведь я по-прежнему Шуос. Предпочитаю иметь при себе козыри.

— Ты очарователен, — сказал Куджен, — но это опять ерунда. Ты не можешь отрицать, что узнал мое имя. В гептархате не так много людей, которые могут это сказать.

Да, и потому она упустила шанс эффектно изобразить невиновного.

— Откуда мне знать, что это не розыгрыш?

Когда Черис впервые узнала, что один из гептархов бессмертен, она отнеслась к этому скептически. Она могла понять причину, по которой такой человек будет прятаться за фальшивым гептархом. Но почему тогда остальные гептархи не воюют за технологию?

Куджен протянул руку и вытащил из колоды одну карту. Повернул так, чтобы она была видна обоим: Двойка шестерней.

Беспокойство Черис усилилось. Куджен не должен был обнаружить карту.

— Я слышал, ты игрок, — сказал Куджен. — Тоже ищешь бессмертия?

— Может, позже, — сказала Черис. Идея была отталкивающая, в особенности теперь, когда она знала, как это работает, но она не могла полностью отвергать такой расклад. — Я всего лишь хочу пост гептарха. Уж простите, что я такой скучный заурядный Шуос, но это весь секрет.

— Милая сказка, — сказал Куджен, — но я не повелся. Я проверил ваше прошлое, генерал. Если вы хотели ударить Хиаз в спину, надо было остаться в ее штабе. Я хочу сказать, судя по отче-

там, вы ей очень нравились. — Его улыбка стала шире, когда он это сказал.

Черис против собственной воли напряглась, пусть даже ее недавняя встреча с Шуос Хиаз и не была секретом ни для кого. Пора сменить тему.

— Ну ладно, Нирай-чжо, — сказала она, не выделяя почтительное обращение, — раз уж я, похоже, запутался в собственных мотивах, может быть, вы мне сами расскажете, какого черта мне нужно.

Длинные пальцы Куджена выбрали еще несколько карт из колоды, медленно и точно. Он разложил их кругом, лицом вверх. Масть «Двери», от семерки до туза.

— Вы хотите обрушить весь проклятый календарь, — сказал он. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы это понять. Вы очень добросовестно исследуете всех еретиков, которые как-то связаны с вашими миссиями. Так похоже на выполнение долга, верно? Но мне кажется, вы ищете союзников, пусть и не нашли никого, кто соответствовал бы вашим критериям. Вы хотите развалить весь чертов гептархат.

Черис начала жалеть, что не ценила канцелярскую работу по достоинству. Судя по всему, у нее не будет шанса эту самую работу закончить.

— Да, и еще мне не помешало бы пару миллионов солдат, — саркастично ответила она. — Крестовый поход одного человека против всего гептархата — вы серьезно? Это не нахальство, это психоз.

— Забавно слышать такое от вас, — сказал Куджен, — учитывая, что вы не проиграли ни одного сражения.

Черис ненавидела, когда ее били по башке этим аргументом, но ей удалось сдержаться и не вспылить.

— Кроме того, — продолжил Куджен, — вам в любом случае повезло. Я заглянул в ваши экзаменационные ведомости из Академии. Не знаю, как никто до сих пор не понял, что у вас дискалькулия. Математика была единственным предметом, который давался вам с трудом, верно? Чтобы хоть как-то разобраться с календарным вооружением высокого уровня, нужно знать теорию чисел. Девятьсот лет назад я изобрел сопутствующую ветвь математики, чтобы сделать мот-двигатели возможными. Никто другой не смог осуществить масштабного календарного сдвига. Меня окружают ремесленники, а не подлинные математики.

«Да, — подумала Черис, — а еще ты изобрел поминальные церемонии». Те самые, что сопро-

вождались церемониальными пытками. Она начала осознавать, что пытки были частью замысла, а не досадным совпадением.

— Простите, — сказала она, — но есть определенное количество улик, свидетельствующих о том, что вы социопат. Какого хрена мне забираться с вами в постель?

Проблема заключалась в том, что Куджен делал ей чертовски интересное предложение. Изначально Черис планировала отыскать способ убить его, потому что презирала режим, который олицетворял Куджен, и думала, что единственная возможность заменить его на что-то лучшее кроется в том, чтобы сперва уничтожить Куджена. Но если вместо этого она сумеет его использовать…

Куджен ухмыльнулся.

— И это мне говорит бывший убийца… — Он бросил взгляд через плечо на труп у порога. — Вместо того чтобы убивать людей по одному, вы можете теперь убивать целую кучу за раз — потому и поменяли хозяина, да? В Академии вам хорошо давалось многое. Языки, к примеру. Могли бы заняться пропагандой, переводами или аналитикой. Но вы отказались от всего, чтобы стать ходячим оружием. Я вам нужен, генерал. Вы не найдете лучшего математика нигде в геп-

тархате. Кроме того, со мной вы всегда будете знать, что к чему — никакой жалкой фальшивой щепетильности. Признайтесь, если не я, то кто?

Черис молчала.

Голос Куджена смягчился.

— Вы боретесь в одиночку уже давно, Джедао. Вы ни с кем не сближаетесь, ваши связи длятся в лучшем случае пару недель. Не только Шуос любят совать нос в чужие дела, знаете ли. Думаю, Кел считают, что вы держитесь наособицу, потому что вы лис. Они понятия не имеют, какие секреты вы пытаетесь сберечь. Я не идеальный союзник, нет. Но я лучше, чем ничего. Мы сможем сделать это вместе. Вы больше не будете один.

— Не уверен, что понимаю смысл этой дискуссии, — сказала Черис, потому что не хотела, чтобы Куджен понял, насколько хорошо ее раскрыл. — Вы гептарх. Вы можете уничтожить меня в любой момент. Каких гарантий я могу ожидать от вас?

— Вот что мне в вас нравится, — сказал Куджен. Он обошел стол и прислонился к стулу Черис. Она пожалела, что не держит в руке оружие, пусть это и было неблагоразумно. — Вас разоблачили, а вы всё еще продолжаете маневрировать в поисках преимущества. Что за жидкость течет в ваших

венах, Джедао?

— Вскройте и проверьте, — сухо проговорила Черис. — Нож на моем левом бедре, если вы забыли свой.

Улыбка Куджена была медленной, приторной и безгранично лживой.

— О, до этого еще дойдет, — проговорил он. — Вот что я вам скажу. Есть вещи, которые другие гептархи не простят. Включая заговор против них. Если я суну голову под тот же топор, вы поверите в мою искренность?

Черис не пошевелилась, когда Куджен склонился над нею. Его рука осталась на спинке кресла, кончики пальцев касались ее спины. «Это что, средняя школа?» — подумала Черис с проблеском раздражения. Тем не менее было трудно не отреагировать на чувственный рот, на томные взмахи пепельных ресниц.

— У меня есть один вопрос, — сказала Черис.

— Спрашивайте, — позволил Куджен. Его дыхание пахло дымом и пряностями.

— Если бессмертие — такая замечательная штука… — В самом деле, было трудно увидеть недостатки для практикующего, если его не заботила такая мелочь, как убийство. — …Почему все гептархи не пошли тем же путем?

Если, конечно, они не скрывали это лучше, чем Куджен.

— Значит, вы всё-таки заинтересованы.

Черис пожала плечами. Пусть Куджен думает, что хочет.

— В отсутствие правильной калибровки оно сводит людей с ума, — сказал Куджен. — И речь не о социопатии. — Он улыбнулся краем рта. — Я знаю, кто я такой. Речь о разновидности безумия, которая подразумевает бессмысленный бред.

— Значит, для меня оно тоже не годится, — сказала Черис. Вряд ли у социопатов иммунитет. История свидетельствовала, что среди руководителей гекзархата в них никогда не было недостатка.

— Не спешите с выводами, — сказал Куджен. — Они не могут от меня избавиться, потому что я единственный, кто смыслит в математике, включая уравнения, которым подчиняется «черная колыбель». Я справлюсь с калибровкой. Если вы будете полезны для меня, я устрою так, что вы не превратитесь в кретина. Впрочем, вы слишком молоды, чтобы паниковать по поводу срока собственной жизни, несмотря на выбор карьеры.

— О, проблема не в этом, — сказала Черис. Она никогда не боялась долгосрочного планирова-

ния. — Меня больше волнует тот факт, что я не понимаю вашей выгоды. У вас и так есть всё.

— Вы думаете? — сказал Куджен. Его пальцы прошлись по спине Черис, вдоль лопатки, замерли. — Вы, если я не ошибаюсь, хотите разобрать систему на шестеренки и построить из них что-то совершенно новое. — Невозможно было оторвать взгляд от его глаз, полных темной алчности. — Вы собираетесь создать новый календарь. Я хочу в этом участвовать — и, в любом случае, вы не справитесь без меня. Я способен в одиночку разобраться с математикой, но гребаных ханжей Лиож или их питомцев Рахал мне не одолеть. Вам нипочем календарные пики, если кто-то другой решит за вас уравнения. Вам нужен математик, мне — оружие. Мы не сможем это сделать друг без друга, Джедао.

— Я уже могу сказать, что вы не тактик, раз возлагаете все свои революционные надежды на единственную игровую фигуру, — проговорила Черис. — Разве что у вас в рукаве припрятана кучка мятежных Кел, о которых мне никто не рассказал.

Куджен рассмеялся.

— Боюсь, мятежные Кел — это по вашей части. Но мы двое одного поля ягоды, и это должно кое-

что значить.

Было время, когда она понадеялась бы, что не имеет ничего общего с Кудженом, но теперь ситуация изменилась.

— Ладно, — сказала Черис, потому что было важно изобразить, будто у нее есть выбор. — Для вас имеет значение, что́ я хочу учредить вместо того, что мы имеем сейчас?

— Я буду управлять теми технологическими параметрами, которые для меня важны, — ответил Куджен. — А с социальными делайте что вздумается. Мне они глубоко безразличны.

Черис не поверила, но разобраться с этим можно и позже. Она встала. Куджен отступил, давая ей место, по-прежнему двигаясь с осознанием пространства, как танцор. Его глаза были одновременно темными и яркими. Черис опустилась перед ним на колени, как того требовал этикет в присутствии гептарха, и сказала:

— Я твое орудие.

Глава двадцать вторая

Командный центр был полон рассеянных отражений, которые мешали видеть четко. Черис заметила свое лицо в зеркальном лабиринте, но не почувствовала, что оно принадлежит ей. Существовал ли переломный момент, когда воспоминания Джедао сведут ее с ума? Что если он уже миновал?

Повсюду было трупное стекло, огромные и блестящие веретена из хрусталя кружились, выпрядая воспоминания. Осязаемые и видимые, в отличие от Джедао. Она предположила, что стекло Джедао выглядело по-другому, потому что он был призраком. Люди рассыпались на осколки, которые лежали вдоль стен или вонзились в пол. Бомба поразила только командный мот? Выжил ли хоть кто-то из роя? Похоже, сеть вышла из строя, но система жизнеобеспечения действовала, или Черис была бы в реальной беде.

То ли гравитация успокаивалась, то ли к ней возвращалась координация движений. Дыхание Черис сбилось, когда ее взгляд упал на изогнутую арку из трупного стекла. Когда-то это был

коммандер Хазан. Она увидела слабые отблески дерева, которое он любил ребенком, и сестры, погибшей в аварии, — ничего такого она про него не знала.

Черис отступила, гадая, поделился бы когда-нибудь Хазан с нею этими вещами, и, давясь, проглотила еще один осколок Джедао.

Она держала в руках пистолет, всё тот же «Паттернер-52», которым не смогла убить Нирай Куджена и которым убьет своих подчиненных три года спустя в крепости Адское Веретено. В следующем году ее повысят, из генерал-лейтенанта она станет генералом, и снова придется слушать сплетни о том, с какой неприличной быстротой Командование Кел присваивает ей новые звания.

Эта последняя кампания против еретической фракции, которая называла себя Оуэнами, очень быстро сделалась некрасивой, и не в последнюю очередь благодаря тому, что многие Кел симпатизировали делу еретиков. Оуэны сражались честно, выдвигали мало требований и хотели, в основном, чтобы их оставили в покое; но гептархат не мог уступить этот участок территории, потому что это сделало бы границу региона Синей Цапли уязвимой — в общем, всё понятно.

Черис стояла в центре строя вооруженных винтовками Кел под зелено-фиолетовым небом, а по другую сторону поля были пять солдат Кел, связанных и лишенных звания. День выдался дождливый, в воздухе витал землисто-едкий запах влажных листьев и горькой соли. Роща неподалеку колыхала ветвями, рождая звук, подобный шуму морского прибоя. Она вытерла дождевые капли с глаз тыльной стороной ладони в перчатке и подняла пистолет.

Пятеро Кел нарушили формацию, и Черис не могла отделаться от мысли, что формационный инстинкт, каким бы отвратительным он ни был, в бою оказался бы большим подспорьем. От этой осады зависело очень многое, и после каждой битвы ей приходилось казнить трусов и дезертиров. Впрочем, формационный инстинкт изобретут только после того, как ее казнят за государственную измену. Когда она была жива, его сочли бы противоречивой мерой. В частности, Лиож тщательно изучили бы последствия его применения, а остальные высказались бы против. Но когда инстинкт изобрели — уже после падения Лиож, — Командование и гекзархи без каких-либо колебаний снабдили им Кел.

Добродетелью Кел была верность. Формацион-

ный инстинкт лишил их возможности выбирать, кому служить.

Черис быстро выстрелила пять раз подряд. Пять безупречных попаданий в голову. Ее инструкторам в Академии Шуос это бы понравилось. Пришлось напомнить себе взглянуть на убитых. Кел с винтовками довершили бы начатое, если бы она промахнулась, но было вопросом гордости не промахнуться.

Кел, разумеется, нравились умелые убийцы. Сначала они сомневались в ней. Большинство Шуос были прикомандированы к армии Кел в качестве офицеров разведки. Вопреки тенденции, она пришла к ним как пехотинец, сведущий в тактике, но никто не доверял ли́су. Ей выпал шанс в каком-то смысле проявить себя в качестве лейтенанта: все вышестоящие офицеры Кел были убиты, и она вытащила роту из затруднительного положения. После этого Кел обратили внимание на ее компетентность — это выражалось большей частью в том, что ей поручали самые плохие задания. Лучше потерять Шуос, чем своего человека. Что ж, это лишь подстегнуло ее желание побыстрее превзойти всех.

После кампании против Оуэнов Командование Кел отправило ее сражаться с Фонарщиками.

Черис раздумывала над тем, чтобы отказаться от первоначального плана, переметнуться на сторону еретиков, а Куджен пусть катится в ад. Фонарщики вынудили гептархов забеспокоиться, и это был хороший знак. Со своей стороны, она уделила немало времени изучению лучших генералов Кел и того, как они мыслили. Карточные игры и поездки на охоту представляли собой не просто легкомысленные развлечения. Если бы всё свелось к обычной битве, она могла бы предложить свои услуги Фонарщикам. Она не сомневалась в своей способности победить любого, кого сможет выставить Кел.

Завоевать уважение Кел было нетрудно. Кел, будучи практичными, любили людей, которые выигрывали сражения. Если бы она могла добиться своего лишь с помощью этого, она бы попыталась. Но две вещи вынуждали ее действовать быстрее. Во-первых, технический прогресс в области аугментов. Кел намеревались использовать композиты, и существовала большая вероятность, что она не сможет скрыть свои намерения — два десятилетия, посвященных планированию измены, — став частью группового разума. Второй проблемой был Нирай Куджен, который мог предать ее в любой момент. Если

она собирается действовать, лучше сделать это раньше, чем позже.

Труднее всего было не избавиться от гептархов. Труднее всего создать функционирующее, стабильное, здоровое общество из пепла гептархата. Она до сих пор понятия не имела, можно ли убедить Фонарщиков отказаться от поминальных церемоний, если удастся найти какую-то альтернативу, которая дала бы им жизнеспособный календарь. Однако когда Фонарщики использовали своих детей в качестве щитов, она поняла: ничего не получится.

Времени осталось мало, так что ее единственным шансом была крепость Адское Веретено. Бойня вынудила Кел сосредоточить на ней всё внимание и сделала ее печально знаменитой. Раньше Кел уважали ее. Теперь боялись.

Уважение — хороший рычаг, но страх лучше. Если она собирается сделать ставку на бессмертие, нужен очень хороший рычаг.

Какая злая ирония: если бы она выждала еще немного, если бы узнала, что обсуждают Лиож в своих бело-золотых чертогах, могла бы предложить им свои услуги. Ей не пришлось бы прибегать к массовым убийствам. Но лиожская ересь проявила себя спустя два десятилетия после

ее смерти и за некоторое время до того, как Кел впервые возродили ее. И даже хуже — весьма вероятно, что календарные нарушения, вызванные крепостью Адское Веретено, побудили их изучить альтернативные формы правления, что и привело к особой ереси. К демократии.

Черис выпрямилась. Ее больше не удивляло, что их надзиратели решили убить Джедао. Но они могли бы для этого воспользоваться простым трупным пистолетом. Могли бы даже вручить его ей и приказать сделать это, в качестве испытания на верность.

Она судорожно вздохнула — раз, другой. Повсюду были мертвецы, обращенные в карамель. Стены командного центра деформировались, а трещины в полу затянули нити расплавленного стекла.

Может, она ошибалась по поводу серьезности ущерба. Может, были и другие выжившие. Придется проверить вручную. Пепломот большой, но ничего не поделаешь.

— Джедао? — спросила она, потому что не могла перестать надеяться.

Никто не ответил.

Джедао спровоцировал атаку, убедив ее проявить свои математические способности в пол-

ную силу, и Командование Кел встревожилось, сообразив, что предоставило в распоряжение Джедао человека, который сможет помочь с полномасштабным календарным бунтом. Но он не ожидал, что Командование Кел рискнет двумя пепломотами и целым роем, чтобы его казнить. Теперь гептархи — гекзархи, исправила себя Черис — наконец-то спохватились, а Куджен ее бросил.

Черис мрачно улыбнулась. Она уже начала думать о себе как о Джедао.

Джедао попытался передать ей все, что мог. «Не совершай моих ошибок», — сказал он. Несколько слов и целая жизнь в воспоминаниях.

Он хотел, чтобы она продолжила эту игру за него. Или, быть может, она должна была решить, стоит ли игра свеч. Как жаль, что он не смог доверить ей больше…

Черис еще не закончила с осколками. Но она колебалась. Теперь, зная о Нирай Куджене, она лучше понимала, как работает его форма бессмертия.

Если она откажется от осколков, Джедао умрет по-настоящему, и его ужасная, начавшаяся с предательства война умрет вместе с ним. Если она проглотит последние, то сможет продолжить

битву — но не исключено, что дальше воевать будет уже не Кел Черис.

Неужели он подталкивал ее к этому выбору? Она так не думала, но Джедао есть Джедао.

И всё же Черис знала: решение принято.

Два следующих осколка вошли в ее глаза, как пули.

Черис сидела за столом под открытым небом, снова и снова тасуя любимую колоду джен-цзай. Обычно у нее не было недостатка в соперниках — это ведь Академия Шуос, здесь всегда найдется тот, кто не поверит, что кадет-первокурсник и впрямь может быть так хорош, — но шло ежегодное соревнование по игровому дизайну, и всем было не до того.

Кто-то подошел сзади и поцеловал ее в макушку.

— Эй, привет, — раздался знакомый тенор: Вестенья Руо, ее первый друг в Академии, а время от времени — любовник. — Смею ли я надеяться, что наконец-то застал тебя врасплох? — Он обошел скамью и сел рядом. Как и Черис, Руо был в красной кадетской униформе. У них была теория, что первый гептарх Шуос, женщина, выбрала цвета фракции, чтобы ее людей было особенно легко убить на расстоянии.

Черис взглянула на Руо, изогнув бровь.

— Едва ли, — сказала она. — Ты вышел из-за вон того угла возле дерева гинкго, верно? Я увидел твое отражение в бутылочке с духами, с которой тот парень возился чуть раньше. Надо же, как повезло.

Руо легонько ударил ее в плечо.

— Ты всегда говоришь, что это удача. Даже на полигоне. Невозможно так метко стрелять благодаря одной лишь удаче!

— Не понимаю, почему ты придаешь этому такое большое значение, когда сам стреляешь лучше.

— Да, и я намерен убедиться, что так будет всегда, — с ухмылкой ответил Руо. — Но меня раздражает, что я не могу опередить твои рефлексы.

— Я вряд ли представляю для тебя угрозу, — терпеливо ответила Черис. На самом деле, когда они впервые встретились на какой-то вечеринке, Руо нарвался на драку с ней. Много синяков, никаких обид, хотя с той поры она узнала, что ввязываться в случайные драки ради поиска приключений — вполне в духе Руо. Она сама толком не понимала, как такое случилось, но вскоре они стали проводить вместе много времени, отчасти потому, что Руо придумывал потрясающие шалости

— например, с бе́лками и цветовой маркировкой, — но еще и ради того, чтобы не давать ему навлекать на свою голову слишком серьезные неприятности.

— Держу пари, ты говоришь это всем своим мишеням, — сказал Руо. Время от времени он пытался уговорить Черис подать заявку на специализацию «убийца» вместе с ним, но она всё еще не решилась. — Скажи-ка, а у этой твоей подружки разве еще не закончились занятия?

— У «этой подружки» есть имя, — заметила Лиров Йерен, которая как раз приблизилась к Руо сзади. Иногда его ситуационная осведомленность приводила Черис в отчаяние. Хотя Йерен могла ходить беззвучно, она не приложила особых усилий, чтобы подкрасться. — Привет, Джедао. Привет, Руо. — Йерен наклонилась, стараясь не пролить свой напиток, и ее кудри просчитаным движением упали вдоль лица. Она и Черис поцеловались.

— И тебе привет, — сказала Черис. Она развернула карты веером, лицевой стороной вверх, и Йерен рассмеялась.

— О, ты даже не притворяешься, что не мухлюешь, — сказал Руо. Черис собрала стрит из «роз».

— Только потому, что у меня нет настоящих

цветов для тебя, Йерен, — сказала Черис. — Вот, приходится выкручиваться с унылым картонным заменителем.

Йерен бросила на нее косой взгляд.

— Я почти уверена, что этой строчки не было во «Введении в соблазнение», которое я прошла в прошлом году.

— Ненавижу этот курс, — сказала Черис. — Ну серьезно, все анданские бары, где мы практикуемся, задирают цены на выпивку, потому что, эге-гей, у Андан полным-полно бабла. Кое-кто мог бы учесть этот факт, назначая нам стипендию, но мне кажется, что так нас стимулируют мошенничать, чтобы сводить концы с концами.

— Не вижу, в чем проблема, — сухо заметил Руо. — Тебе здорово удается напрашиваться на угощение, особенно когда ты запускаешь программу «Я только что с фермы, и вы, цивилизованные горожане, меня смущаете».

— Это вопрос принципиальной важности, — возразила Черис. Кроме того, в строгом смысле слова это было сельскохозяйственное исследовательское учреждение, пусть даже ее мать в шутку называла себя «фермершей».

— Бедняжка, — сказала Йерен. — Хочешь утопить свои печали? — Она протянула Черис свой

стакан.

— Теперь понял, о чем я? — спросил Руо.

Черис сделала глоток.

— Многовато меда, — сказала она. Всё еще не привыкла к местному пряному чаю. Там, откуда она родом, он не пользовался особой популярностью.

— Это чтобы скрыть вкус яда, — ответила Йерен очень серьезно.

— Отлично мыслишь. — Черис сделала еще глоток, побольше, и вернула стакан.

— Кстати, — сказала Йерен, — я всё время просматриваю турнирную таблицу, но не могу решить одну загвоздку. Где ты спрятал свою игру?

— О, это больная тема, — сказал Руо. — Я даже не могу заставить его опробовать самые заманчивые игры в деле, не говоря уже о том, чтобы признаться в участии.

Черис собрала стрит, перетасовала колоду и на полную мощность включила «смущенного провинциала».

— Куда меньше стресса, если глядеть со стороны, как все остальные из кожи вон лезут. Вы же слышали, как Чжэн попался на взломе вычислительной системы регистратора?

— То же мне, новости, — сказала Йерен. — И я

не верю тебе ни на секунду. Руо рассказал, что ты по собственной воле согласился на пятикратное преимущество противника в тренировочном сценарии — и хочешь сказать, что тебя пугает стресс?

— А он упомянул о том, что в тот раз я проиграл? — Черис прищурила глаза на Руо, который напустил на себя безгрешный вид.

— Только после того, как инструктор потерял дар речи от твоего нестандартного использования сигнальных ракет, — услужливо подсказал он.

— Повезло, — заявила Черис.

Руо закатил глаза.

— Везения не существует.

Черис быстро вытащила три карты: туз роз, туз дверей, туз шестерней.

— Еще как существует, — иронично сказала она.

Йерен, которая сама обучила Черис большинству карточных фокусов, не обратила на это внимания.

— Полагаю, ты можешь получать от анонимного участия какое-то нелепое удовольствие, — сказала она, — но тебя всё равно раскроют. Почему бы не огласить свое имя с самого начала?

— Это если бы я участвовал, — уточнила Черис. — Скажи-ка, Руо, ты ведь выставил «стрелялку», верно? Как успехи? — Она не просматривала результаты, но Руо много говорил об этом, пока возился с программой, пусть даже он и отверг ее предложение помочь с тестированием.

— Выше среднего, — сказал Руо, — с учетом категории. Это лучшее, на что я мог рассчитывать. Мне нужно было всего лишь не опозориться. — Всегда случалось так, что какие-то кадеты показывали такие плохие результаты, что те портили им все будущие карьерные варианты.

Йерен не позволила себя отвлечь.

— Джедао, у кадетов-первокурсников маловато шансов впечатлить инструкторов. Я даже не думала, что ты откажешься от этого. В особенности учитывая то, как ты любишь игры.

— Очень альтруистично с твоей стороны указывать мне на это, — сказала Черис. — Но, так или иначе, ничего не поделаешь. — Она коснулась руки Йерен. — Можем прогуляться у пруда с карпами-кои. От тебя не убудет, если на пару часов отвлечешься от анализа соревнований.

— Это был намек, чтобы я убирался прочь, — весело заявил Руо. — Не надо дразнить гусей. — Черис часто думала, что ей не следовало упоминать

о том, что ее мать любила повторять эту фразу, пусть гусей у них было не так уж много.

— Можно подумать, тебя не ждет одна горячая штучка, — сказала Йерен. В ответ на это Руо сделался ужасно самодовольным.

— Это рассказало бы обо мне слишком многое, — заявил он. — Развлекайтесь, вы оба. — Он снова поцеловал Черис в макушку и не спеша удалился.

Йерен тряхнула головой, но не убрала руку от Черис.

Вообще-то Черис действительно участвовала в соревновании анонимно. Каждый год небольшой процент участников предпочитал поступать именно так (хотя Йерен была права — для большинства анонимность длилась недолго), но у Черис была особенно веская причина. В ее игре нужно было зарабатывать очки, склоняя других людей, от кадетов до сановников, к ереси. К празднованию неправильных праздников. К неортодоксальным ответам на экзаменах по Доктрине. К исковерканным цветочным композициям. Большей частью это были незначительные проявления ереси.

Черис даже не думала, что многие на это поведутся, пусть даже Шуос любили риск. Это был,

скорее, мысленный эксперимент. Чем сильнее зависимость режима от экзотических технологий высокого календаря, тем жестче его законы. Она хотела показать, как легко вдохновить людей на небольшую ересь, продемонстрировать, насколько хрупка система. Академия Шуос поощряла игры, так что игра — в особенности во время ежегодного соревнования — была идеальным вариантом.

Она не проверяла свои успехи с той поры, как загрузила игру в сеть, да и конкурентов не изучала; из-за таких ошибок обычно и попадались. Вообще-то, когда всё пошло кувырком, она спала в постели Йерен.

— …Джедао, — торопливо проговорила девушка. — Плохие новости. — Ее голос дрожал.

— Хм? — сказала Черис. А потом полностью проснулась.

Йерен в фиолетовом шелковом халате сидела за терминалом. Ее волосы ниспадали на плечи, и синие блики играли на темных кудрях.

— Кадет совершил самоубийство из-за какой-то игры, — сказала она. — По крайней мере, это назвали самоубийством.

Черис села и изобразила, что ищет одежду, хотя знала, что та под кроватью. Она всё еще не

понимала, на что намекает Йерен.

— Кто-то знакомый?

— Имя не обнародовали. Но я тут кое-что разнюхала. Я… мне кажется, это Руо.

Сердце Черис учащенно забилось. Йерен всё еще говорила:

— Всё из-за какой-то игры, — сказала она. — Помню, я ее просматривала. Анонимная, про ереси. Только вот кадет не просто заставил однокурсника нарушить какой-то незначительный пункт Доктрины. Он попался на попытке подставить заезжего магистрата Рахал.

Это была именно та выходка, которую Руо счел бы презабавной. Не считая риска быть пойманным. Если бы речь шла о незначительном нарушении, Академия Шуос могла защитить одного из своих кадетов; каждая фракция, как правило, старалась не выдавать своих чужакам, апеллируя к принципу подсудности. Но Рахал — высшая фракция, а тут еще и целый магистрат… Это было не просто правонарушение, это было оскорбление, за которое виновного могли запытать до смерти во время поминального дня.

Черис открыла рот, чтобы признаться, что игра была ее, что она убила Руо, но Йерен продолжила:

— Во всяком случае, игра больше не анонимна. Похоже, Ченой Тиана призналась в авторстве. Она сейчас под следствием.

Оба знали, что «следствие» вряд ли закончится серьезным выговором. Сердцебиение Черис замедлилось.

— Кто такая Тиана? — спросила она.

У нее был выход. И она собиралась им воспользоваться. Она еще не осознала, что уже приняла решение.

— Она третьекурсница, ты и не должен ее знать, — сказала Йерен. — Мне очень жаль, Джедао. Возможно, я ошибаюсь. Самоубийцей может оказаться кто-то другой.

Черис сомневалась в этом. Йерен была очень хорошим хакером. Одним из преимуществ их романа была возможность учиться у нее. И если мертвым кадетом окажется кто-то другой, лучше не станет.

Хватит откладывать самое тяжелое.

— Руо был идиотом, если позволил себя поймать, — сказала Черис с нарочитой небрежностью. — Самоубийство лучше, чем тянуть до той поры, пока тебе начнут вырывать ногти, так что я не могу сказать, что виню его.

Йерен издала болезненный стон.

— Он был нашим другом, Джедао.

Черис быстро оделась.

— Дружба ничего не значит для мертвых, и я не думаю, что кто-то из нас хочет быть с ним как-то связан.

— Если ты и впрямь так считаешь, — сказала Йерен, и ее голос опять задрожал, — то убирайся. Может, увидимся позже, а может, и нет.

Возможно, Йерен попыталась бы спасти отношения, успокоившись, но в намерения Черис это не входило. Она ушла без возражений.

Черис отправилась в кафе. Она устроила небольшой зазор в покрытии камер наблюдения — в Академии шутили, что тот, кто хоть раз не взломал систему коменданта на первом курсе, годится только для Андан, — и ей хотелось послушать новости. Слухи о самоубийстве уже распространялись.

Слушая сплетни вполуха, Черис начала взламывать сеть академии. Планшет, который она использовала, выглядел как модель четырехлетней давности, но по внешнему виду нельзя было определить, что она заменила все внутренности, воспользовавшись дряхлой лабораторной машиной, которую выклянчила у матери. Ее мать была сговорчива до тех пор, пока Черис не взрывала

что-нибудь. (Черис знала, что никогда не сможет искупить тот эксперимент с кухонным комбайном в возрасте двенадцати лет.) Она не питала иллюзий по поводу того, что втайне устаревший планшет станет препятствием для настоящего сетевого дайвера Шуос, но если действовать быстро, есть шанс преуспеть.

Черис не пришлось долго искать фотографии трупа Руо. Даже с пулевым отверстием в виске, с красно-серым месивом с противоположной стороны, с запекшейся в волосах кровью, она его узнала. Она бы его узнала в темноте по звуку шагов, по вкусу губ или по тому, как он всегда глядел влево, когда был чем-то изумлен. Она предполагала, что он всегда будет приветствовать ее поцелуем в макушку и что они закончат Академию вместе — может, даже подадут заявку на одни и те же миссии. Этому не бывать.

Черис было трудно сосредоточиться. До этого момента она убеждала себя, что все игровые маневры существуют исключительно в абстрактном пространстве. Но не было ничего абстрактного в том, что она убила своего лучшего друга.

Тем не менее она еще не закончила. К счастью, она пробралась в досье Тианы, потому что кто-то забыл его заблокировать после внесения изме-

нений — или кто-то другой его взломал до нее и оставил двери открытыми.

Два преподавателя сделали личные заметки в досье. Они похвалили Тиану за беспощадность и отвагу, с которыми она заявила о своем авторстве после самоубийства кадета. Высоко оценили то, как мастерски она овладела идеалами Шуос. И, как будто им в голову пришла запоздалая мысль, порекомендовали записать ее на два продвинутых семинара в следующем семестре.

Черис отключилась от сети и оставалась в кафе, пока не стемнело. За это время она сыграла семь партий джен-цзай и во всех проиграла.

Никто так и не догадался, что настоящим автором игры была Черис, а не Тиана.

— Руо, — хрипло проговорила Черис в тишине. Она не произносила это имя больше четырех веков. Было трудно поверить, что он мертв так долго, что она единственный человек, который помнит его яркие глаза, его смех, его внезапную любовь к фруктовым леденцам. Форму его рук с грубоватыми, крепкими пальцами.

На миг она удивилась тому, что собственный голос прозвучал слишком высоко, до странности чуждо. А потом вспомнила, в чем дело. Ее лицо было влажным, но она пыталась об этом

не думать.

Черис заставила себя завершить задание, которое сама же себе и поставила. Она теперь знала, какую сильную боль причиняют осколки. Если станет чуть больней, это уже не имеет значения.

За четыреста девятнадцать лет до осады Крепости Рассыпанных Игл на планете, чье название атрофировалось до невнятного шепота, гептархат воевал против повстанцев. У повстанцев было много эмблем: Шип-и-круг, Крылатый цветок, Красный кулак. Перевернутая чаша и Дерзкий змей. Каменный топор. В те дни казалось, что каждый холм, каждый город в тени вечных облаков, каждая мерцающая луна обзавелись собственным знаменем.

Бой прошел мимо Черис и Шуос Сересет, как красный прилив. Им поручили убить генерала, выступавшего под знаменем Топора, а потом вручную разместить устройства-крикуны. Оказалось, убийство было легкой частью задания. Теперь Черис слушала далекий грохот пушек, шипение и свист стрельбы из испарителя, рев танков. На протяжении нескольких часов она пыталась связаться с Шуосами, чтобы их забрали; одновременно она выискивала хоть какой-то признак того, что силы гептархата еще не поки-

нули этот район или что еретики возвращаются.

С крикунами всё оказалось куда сложней. Их куратор объяснил ледяным голосом, что дроны Шуосов могли бы справиться с задачей, но начальство не желало в полной мере раскрывать возможности дронов в присутствии Кел. Тех самых Кел, которые были их союзниками.

Теперь Сересет умирал от шальной пули Кел — чистейшее дурацкое невезение. Пуля была туннелирующая, и ампутационный предохранитель Сересета сработал слишком медленно. Всё, о чем могла думать Черис, глядя на корки подсыхающей крови и грязную затвердевшую пену, которая частично перекрывала обрубок ноги и дыры, было то, как плохо она знала этого человека. В Академии Шуос Сересет держался тише воды, ниже травы и много улыбался, но оценки у него были достаточно хорошие, и он любил возиться с привередливым оборудованием. Ничто из этого не говорило Черис, как Сересет относится к краснобайству гептарха Лиож, какую мелодию он напевает, когда никто не слышит, и считает ли он горькое вино, которое подают во время застолья Шуос, вкуснее, чем анданский розовый ликер.

— Тебе надо было уйти несколько часов на-

зад, — хрипло проговорил Сересет.

Черис придвинулась ближе. Было холодно — она сняла куртку и укрыла ею товарища, — но насмерть она не замерзнет.

— Я тебя не покину, — сказала она. — Пока никаких вестей.

— Я и не рассчитывал на них. Знаешь, я всегда поглядывал на тебя и думал, что ты слишком много планируешь. У тебя всегда наготове безупречный ответ. — Сересет говорил медленно, выталкивая слова, но звучали они четко: даже теперь его не покинуло чувство собственного достоинства.

— Не очень-то полезный изъян в характере, верно? — сказала Черис. — Тебе от него никакого толку.

— Ты не виноват, что Кел не умеют целиться.

Черис окинула взглядом изгиб холмов, очертания колышущейся пурпурной травы на фоне тускнеющего солнца, развалины взорванных зданий. Почти можно обмануться и поверить, что это мир: ветер, трава, холмы. Лучи света отражались от листвы, меняя цвет камней, кожи и ручейков.

Почти возможно забыть траектории пуль. Почти возможно забыть, что и дня не прошло

после того, как Кел сражались с повстанцами за соседний город. Почти возможно забыть, что крикуны подчинили врагов и союзников, изгнали все желания, кроме непреодолимого стремления покориться символу гептархов. Крикуны были оружием Шуос, и у Кел не было к ним иммунитета. Их руки ослабли и выронили оружие; движители войны продолжили курсировать по полю боя сами по себе. Наверное, потери ужасающие. Если на то пошло, Черис стоило задаться вопросом, скольким отрядам, разместившим крикуны, удалось выжить.

Черис поначалу намеревалась выбрать карьеру, в которой пригодятся ее способности к языкам. Она была хороша во многих вещах, и богатство выбора работало в ее пользу. Но после самоубийства Руо она переключилась на карьеру убийцы, совмещая ее с толикой аналитической работы. Конечно, одними убийствами гептархат не разрушить, но надо же с чего-то начинать.

И вот как всё обернулось: она умрет забытой на поле боя, не успев ничего предпринять.

— Сколько еще? — спросил Сересет через некоторое время.

— Я не знаю, — сказала Черис. Транспорт Шуос должен был подобрать их больше десяти часов

назад. У них не было другого способа вернуться на орбитальный транспорт, и они не могли бросить крикунов: слишком опасные штуки, чтобы их заполучил враг, и слишком ценные, чтобы их уничтожить. Теоретически Кел наводили порядок на поле боя и разбирались со смятенными пленниками. Черис рискнула передать им короткий запрос об эвакуации, но у нее имелись подозрения по поводу того, что́ Кел думали про Шуос прямо сейчас.

Ветер становился холоднее, солнце тускнело.

— Глупая война, не так ли? — сказал Сересет.

Черис вздрогнула. Небрежность с ее стороны. Надо лучше владеть собой.

— Не говори так.

На лице Сересета появилась жуткая улыбка.

— Ну что за ерунда. Что они со мной сделают, убьют?

— Ты не хуже меня знаешь, как поступают с диссидентами. Лучшее, что можно сделать, — это подчиниться.

— Я ожидал от тебя большего.

— Ни от кого не следует ждать большего. — Черис вспомнила долгие часы, которые проводила в офисе Шуос Хиаз, ссутулившись над списками цифр. Ей не хватало воображения, чтобы пред-

ставить себе все эти смерти, разрушенные города и книги, чей смысл обратили в пошлость, но она всё равно пыталась.

После очередной паузы, когда странные светящиеся насекомые начали свои порхающие танцы, Черис сказала:

— Глупая война.

У слов был странный привкус. Она не привыкла так рисковать.

Она сомневалась, что Сересет расслышал, но потом он сказал:

— Что ж, полагаю, с этим ничего не поделаешь.

— Неправда, — сказала Черис более пылко, чем собиралась. — Если бы все объединились и бросили вызов тирании, даже гептархи отступили бы. Мы говорим «повстанцы», как будто у них у всех одинаковые цели и главари, но это не так. Они разобщены, потому-то гептархат и победит каждого по отдельности. Это просто вопрос времени.

— Конечно, — сказал Сересет. Наверное, он улыбался. Теперь трудно было понять.

— Мы не должны сражаться в этой войне, — продолжила Черис. Она так долго молчала. — Но единственный способ вынудить их остановиться состоит в том, чтобы кто-то бросил вызов всему

гептархату. Я говорю не о мелких убийствах. Я говорю о том, чтобы победить их на каждом уровне их собственной игры. Путь неблизкий и некрасивый, и в итоге ты окажешься таким же чудовищем, как они, — но, может быть, оно того стоит, чтобы развалить всю эту грёбаную систему.

Сересет побледнел. Сделался как мел.

— Это слишком круто, Джедао. Такое не сделать за целую жизнь, не обеспечить результаты.

«За целую жизнь».

— Способ есть, — медленно проговорила Черис. — Ключом владеют Кел.

— Если ты о «черной колыбели», никто не позволит тебе воспользоваться ею в собственных целях. И еще придется выяснить, как в ней не сойти с ума.

— Этого можно добиться с помощью манипуляции, — сказала Черис. — Еще одна игра с дальним прицелом, но она не за пределами возможного. Надо сделать что-то впечатляющее. Заставить их возвращать тебя снова и снова, пока ты не добьешься своего.

Наверное, существовали другие, менее рискованные пути, но всё равно они оба здесь умрут. Почему бы не пойти ва-банк, пока они играют в

«что, если...»?

Сересет болезненно рассмеялся.

— Ну ладно, я понял — ты уже чокнулся. И ты умрешь в какой-нибудь потасовке из-за цен на айву. Или тебя поймают, и нет достаточно омерзительных слов, чтобы описать, что с тобой сделают.

— Нет, я умру на этой планете, — сказала Черис. — Но, по крайней мере, мы умрем вместе.

Черис подумала, что светящиеся насекомые начинают ей нравиться.

Солнце село. Черис прижалась к Сересету, своим теплом питая его убывающее тепло.

Она сильно удивилась, когда тишину нарушил всплеск помех в ухе, а потом:

— ...Тенант Шуос Лхарис, «Огненная птичка 327», команда крикунов номер пять, пожалуйста, отзовитесь.

Черис оцепенела. Она не соблюла собственную заповедь, открылась другому человеку, допустила нарушение правил безопасности. Сересет может выжить, если получит врачебную помощь. Но тогда он может выдать ее: пьяные речи, бред под наркозом, бездумная злоба. Никому нельзя доверять.

Она сжала кулаки. Посмотрела на него, потом

отвернулась.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — дрожащим голосом произнес Сересет. — Сделай это.

— Не могу, — сказала Черис, закрыв глаза от стыда. — У тебя есть шанс.

— Я буду калекой, даже если выживу, — сказал Сересет. — И жизнь дешева в любом случае…

— Не говори так, — яростно сказала Черис. — Это неправда. Это всегда оказывается неправдой.

— Кроме того, — продолжил Сересет, перекрывая повторяющееся сообщение Лхариса, — у тебя есть план. Чертовски рискованный план, но кто знает… Ступай и свергни власть гептархата ради меня. Пусть моя смерть что-то значит. Поспеши, пока лейтенант не бросил тебя здесь. — Его голос звучал очень слабо.

— Я не забуду, — сказала Черис. Она поцеловала его в лоб.

Затем одним быстрым, решительным движением схватила куртку и накрыла лицо Сересета.

После того, как Сересет перестал дергаться и дышать, она вышла на связь.

— Шуос Джедао, команда крикунов номер пять, вызывает лейтенанта Лхариса. Один для эвакуации.

— С другим что? — спросил Лхарис.

— Шальная пуля Кел. Не выжил.

— Жаль, — сказал Лхарис. — Ладно. Прилечу за вами через два часа и сорок шесть минут. Оставайтесь на месте.

Впервые после самоубийства Руо Черис испытала краткий миг товарищества, и из-за этого ей пришлось совершить убийство. Потому что она была слаба; потому что она захотела поговорить. Она не повторит эту ошибку.

«Ни за что не прощай меня», — подумала Черис, обращаясь к Сересету, пока снова надевала куртку. Два часа и сорок шесть минут до прибытия транспорта показались вечностью.

Вверь себя огню, как сказали бы Кел.

И не смотри назад.

Глава двадцать третья

Вахенц была вынуждена признать, что за свою долгую карьеру в качестве агента по особым поручениям не раз сталкивалась с организациями, наделенными даром стрелять себе в ногу во время важных операций. Таураги с их офицерами-надзирателями, Хоссен с конкурирующими бюро, Хафн с мелкими дрязгами между аристократами… У Командования Кел этот фокус тоже получался весьма неплохо. Она и не думала, что после окончания операции они приготовили для генерала-лиса что-то приятное, но стоило задаться вопросом, почему на это задание сразу не отправили кого-то одновременно компетентного и надежного. Среди генералов Кел должен был найтись хоть один такой. И тем не менее открывшееся перед нею зрелище представляло собой прекрасный довод против того, чтобы превращать верховное командование в групповой разум, особенно в связи с уже состоявшейся полномасштабной резней.

Готовность Командования Кел взорвать целый рой, чтобы избавиться от Джедао, не так уж силь-

но изумляла, хотя Вахенц сочла интересным, что они увели пепломот с поля боя во время крупного вторжения. Убийство солдат их ничуточки не волновало, разумеется. Вахенц иногда задавалась вопросом, каким бы путем пошла история гекзархата, не окажись первая из обнаруженных формаций Кел самоубийственной. Мужество и способность держаться до последнего, вопреки обстоятельствам — это еще ладно. А вот самоубийство как заурядный факт представлялось ей форменным расточительством.

И всё-таки положение Вахенц было плачевным. Лишь благодаря нелепому везению шпионка не очутилась в зоне действия бомбы, пройдя по самому краешку — но этого хватило, чтобы половина систем отключилась, да к тому же поджарилась ее коробка сладких бобовых пирожков. Радовало лишь то, что стелс-система игломота не пострадала, поэтому Крепость не расстреляла ее кораблик во время аварийного ремонта.

Вахенц свела близкое знакомство с процедурами сканирования, на которые была способна Крепость, и знала пределы их возможностей. Поэтому, когда она отремонтировала свою собственную систему сканирования и та сообщила, что на «Неписаном законе» есть единственный

выживший, шпионка не только сразу же поняла, о ком идет речь — она еще и не усомнилась, что Крепость понятия не имеет, кто бродит внутри скорлупки, некогда бывшей совершенно функциональным пепломотом.

Шпионка могла справиться с ситуацией поразному. Уходить не следовало в любом случае — хотя ее начальство, вероятно, предпочло бы заслушать доклад как можно быстрее. От того, что про этот бардак узнали все, кое у кого несомненно открылась язва. Она также не могла просто расстрелять пепломот. Игломот годился для скрытных перемещений, но не мог замаскировать серьезный фейерверк, пусть даже необходимая огневая мощь у него была.

Может, предупредить Кел, что их цель всё еще жива, и пусть сами разбираются с проблемой? Однако Вахенц сомневалась, что их план не заключался именно в этом. Нет, придется устранить Джедао самой. В любом случае так веселее. Она всегда наслаждалась возможностью убить интересного противника самостоятельно, не перекладывая эту обязанность на подчиненных.

Трупная бомба предназначалась для уничтожения людей, а не неорганических структур. Кроме того, ее бесспорно создавали не для того,

чтобы уничтожить цель размером с пепломот с одного удара. Это не означало, что пепломот не поврежден, и она точно знала, что остальной рой не в лучшей форме. Верхняя часть пепломота выглядела так, словно какой-то безумный стеклодув попытался сделать из нее головоломку-пазл, но система жизнеобеспечения всё еще работала, и искусственная гравитация как будто не собиралась чудить. Собрав достаточно хорошую команду Нирай, пепломот можно было бы подготовить к полетам за несколько дней.

Вахенц аккуратно подвела игломот к одному из доков для хопперов и запустила бурильщики. Именно на этот случай она и прихватила коробку с выпечкой, но теперь пришлось уныло пялиться на экран сканера, ожидая возможности проникнуть на борт «Негласного закона». Если там сохранились какие-нибудь запасы еды, это наверняка еда Кел. Кел отличались прискорбной любовью к овощам. Не говоря уже про омерзительные соленья.

Сканер давал ей довольно хорошее представление о том, как выглядели внутренности мота — хаотичный лабиринт коридоров и стен, покрытых трещинами. Она загрузила карты в свой аугмент и на всякий случай запомнила как мож-

но больше сведений старомодным способом. Нельзя предугадать, в какой момент шальные экзотические эффекты помешают твоей личной технике. И хотя она сомневалась, что Джедао после бомбардировки остался невредим, не стоило рассчитывать на легкую мишень.

Шпионка облачилась в скафандр не раньше, чем это потребовалось, и взяла с собой резак и пистолет-скорчер. Какая жалость, что у нее нет ручного сканера, который мог бы точно указать расположение формы жизни. Придется оставить сканер игломота включенным и положиться на данные, которые мот-сеть будет пересылать ей. Устроить в таких условиях засаду — задачка интересная, не из простых.

Шагнув внутрь пепломота, Вахенц увидела парящие в воздухе стеклянные волокна, потревоженные вторжением. Фильтры костюма должны были ее защитить, но всё же шпионка почувствовала во рту привкус пепла, как будто шла по лесу всего лишь через час после адского пожара. Свет ее фонаря, обычно чисто-белый, во тьме коридоров сделался серым, как сталь на изломе.

Единственный выживший с того момента, как Вахенц обнаружила его на сканере, медленно и хаотично двигался по командному центру. Он

ранен, решила она, и пытается выяснить ситуацию.

Вахенц несколько минут наблюдала за его перемещениями на карте-проекции, а потом отправилась в командный центр. Похоже, на момент взрыва трупной бомбы действующий коммандер ничего особенного не делал с переменной компоновкой пепломота. Тем не менее шпионке было трудно не поглядывать с подозрением на косые углы, наклоненные вперед стены и полы, испещренные ямами. Окажись воображение Вахенц чуть побогаче, она решила бы, что оттуда за ней следят чьи-то прищуренные глаза.

И тут началась игра. Движения Джедао изменились, сделались более целеустремленными. Впрочем, трудно понять: он ее засек, или это совпадение? Большинство систем пепломота после взрыва полетели к чертям, но нельзя исключать, что Джедао удалось кое-что перезапустить и понять, что он больше не один. Она продолжала наблюдать, не ища явных подсказок: интуиция, по ее мнению, была лучшим советчиком относительно того, насколько Джедао осознаёт присутствие на борту чужака.

Невозможно было игнорировать песчаную текстуру пола под подошвами ботинок: пробираясь

по коридорам, она как будто шла сквозь руины песочных часов. Казалось, ее шаги сопровождаются громким хрустом, хотя датчики уверяли, что шпионка перемещается достаточно тихо. Изображения пепельного ястреба по обеим сторонам коридора были безнадежно испорчены: сусальное золото слущивалось мучительными спиралями, птичьи шеи смялись в неприятные на вид узлы, мазки краски переливались, утыканные осколками. Лозунг Кел «Из каждой искры — пламя» изрешетили дыры.

Джедао покинул командный центр. К сожалению, самый быстрый способ перехватить его состоял в том, чтобы пройти через это помещение; придется рискнуть. Не нужно было быть лисой, чтобы подумать о ловушках. Она решила, что помешать ему устроить таковые могло лишь отсутствие возможностей. Учитывая бомбардировку, он обязан был предположить, что рано или поздно кто-то придет по его душу.

Как выяснилось, возможность устроить ловушку у Джедао была, хотя первым точным свидетельством осведомленности жертвы о присутствии Вахенц стало кое-что другое. Эмблема, которую Джедао выцарапал на полу так, чтобы шпионка увидела ее, едва войдет. Искорежен-

ные двери оказались открыты. Вахенц вбежала и метнулась вбок, стреляя из скорчера — она уже давным-давно не совершала любительской ошибки, застывая в дверях и превращая себя в мишень, — но ответного огня не было. Если Джедао и был рядом, он хорошо спрятался. Это не значит, что она в безопасности. Его тепловой след не полностью исчез, и, что характерно, шпионка услышала приглушенный стук, как будто кто-то споткнулся. Он не мог уйти слишком далеко.

Вахенц не приостановилась, чтобы рассмотреть эмблему, которую как будто вырезали боевым ножом Кел. Тем не менее она на ходу сделала несколько снимков, чтобы изучить их позже, предпочтительно не в таком уязвимом положении.

Ее подстерегала ужасающе неуклюжая ловушка; Вахенц разве что слегка вспотела, когда в начале серии слабых взрывов бросилась в укрытие за хрустальной колонной. Вероятно, он понял, что времени нет, и решил, что сляпать жалкое подобие засады лучше, чем сдаться без боя. Джедао снял оружие с мертвецов, чтобы устроить этот небольшой фейерверк, но пистолеты Кел стандартного образца не очень-то хорошо перенесли предательство Кел стандартного образца. Проска-

нировав окрестности еще раз, Вахенц выбралась из-за колонны и присела, чтобы рассмотреть одну из пуль. Эта штучка уже и не напоминала пулю — она выглядела как один из тех квазикристаллических додекаэдров, которые одно время были популярны у нее на родине в качестве сережек.

Джедао не сумел скрыть другие следы своих трудов. На полу остались отпечатки и длинные кривые полосы там, где он пытался подняться после того, как шмякнулся. Или гравитация еще не пришла в норму, пока он тут занимался своими делами, или Джедао находился в командном центре, когда бомба попала в цель.

Тут Вахенц кое-что вспомнила: рой «Двойка шестерней» предпринял неудачную попытку уклонения в самый последний момент. Почему Джедао не заметил, что ему вот-вот вонзят нож в спину?

И вообще, насколько сильно пострадал лис? Если, конечно, он не притворяется, что было бы чересчур. Вахенц быстро проверила остальной командный центр, но большинство терминалов представляли собой безусловный металлолом.

Игломот передал новые данные: форма жизни завернула за угол, углубляясь в недра мота. Вахенц прищурилась, глядя на стеклянные осколки

с переливами от бледного к темному, издающие песчаный скрежет под ногами. Очень художественно, однако ей всё-таки надо уничтожить противника.

У Вахенц не было суеверий в отношении мотов, как у некоторых Нирай, — одна из множества причин, по которым она избегала застревать в барах с любвеобильными техниками, — но непрекращающийся танец серебристых отражений, помещения без окон и припадочное освещение заставляли ее нервничать. Что ж, стрельба по людям бывает расслабляющим занятием, если есть в кого стрелять. Ее это устраивало, и она пообещала побаловать себя чем-нибудь сверх обычного, как только доберется до безопасного места с цивилизованными удобствами.

Шпионка вывела на внутренний экран фотографии двойки шестерней. Изображение появилось перед ее левым глазом, и она увидела то, чего сперва не заметила: зигзагообразный ряд цифр, рассекающий левую, бóльшую шестерню наподобие молнии. Джедао написал: 1 082 771.

Вахенц свернула изображение, презрительно ухмыльнувшись. Получается, все прочие придурки, которых он убил, не достойны учета — только Адское Веретено и эта последняя трагикомедия?

Впрочем, генерал-лис никогда не славился здравомыслием. Пусть упивается своими убийствами, если ему так хочется.

Забавно, но верно: однажды она размечталась о том, что́ могла бы устроить, позволь ей Кел невозбранно погулять по пепломоту. Теперь она здесь, но Кел почти всё сделали сами, хоть с их точки зрения это и было демонстрацией наивысшей степени некомпетентности.

Форма жизни остановилась. Она была уже близко. Вахенц замедлила шаг и рефлекторно спряталась за покосившимися останками терминала за миг до того, как в центре помещения зажглись красно-желтые огни. Они замигали в быстрой последовательности: раз-два-три-четыре, барабанный код Кел, сигнал бедствия. Какой-то силуэт мелькнул во тьме. Вахенц выстрелила. Стена зашипела, полетели искры агрессивного красно-оранжевого цвета. Она испортила какой-то гобелен — часть его теперь представляла собой мазки сажи и призраков, сотканных из дыма.

— Честно говоря, — донесся из теней женский голос, сопровождаемый треском помех, — если это лучшее, что Командование Кел сумело сделать, чтобы сравнять счет по головам, лучше бы оставили меня при деле. Как бы там ни было

— прошу прощения, нас, кажется, друг другу официально не представили?

— Шуос Джедао, как я полагаю, — сказала Вахенц. Тот же женский голос, что и в заговорщическом «послании» Цзай, тот же акцент, та же грёбаная заносчивость.

Голос шел из динамиков системы внутренней связи — он думает, такое способно ее обмануть? И всё же Вахенц не забывала о том, что это может быть частью более замысловатого трюка.

— Вы уж простите, но что-то мне не хочется называть свое имя, — сказала шпионка. Она всё равно послала запрос системе игломота, но без точных указаний хозяйки та мало на что годилась.

— И всё же вы здесь, хотя могли бы давно отправиться туда, куда отправляются все секретные агенты, когда им нужно сочинить объяснительную для начальства, — голос Джедао звучал печально, и это раздражало. — Думаете, мне не приходилось их писать, когда я работал на Шуос?

Джедао снова начал двигаться, очень медленно. Вахенц решила, что с нее хватит. Она последовала за ним, пригибаясь и ступая с кошачьей сноровкой.

— Перейдем к делу, — сказала шпионка и с улыбкой обошла остатки ловушки.

Красно-желтые огни следовали за ней, появляясь то слева, то справа. Иногда они обнаруживались возле потолка, а иногда — возле пола. Продолжали мигать согласно той же последовательности «один-два-три-четыре», словно ожидая, что она поведет себя как суеверная Кел. По крайней мере, Вахенц предполагала, что он точно знал ее местоположение. Тот факт, что он еще не застрелил ее, плюс его разговорчивость, наводили на мысль об отчаянном желании заполучить какие-нибудь сведения.

— Должен спросить, — непринужденно поинтересовался Джедао, — если вы здесь, чтобы покончить со мной, разве для этого нет менее рискованных способов? Я хочу сказать, здесь отсутствуют неудобные очевидцы, способные всё испортить. Мы только вдвоем. Больше нет необходимости во лжи и уловках. Найдись у меня способ взорвать вас по-настоящему, я бы уже нажал на кнопку. За то жалкое световое шоу в командном центре меня бы исключили из Академии Шуос.

Значит, ее догадки верны. Но пусть болтает, почему бы и нет? Может, расскажет что-нибудь

полезное. К тому же он двигался всё медленнее и медленнее. Слишком напоказ. Она остановилась, не позволяя заманить себя дальше.

— Может, вы Хафн, а может — свободная художница, — продолжил Джедао. — На данный момент мне всё равно. Для меня представляет важность лишь то, что вы не на стороне гекзархата. Это может быть очень полезно.

— Джедао, — сказала Вахенц, — я не собираюсь объединяться с вами, чтобы завоевать вселенную. Особенно принимая во внимание вашу склонность к предательству, которое сопровождается попыткой массового убийства.

Он остановился. Она ждала; от нетерпения можно было лишь всё испортить.

— Если у нас есть хоть что-то общее, — сказал он, — а у меня имеются некоторые основания полагать, что дело обстоит именно так, то вы находите недальновидность своего начальства глубоко прискорбной. В любом случае что плохого в том, чтобы выслушать меня? Наверное, вы задаетесь вопросом, почему я, признанный мастер стрельбы в затылок, служил Кел последние четыреста грёбаных лет, словно верная шавка.

Ну ладно, призналась Вахенц самой себе, он добился ее внимания. Может, сейчас выложит как

на духу все доводы, какие могли бы объяснить его прошлое поведение.

— Будем соревноваться, кто знает больше анекдотов в духе Кел? — язвительно спросила шпионка.

— У Командования Кел есть файл, в котором содержатся все анекдоты до единого, вы в курсе? Но вернемся к теме. Давайте подумаем вот о чем. Когда меня вытащили из «черной колыбели» в первый раз, пожилые генералы из верховного командования еще помнили, что я сделал. Рана еще болела. Они помнили, как ужинали со мной. Проигрывали мне в джен-цзай. Черт, я танцевал с некоторыми из их детей на этих проклятых приемах. Я был не исторической личностью, а настоящим человеком. Я был лучше, чем их боевые генералы, — но это делало меня опаснее. Зачем понадобилось использовать немертвого предателя?

— Джедао, — сказала Вахенц, — вы явно к чему-то клоните. Хватит терять время, говорите без обиняков. — Она нащупала рукоять пистолета, ощутила его вес.

— Я хочу предложить вам свои услуги.

Вахенц не сдержалась. Она расхохоталась так, что смех едва не перешел в приступ кашля.

— Что, прошу прощения?

— Я серьезен, как могила.

— Вы даже не знаете, как меня зовут.

— Я не привередлив, — сказал Джедао. — Что ж, давайте взглянем на проблему под другим углом. Что вы знаете об изобретении формационного инстинкта?

— Признаюсь, тут я в тупике, — сказала Вахенц, что было необычно. Она старалась быть в курсе истории гекзархата, в особенности тех ее частей, о которых не любили вспоминать. — У меня сложилось впечатление, что Нирай разработали его для Кел, но я не смогу подтвердить его цитатами.

— Нирай любят мастерить для Кел разные штуки, — сказал Джедао. — Они, на самом-то деле, созависимы.

То, к чему вела эта дискуссия, заставило Вахенц насторожиться.

— Если я правильно понимаю, на что вы намекаете…

— Я не Кел, — сказал Джедао с внезапной свирепостью, — но они сделали всё возможное, чтобы я стал похож на Кел. Вы когда-нибудь спрашивали себя, кто был прототипом для формационного инстинкта? Так услышьте мои слова: я должен кому-то служить. Если не вам, то тому, кто сле-

дующим появится на этой грёбаной развалине. Даже если это будет не один из придурков Кел. Четыреста лет, и они не собирались выпускать меня без какой-то гарантии, что я поступлю, как прикажут. Мне просто повезло, что оружие, которым они собирались меня «убить», не сработало как положено — и благодаря этому я ненадолго обрел свободу.

Интересная история. Почти правдоподобная. Но Вахенц знала, какой он дока по части правдоподобия.

Огни помелькали слева, помелькали справа. Она перестала их замечать.

— И еще одна перспектива, — сказал Джедао, и Вахенц решила, что он сейчас выудит из памяти какую-нибудь историю про кадетов Шуос, про игровой дизайн или про мстительных командиров, но услышала совсем другое. — Что вы знаете о гусях?

Шпионка моргнула.

— В отличие от некоторых немертвых генералов, — сказала она, — я интересуюсь только теми птицами, которых планирую съесть. — Она знала, что он вырос на какой-то ферме, но как это связано с…

— Значит, вы не знаете про гусят.

— Они вкусные?

— Ну, не без этого. Но дело в том, что сразу же после того, как гусята вылупляются, они запечатлевают первый движущийся объект как родителя. Когда я был мальчишкой, то считал, что это очень забавно. Но мне стало не до смеха, когда взрослая гусыня стала сопровождать меня в школу, выставляя на посмешище.

— Так вы воскресший гусенок, — сказала Важенц, невольно усмехаясь.

— Что-то в этом духе, да.

— Ладно, — сказала шпионка, взвешивая варианты. — Мне нужен, скажем так… знак доброй воли. — Она помнила, как он в самом начале высадил пехоту в Крепости, как принес в жертву командира Кел Неревор. Так или иначе, если ей удастся заставить его выйти на видное место, она будет в лучшем положении и сумеет оценить его искренность. Язык тела — не мелочь, особенно когда имеешь дело с Шуос. Она отступила к еще одной хрустальной колонне — весь мот ими пестрил, прям как музей, — и спряталась за нею, слегка высунув голову и выставив дуло пистолета, чтобы можно было беспрепятственно выстрелить. — Выходите туда, где я смогу вас увидеть. Через ту же самую дверь. Если я замечу

оружие, распылю вас на атомы.

Если Джедао промедлит… но этого не случилось. Он вышел из-за угла и пересек искореженный зал, волоча ноги, словно был ранен. Костюм Вахенц сообщал, что поддерживает постоянную температуру, однако у нее прошел мороз по коже.

Тело Джедао принадлежало молодой женщине с напряженным и ужасно бледным лицом, покрытым потом и пылью, с внушительным синяком на виске. Под растрепанными волосами виднелся порез на лбу. Кровь из него стекла вниз и набок, высохла уродливыми корками. Любопытным образом сохраняя чувство собственного достоинства, хотя и без изящества, он опустился на колени в устаревшем жесте покорности гептарху. Поза была почти правильная. Он держал обе руки так, чтобы она могла их видеть, вместо того, чтобы заложить левую за спину. Как предусмотрительно с его стороны.

Взгляд Джедао был колючим и до жути ясным, как будто вселенная сузилась до круга с Вахенц в центре. Она видела нечто похожее в глазах Кел с нулевым оперением. С другой стороны, шпионке также показалось, что она заметила в его глазах странную янтарную искру, которую не помнила по предыдущей записи — но, видимо, всё дело в

мерцании ламп.

— Если хотите, чтобы я умолял, — сказал Джедао, не сводя с нее голодного взгляда, — буду умолять.

Слишком заманчиво.

— Откуда ты знаешь, что я не окажусь для тебя хуже, чем Кел? — промурлыкала Вахенц. Она почти поверила, что он не выдумывает свою историю. Тем хуже для него: узнав, что ему известно о трупной бомбе, она всё равно собиралась его застрелить.

В ответ раздался язвительный смех.

— Хуже? Какая мне разница, что может быть хуже? Вы более компетентны. И вы не из Кел. Всё остальное — только детали. Я не в состоянии заботиться о деталях. Теперь я принадлежу вам. Я уже ненавижу вас, но вы найдете способ справиться с этим — или же я зря потрачу на вас время. — Его голос сделался зловеще тихим. — Просто укажите мне направление и скажите, в кого стрелять. Мне нравится стрелять в людей до тех пор, пока не нужно остановиться.

Что ж, если Джедао не был психом раньше, теперь он точно тронулся. Почему кто-то решил, что сумасшедшего генерала стоит беречь в таких обстоятельствах, пусть даже у этого сумасшед-

шего генерала есть отвратительная привычка побеждать в битвах, было за пределами ее понимания. Расспрашивая его о трупной бомбе, Вахенц сохраняла небрежный тон, одновременно готовясь стрелять. Он даже не отслеживал взглядом движения пистолета.

Однако прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, из центра сервитора, цепляющегося за стену, ударил луч света. Ему наконец-то удалось занять позицию, пока шпионка была сосредоточена на допросе. Лазерный луч вошел в затылок Вахенц и поджарил мозг, и она упала, не закончив фразу.

Глава двадцать четвертая

Игломот отличался от всего, что Черис видела ранее, но это был невеликий сюрприз. По габаритам он чуть-чуть превосходил хоппер, однако не требовалось гениального ума, чтобы понять его куда большую ценность. Он был рассчитан на управление одним человеком — и, наверное, на одного пассажира размером с человека. Как бы там ни было, она и два сервитора устроились с комфортом.

Черис по-прежнему не сомневалась, что никто из людей не выжил после трупной бомбы. На моте повсюду осталось трупное стекло. Шуос Ко превратился в сгусток темных недвижных жил. Шуос Лиис… Черис не смогла заставить себя подойти к подернутому волнами стеклу, как только поняла, кем оно было — она испытала такое чувство, словно за углом поджидала Хиаз с неизменной улыбкой на устах.

Сервиторы выглядели мертвыми, но Черис была готова биться об заклад, что разработчики бомбы и минуты не уделили размышлениям о том, как взрыв повлияет на этих существ. Не бу-

дучи техником, она всё же провела с сервиторами столько времени, что непроизвольно научилась некоторым фокусам. С помощью нескольких импровизированных инструментов и такой-то матери она сумела восстановить дельтаформу. Потом та помогла ей восстановить птицеформу.

На большее не хватило времени, потому что птицеформа, чьи сканеры были в лучшем состоянии, чем у дельтаформы, сообщила о постороннем на борту.

Они сошлись во мнении относительно того, что незваный гость явился убить Черис или Джедао — в зависимости от того, сколько ему известно о заякорении, — что для отслеживания Черис он пользуется системами игломота и что он, вероятно, не Кел. Впрочем, последнее стало не лучшим известием. Черис всё еще жалела, что они не сумели взять женщину в плен или хотя бы узнать ее имя. По крайней мере, план сработал. Сперва Черис отвлекала чужачку, а дельтаформа следовала за ними по пятам; птицеформа в это время помчалась к игломоту и взломала его систему. У Черис была идея задержать чужачку с помощью ловушек, а самой ринуться к сервиторам, чтобы вместе удрать на игломоте, но они не могли рисковать, оставляя эту женщину в живых, — ведь

она могла рассказать Командованию Кел о том, что Черис не погибла. И потому Черис продолжила отвлекать безымянную гостью до тех пор, пока дельтаформа не сумела ее прикончить.

— Надо убираться отсюда, пока не появился кто-нибудь еще, — сказала Черис сервиторам. — Надеюсь, вы двое умеете управлять мотом, потому что одна часть меня не умеет, а познания другой безнадежно устарели.

Дельтаформа, которая уже воевала с сетью игломота, издала раздраженный писк. Мот-двигатель негромко загудел, услаждая слух.

Птицеформа наклонила голову, цвет ее огоньков поменялся с зеленого на желтый, а потом — оранжевый. Она спрашивала Черис, кто та на самом деле.

— Я Аджевен Черис, — сказала женщина. Она больше не называла себя Кел. — Но еще я Шуос Джедао. И, похоже, для меня еще не настало время прекращать борьбу.

Она съела глаза лиса. Она видела то, что увидел он.

Эпицентр взрыва представлял собой средоточие застывшего прошлого и обесценившегося будущего. Большая часть роя Кел превратилась в трупное стекло. Свыше 8000 Кел и тех, кто был на

службе у Кел, — всё ради того, чтобы обеспечить смерть одного человека.

Дельтаформа спросила, куда они летят.

Черис криво улыбнулась. Она стащила перчатки и аккуратно отложила в сторону. В ее сердце горел холодный, бледный огонь. Гекзархи понятия не имели, как сильно они облажались.

Пришлось очень постараться, чтобы угодить в «черную колыбель», которая была меньшим злом из множества, и дождаться нужного момента для начала кампании против гептархата. Но свою собственную войну она выиграть не могла. Ключом к победе в календарной войне была математика, а единственный доступный ей математик, Нирай Куджен, являлся еще более страшным чудовищем, чем она сама.

Теперь у нее в каком-то смысле появилась альтернатива.

«Я мертва, — пришла отчетливая мысль, — чего и добивалась, но я жива в достаточной степени, чтобы продолжить войну».

Всю свою жизнь она жила по высокому календарю гекзархата. Теперь ей предстояло жить по другому календарю. Она будет отсчитывать годы от дня смерти своего роя, а не согласно бездушным и чопорным праздникам Рахал, парадам

Кел, болезненным поминальным церемониям Видона. Каждый ее маневр будет нацелен на бунт, как всякая песчинка в часах нацелена на их горлышко. В ее душе всколыхнулась волна чувств при мысли о солдатах, потерявших конечности и испарившихся, о смертях, стоивших не больше, чем фальшивые монеты.

Черис наконец-то поняла смысл Адского Веретена. Она убила для гептархата ужасающе много людей. Когда дело дошло до Фонарщиков, она решила, что с нее хватит. Жизнь фонарщика не дешевле жизни гептархатского солдата. Жизнь есть жизнь. Простое уравнение, но в тот момент она еще не была математиком, а Командование Кел так и не поняло условных обозначений.

Это была не единственная причина — она, как ни крути, осталась Шуос, — но та, которая имела значение.

Календарная война — война сердец.

Однако числа способны влиять на сердца при условии, что и те и другие верные.

Она узнала на собственном опыте: не все хозяева достойны служения. Пришло время вступить с гекзархами в бой.

«Я твое орудие».

Календарная гниль пустила корни вновь.

Благодарности

Я благодарю следующих людей: моего редактора Джонатана Оливера и замечательных людей из Solaris Books; моего агента Дженнифер Джексон; и помощника моего агента Майкла Карри.

Выражаю благодарность своим бета-ридерам: Сэму Кабо Эшвеллу, Питеру Берману, Джозефу Бецвайзеру, Дедале, Хелен Кибли, Юн Кюн Ли, Алексу Дэлли МакФарлейну, Нэнси Зауэр и Соне Тааффе.

Посвящается Юн Кюн Ли, лучшей из сестер, которая была рядом, когда всё началось.